

Элли Блейк

Ледяная кровь

Роман

Даррену, Никласу,
Александру и Лукасу,
Люблю вас бесконечно

Elly Blake

Frostblood

Печатается с разрешения литературных агентств New Leaf Literary & Media, Inc и Andrew Nurnberg.

Copyright © 2017 by Elly Blake

© Е. Бойченко, перевод на русский язык

© Е. Эллер, иллюстрация на обложке

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Глава 1

Я протянула руку к огню.

Искры из очага взлетели и удобно устроились на пальцах – тепло тянется к теплу. На коже они мерцали, как драгоценные камни. Свободной рукой я придвинула поближе ведро с тающим снегом и опустила на колени, чтобы успеть тут же окунуть руку в воду, если искры вдруг вспыхнут пламенем.

Именно этого мне и хотелось.

Со дня зимнего солнцестояния прошло шесть недель, но моя деревня, высоко в горах, уже была покрыта толстым слоем снега. Бабушка всегда говорила, что холод – это настоящее испытание для дара Огненной крови. Она умерла, так и не успев передать мне истинные знания о силе Огня. А мама заставила меня пообещать, что я никогда не стану пробовать ничего такого.

Вряд ли я смогу сдержать это обещание. Если солдаты короля найдут меня, мне понадобится умение управлять огненным даром.

Я закрыла глаза и направила всю свою энергию в сердце, пытаюсь собрать как можно больше тепла и выплеснуть его вверх и наружу, как учила меня бабушка. Если все сделать правильно, то яркие искры на моей руке вспыхнут язычками пламени.

Ну же, огоньки, где вы?

Меня столько лет учили гасить внутренний огонь, чтобы он не вырвался наружу, прятать его, делать невидимым, что теперь приходится прилагать усилия каждый раз, когда я хочу найти его. Ага, вот он, маленький сверкающий завиток. Я терпеливо уговаривала его, и тоненький упрямец немного подрос, потом еще и еще чуть-чуть.

Достаточно. Я затаила дыхание, боясь рассеять чары. Вдруг в комнату ворвался холодный воздух, и волосы, разметавшись, закрыли мне лицо. Искры на пальцах погасли, а огненный завиток метнулся назад, в сердце. Мама захлопнула дверь и заткнула щель снизу стеганым одеялом, вся ее худощавая фигура под накидкой тряслась от холода.

– Ужас, что там творится. Я продрогла до костей.

Увидев, как она дрожит, я, наконец, отошла от очага.

– Я думала, ты принимаешь роды.

– Рано еще, – ее зрачки расширились при виде высоких языков пламени и снова сузились.

Я пожала плечами, возбуждение прошло.

– Было так холодно...

– Руби, ты опять этим занималась, – в ее голосе зазвучала знакомая досада.

– Если хоть один человек увидит, чем ты занимаешься – только *один* – они сообщат об этом солдатам короля. Лето было дождливым, запасы зерна на исходе, люди пойдут на что угодно, лишь бы выжить, и запросто сдадут тебя за вознаграждение.

– Я знаю. Не надо мне без конца это повторять.

– Тогда зачем ты это делаешь? Посмотри, что происходит, даже когда ты не *пытаешься* использовать свой дар. – Она махнула рукой на кучу полуобгоревшего тряпья. Следы пламени все еще покрывали пол.

Я вспыхнула.

– Прости. Сорвалась на днях. Снова. Но сегодня у меня почти получилось контролировать пламя.

Она осуждающе покачала головой, и я поняла, что нет смысла оправдываться. Обхватив себя руками, я медленно раскачивалась. Наконец, ее обветренные пальцы мягко коснулись пряди моих волос. Она всегда говорила, что мне повезло родиться брюнеткой, а не рыжей, как некоторые Огнекровные. Моя кожа, может, и была чересчур загорелой для ребенка с Севера,

но в этой сонной деревне друг друга никто не разглядывал. Здесь ни у кого нет власти – ни власти льда, ни власти огня.

– Я понимаю, что этот дар – часть тебя, – мягко сказала мама. – Но по ночам я лежу без сна и тревожусь. Как мы сможем сохранить твой дар в тайне, если ты все равно хочешь его использовать, даже зная, что он опасен?

Этот вопрос она задавала снова и снова на протяжении последних нескольких месяцев, когда я решила начать практиковаться. И я ответила, как отвечала себе:

– Как я научусь контролировать его, если я им никогда не пользуюсь? И если здесь мы в опасности, почему бы нам не уехать туда, где безопасно?

– Только не это. Ты же понимаешь, что нам ни за что не добраться до границы, а если и доберемся, то окажемся на передовой.

– Побережье...

– Его тщательно охраняют сейчас.

– Нам надо было уехать несколько лет назад, – произнесла я с горечью. – Нам следовало жить в Сюдезии, вместе с нашим народом.

Она отвернулась.

– Ну, что делать – сейчас мы живем здесь, и нет смысла желать невозможного.

Но, увидев, как мало осталось хвороста, она выдохнула:

– Руби, тебе действительно надо было сжечь половину наших запасов дров?

Я сглотнула чувство вины.

– Я больше не буду подкидывать поленья в огонь.

– Мы замерзнем, когда он догорит.

– Я согрею тебя. Ты можешь лечь рядом со мной.

Я хлопнула по тюфяку, который придвинула поближе к очагу так, чтобы на него не попадали летящие искры. Ее взгляд смягчился, улыбка тронула губы.

– Ты лучше любого огня. Ты никогда меня не обжигает, даже если я придвигаюсь слишком близко.

– Вот именно. Дочка с огненной кровью может быть очень полезна.

Она засмеялась, и у меня на сердце полегчало.

– Мне приятно, честно.

Она притянула меня к себе и крепко обняла, быстро вздохнув и засмеявшись, будто почувствовала силу жара, волнами идущего от меня.

– Мне кажется, что я обнимаю жареного цыпленка. Тебе надо прогуляться и остыть. Может, ты принесешь хвороста, чтобы пополнить наши запасы, которые потратила на опыты.

На улице бушевала метель, снег шипел и таял, падая на островки моей ничем не закрытой кожи. Подвывая, юго-западный ветер сорвал у меня с головы капюшон и взлохматил волосы. Пахло хвоей. Воздух был морозным, но кожа все еще дышала жаром после опытов с огнем. Мама попросила меня набрать хвороста для очага, но еще она хотела, чтобы я слегка успокоилась. Конечно, часть жара лучше было сбросить здесь, чтобы не устроить пожар в хижине.

Я проделывала это и раньше, выскальзывая из дома поздно ночью в пустынный, укрытый снегом лес, руки мои в спешке сооружали костер, потому что мне хотелось управлять пламенем. Но в лучшем случае я поджигала подол своей накидки.

Я собрала небольшую вязанку хвороста и шла, крепко прижимая ее к себе. Лес затаил дыхание, стояла тревожная тишина, и только ветер шумел в верхушках деревьев. Сюда редко

кто забредал, но я все равно украдкой оглядывалась вокруг, и стук сердца отзывался в ушах. Закрыв глаза, я призвала себе на помощь маленький завиток пламени, который обнаружила раньше. Хворост нагрелся в моих руках.

Ветер сменил направление и теперь дул с севера, обещая метель с мокрым снегом. Я задрожала и крепче прижала к себе хворост, пытаюсь закрыться от холода, который проникал внутрь меня, вытесняя тепло.

Вдруг из чащи леса донесся звук шагов.

Я бросила хворост и вскарабкалась на камень, сметая сугробы снега. На северо-западе тропинка вилась по оврагу, нависающий край которого закрывал ее от снега. Через несколько секунд я, оставаясь в укрытии, смогу увидеть, кто приближается.

Сначала показался капюшон; затем между серыми стволами деревьев под небом стального цвета замелькал металлический шлем. Затем появились мужчины в ярко-голубых туниках, нарушавших ослепительную белизну вокруг.

Тяжелая поступь и громкие голоса солдат взорвали тишину.

К сердцу прихлынула кровь, страх обернулся жаром.

Тысячу раз меня предупреждали о солдатах короля, но я всегда говорила себе, что мы слишком высоко в горах и слишком мало значим, чтобы тратиться на поиск Огнекровных. Я надеялась, что они просто шли мимо, возвращаясь с сурового севера. Но наша хижина стояла прямо у них на пути. Они могли легко забрать запасы еды из нашей кладовой или воспользоваться нашей хижиной для ночлега. Нельзя было рисковать: находясь рядом, они могли почувствовать жар, исходящий от моей кожи.

Я спрыгнула с камня и бросилась в сторону дома, едва дыша, стараясь не шуметь, пробираясь сквозь деревья и кусты и прячась в подлеске и за пригорками.

Когда я добежала до нашей хижины, мама сидела у огня, её длинные волосы были распущены и свисали на спинку плетеного стула.

– Солдаты, – я схватила ее тяжелую накидку, все еще сохнущую у огня, и кинула ей. – В лесу. Если они решат здесь остановиться...

Мама глянула на меня в изумлении и тут же принялась за дело. Она завернула в тряпицу немного сухого сыра и хлеба, затем прошла к издававшему вид деревянному столу, на котором, в тепле огня, сушились целебные травы. Мы долго собирали их и потому не могли и помыслить о том, чтобы оставить такую ценность здесь. Мы быстро складывали их в клочки ткани, которые завязывали трясущимися пальцами.

Но дверь вдруг широко распахнулась, хлопнув о стену, и травы смело порывом ветра на пол. Из заснеженной тьмы на пороге возникли два силуэта в голубых туниках, украшенных белой стрелой.

– Где Огнекровная? – взгляд солдата переместился с мамы на меня.

– Мы – целители, – за напускной бравадой матери я услышала тщательно скрываемый страх, и ноги мои стали ватными.

Сделав несколько шагов, один из солдат загнал меня в угол и схватил за руки. Я судорожно сглотнула, почувствовав острый запах застарелого пота и зловонного дыхания. Его холодная рука скользнула к моей шее. Мне хотелось повернуть голову и укунить его за запястье, стукнуть, расцарапать ему лицо, сделать хоть что-нибудь, чтобы он убрал с меня свою руку, но у него был меч, и я стояла, не двигаясь.

– Да у неё кожа горит, – сказал он, скривившись в усмешке.

– У неё жар, – ответила мама полным отчаяния голосом.

Вздрагнув, я тяжело вздохнула. *Спрячь свой жар. Погаси его. Успокойся.*

– Не боитесь заразиться? – спросила я, пытаюсь скрыть дрожь в голосе.

– Твоя болезнь не заразна, – он подтолкнул меня к выходу, крепко держа за руку. Яростно пытаюсь вырваться, я опрокинула ведро с красными ягодами, которые собирала перед снегом.

Они рассыпались по полу, как капли крови, и он давил их сапогами, выталкивая меня на улицу под свет луны.

Давление в груди нарастало. Казалось, что огонь из очага проник мне под ребра и хотел вырваться. Бабушка описывала это чувство, но раньше мне не приходилось его испытывать. Внутри меня как будто разрастался огненный шар, который рвался наружу. Мне хотелось снять кожу, чтобы выпустить его.

Боль нарастала, и мне показалось, что она убьет меня. Я закричала и вокруг меня образовалась оболочка из обжигающе горячего воздуха, накрывшая моего противника. Он отпустил меня и упал на землю, корчась от боли. Я бросилась в хижину, где мама отбивалась от другого солдата, который тащил ее к выходу. Схватив полено, я изо всех сил ударила его по затылку. Он качнулся в сторону и упал.

Я взяла маму за руку, и мы бросились прочь. Обожжённый мною солдат все еще стоял на четвереньках, уткнув лицо в снег.

Пробираясь сквозь высокие сугробы, мы быстро бежали прочь от нашего дома – дома, где всегда было тепло и безопасно. Из-за страха и смятения мысли мои замерзли, как и пальцы. Я должна была увести маму в безопасное место. На развилке дороги я свернула направо, в сторону леса, где можно было затеряться среди сосен, которые росли так густо, что снег не достигал земли.

– Слишком холодно, – глухим голосом сказала мама, опираясь на мою руку, – и негде укрыться. Нам надо в деревню.

Развернувшись, мы кинулись в сторону деревни. Мы шли мимо дворов и домов до тех пор, пока мама совсем не выбилась из сил, и мне пришлось тянуть ее на себе сквозь сугробы, которые волнами застыли на тропинке. Когда мы, едва дыша, приблизились к кузнице, я увидела оранжевые огни на деревенской площади.

– Факелы, – прошептала я, рукой отталкивая мать назад.

Это казалось невероятным. Сколько я себя помнила, я приходила в деревню по крайней мере раз в неделю, не только для покупки еды и других припасов. Мне хотелось ускользнуть от одиночества нашей крошечной хижины, поздороваться с людьми и улыбнуться им, вдохнуть запах свежеспеченного хлеба и иногда уловить тонкий аромат розовой воды, идущий от жен и дочек лавочников. И хотя я никого не могла назвать своим настоящим другом, люди всегда отвечали мне, когда я здоровалась, многие в деревни брали у моей матери настойки для заболевшего отца или сестры, или ребёнка.

Теперь мой уютный мир разлетелся на осколки, как стеклянная банка, упавшая на камень. Запахи хороших отношений, уюта и безопасности улетучились безвозвратно. Это была другая реальность – едкий дым факелов и тяжелый дух, шедший от уставших лошадей и их грязных всадников.

Мы поспешили назад. Но, когда мы проходили между домами, из темноты, как призраки, вышли три солдата с белой стрелой на груди. Мы и дернуться не успели, как они схватили нас и потащили к площади, где уже ждали люди. Все они выглядели испуганными и взъерошенными, как будто их вытащили из постели. Я оглядывалась по сторонам, ища выход, но я не могла оставить маму. Она тихо и смирно стояла возле меня.

– Эта девчонка Огнекровная? – спросил высокий мужчина с хорошо очерченными скулами и светлой бородой. Он выглядел как командир, и пальто его отсвечивало начищенными пуговицами.

Я вглядывалась в знакомые лица людей из деревни. Грэхем-мельник и его дочь Флэкс. Фермеры Тибальд, Брекен и Том и их жены Герт, Лилли и Мэлоди. Все они приходили к маме лечиться, когда болели, но они понятия не имели, кто я. Мы всегда были лишь добрыми соседями.

Мальчик моего возраста сделал шаг вперед. Сердце мое упало, когда я узнала Клэя, старшего сына мясника. На празднике урожая он отвел меня в сторону, когда вся деревня танцевала вокруг костра. Наши руки дрожали, когда мы поцеловались в темноте. Он отступил назад, почувствовав жар моих губ, слишком сильный для обычного человека, но не отдернул рук. Потом мы украдкой переглядывались, когда я приходила в магазин его отца.

– Это она, капитан, – произнес Клэй дрожащими губами. – Она убила моего брата.

Мама ахнула и сжала мою руку. Я застыла.

Несколько недель назад отец Клэя приходил к нам. Его младший сын родился недоношенным. Кожа ребенка была холодной. Мама испробовала все мази и средства, которые знала, и, наконец, взяла меня с собой, чтобы я попыталась согреть ребёнка своим естественным теплом. Но малыш все равно умер. Я плакала три дня.

– Вы знаете, что это неправда, – прошептала я. – Я пыталась спасти его.

– Огнекровная тварь! – сказал отец Клэя. – Ты навлекла беду на всех нас.

Я покачала головой, не веря своим ушам.

– Клэй? Это ты привел сюда солдат?

Лицо Клэя исказилось, но он не ответил. А просто отвернулся.

Словно по команде, жители деревни отступили, когда солдаты подошли ближе. Через несколько мгновений мы с мамой остались одни – две дрожащие женщины, окружённые пылающими факелами.

– Есть способ узнать наверняка, – сказал капитан, держа перед собой факел и наслаждаясь происходящим с холодным взглядом. – Огнекровные не горят.

– Беги, мама! – я толкнула ее на землю.

Шестеро или семеро солдат с факелами медленно окружали нас со всех сторон, их жар обжигал мне лицо. Искры от факелов попали на платье, одежда загорелась, пламя гудело в ушах. Кожа покрылась волдырями, но не горела.

Капитан шагнул вперед, рука двинулась к мечу, и мама бросилась на него. Ногтями она в кровь расцарапала ему лицо. Капитан толкнул её, и она упала в снег. Я попыталась оттащить маму, но, как только я приблизилась, капитан пнул меня ногой в грудь. Я упала на землю, задыхаясь от боли, огонь на одежде зашипел и погас, соприкоснувшись со снегом.

Когда я с трудом поднялась на колени, он почти лениво поднял меч. Затем с отвращением в глазах, он опустил рукоять меча на голову мамы.

Она сползла на землю, как сломанная кукла, волосы рассыпались по снегу тонкими черными линиями, словно нарисованные кусочком древесного угля. Красивая длинная шея изогнулась, как увядший цветочный стебель.

Я подползла к ней, приподняла за плечи и прижала к себе. Дрожащими руками я пыталась нащупать пульс на шее, сильный и устойчивый, как она сама. Но она была неподвижна.

Мир застыл.

Нет. Нет. Нет.

Робкий маленький завиток пламени в моей груди вдруг вспыхнул, превратившись в поток жара, справиться с которым я была уже не в состоянии. Но меня это больше не заботило. Какой смысл прятать свой дар теперь? Я втянула в себя воздух, забрав его у неба, у деревьев, у целого мира. Казалось, вокруг меня взметнулся смерч, и я была его эпицентром.

Я выдохнула.

Пламя, окутавшее мое тело, распускалось огненным цветком и с ревом рвалось вперед. Перед моим затуманенным взором мелькали скорчившиеся от боли испуганные люди, солдаты падали на землю, пытаясь спрятать лица и руки в снегу.

Тело моей матери все еще лежало позади меня, ее волосы спутались, руки опустились на землю. Развернувшись, я потянулась к ней, но кто-то схватил меня за плечи. Я брыкалась и размахивала кулаками, пытаясь найти глубоко внутри ещё немного огня.

Но пламя погасло, как только меня бросили в поилку для лошадей. Тело мое разбило тонкую корочку льда и погрузилось в воду, которая словно иглами колола кожу. Бока сдавило стенками из грубого дерева. Грудь сковало холодом, я рванулась, пытаясь выбраться, но меня снова толкнули вниз. Я ухватилась за край поилки, впившись ногтями в дерево.

Наконец солдаты вытащили меня из воды, и я вдохнула ледяной воздух.

Капитан наклонился вперед и схватил меня за мокрые волосы. Его лицо было обожжено, а щеки были покрыты волдырями.

– Ты заплатишь за то, что ты сделала со мной и моими людьми. Вся ваша деревня заплатит.

Позади него уже пылал огонь, из витрин магазинов и окон домов извергались черные клубы дыма. Жители пытались остановить солдат, которые размахивали факелами, поджигая деревянные стены, телеги с сеном и груды дров, смеясь и крича, как будто это был праздничный фейерверк. Их голоса смешивались с воплями тех, кто мог только стоять и смотреть, как сжигают их дома.

Ярость смешалась с паникой, нагревая мою кровь, и над водой начал подниматься пар.

– Достойное наказание за укрывательство Огнекровной, – сказал капитан, и его глаза сверкали.

Все пострадали из-за меня.

– Я убью тебя за то, что ты сделала этой ночью, – прошептала я.

Пламя плясало, отбрасывая странные тени на его язвительную ухмылку.

– Привяжите ее к лошади. Мы отвезем ее в тюрьму Блэк Крик.

– Но, Капитан, – сказал солдат, – ее огонь.

– Выруби ее.

Боль расколола мне затылок. Последнее, что я увидела перед тем, как погрузиться во тьму, была белая стрела на груди капитана.

Метка Ледяного Короля.

Глава 2

Пять месяцев спустя

В тюремной тишине слышались звуки нетвердой походки: шаркая сапогами, к камере приблизились изрядно выпившие охранники. Солнце только что село, и ярко-красный свет увядающего заката пробивался сквозь крошечное зарешеченное окно.

– Вставай-вставай, маленькая тварь.

Я лежала, съежившись в углу, в привычном положении: свернувшись калачиком, обнимая себя руками, чтобы удержать в теле тепло, которое жадно забирал каменный пол. Я медленно села, и цепь, прикованная к моей лодыжке, зазвенела. Три пьяные рожи таращились на меня сквозь решетку.

– Который час? – спросил Брэггер заплетающимся языком. Он был сильно пьян.

– Тебе пора валить в казарму, – ответила я хриплым от жажды голосом.

Он хитро улыбнулся.

– Тебе понравился твой новый аксессуар?

Я посмотрела на тускло-серые кандалы.

– Не подходит к платью.

Он фыркнул.

– Мерзавка, как и все вы. Ну и как тебе в них?

– Никак.

– Зато теперь, как мне кажется, ты будешь держать свой жар при себе, хотя бы в ближайшем будущем.

– Если только вы не решите оказать особое внимание другим заключенным.

За несколько недель до этого Брэггер и его пропитанные элем дружки решили, что им надоело слушать кашель пожилого мужчины в камере рядом с моей. Его крики о помощи пробили толстую стену безразличия, которую я воздвигла у себя в голове. Хотя ужасная грязь и еда из испорченных продуктов ослабили мое здоровье и мой дар, мне все-таки удалось добраться через решетку до Брэггера и слегка опалить его обнаженное предплечье. Избиение прекратилось, но заключенный умер той же ночью, и я унаследовала его цепь в качестве награды за вмешательство.

– Не лезь, куда не просят, Огнекровная мразь, – сказал Брэггер. – А то в следующий раз мы почтим своим вниманием тебя. Тогда ты не выдержишь и дня.

Желудок мой сжался, но внешне я оставалась спокойной.

– Вы обещаете мне это уже несколько месяцев, а я все ещё здесь. Наверное, я вам нравлюсь. Темплтон дает мне дополнительные порции.

Темплтон, самый маленький и тихий из них, начал протестовать, но Брэггер просто усмехнулся.

– Я не попадусь на это снова. Стравливаешь нас друг с другом, думаешь, мы забудем о тебе, грязная тварь. Еще раз спрашиваю. Сколько времени?

– Время сжечь всех вас дотла.

Когда он засмеялся, я поняла, что произнесла это вслух.

– Навряд ли в тебе осталось так много огня, иначе ты бы давно это сделала. Но, на всякий случай, Рэйджер, ведро с тобой?

– Вот оно, – сказал Рэйджер, ударив металлическим ведром о решетку.

Ключ щелкнул в замке, и дверь распахнулась.

– Так который час? – спросил Брэггер, голос его звучал низко и серьезно, а значит, мне будет только хуже, если я не подыграю.

Я стиснула зубы.

– Час моего обливания.

Он безжалостно улыбнулся в предвкушении.

Я сосредоточилась на том, чтобы не шелохнуться, но как ни старалась, дернулась, когда на меня обрушилась холодная вода, и от моей кожи стал, шипя, подниматься пар. Охранники скрючились от смеха.

– Такое никогда не надоеет, – сказал Брэггер, затаив дыхание возле моего лица. – Свистящий чайник в форме девушки. Интересно, что произойдет, если мы выпьем весь этот красный чай?

Я медленно подняла руку, чтобы откинуть назад прядь промокших волос. Его глаза настороженно следили за каждым моим движением.

– Я не боюсь тебя, – сказал он, но отошел, когда Рэйджер шагнул вперед и опрокинул на меня ещё одно ведро воды с кусками льда, которые оцарапали мне щеки и запутались в волосах. Я вдохнула, желая контролировать пар, который так забавлял их. Но опять же, без пара не было бы никакого страха. Я видела, что они делали с заключенными, которые их не пугали.

После третьего ведра у меня промокла спина, и я начала дрожать.

– Не знаю, почему за тобой до сих пор не пришел палач, – сказал Брэггер, – но это вопрос времени.

Он быстро ударил меня в плечо, сбив с ног. Я свернулась калачиком, когда дверь камеры с лязгом закрылась. Смеясь, они двинулись дальше.

Я холодна, как тюремные стены. Я не чувствую ничего.

Лед трещал, как будто ломались кости.

Я проснулась и рывком села, сердце бешено колотилось. Нечто темное, странное и нечеловеческое витало надо мной, леденящим холодом касаясь щек. Я стряхнула остатки сна и пригляделась.

Тюрьму накрыло белой волной льда, коркой покрывшего каменные стены и проникшего в каждую щель, в каждую замочную скважину. Лед разлился по полу, образовав сверкающий щит, и остановился в нескольких сантиметрах от меня. Я была на каменном острове в море льда.

Кто-то подошел к моей камере. Я подавила стон. *Только не охранники. Пожалуйста, хватит на сегодня.* Но это были не охранники – я уловила запах смазанной кожи и мыла. Я подняла взгляд – возле камеры стоял высокий человек в капюшоне и держал факел в правой руке. Желудок сжался, на затылке зашевелились тонкие волоски.

Рядом возникла еще одна фигура в капюшоне. Этот человек был намного ниже и опирался на трость. Из-под капюшона выглядывала короткая белая борода.

– Думаешь, это она? – спокойно спросил он, и его изысканный акцент показался абсолютно неуместным в этом последнем пристанище безродных убийц и воров.

– Смотри, – сказал тот, что повыше, звучным низким голосом. – Видишь, лёд не приближается к ней.

Он втянул в себя воздух и с силой выдохнул. Вода в воздухе превратилась в льдинки, которые сыпались на меня крошечными гранулами и таяли, превращаясь в пар от соприкосновения с моей кожей.

Подавив стон, я широко раскрыла глаза от ужаса. Это были Ледокровные – те, чей дар был полной противоположностью моему. Из всех сил я старалась дышать ровно, чтобы скрыть

панику.

– Видишь? – в его голосе послышался восторг.

– Сядь, малышка, – сказал тот, что был пониже, постукивая тростью, словно стучась в мою дверь. – Мы хотим поговорить с тобой.

Я не двинулась с места. Я очень хотела, чтобы они ушли и оставили меня в покое. Меня сковал такой же страх, что и в тот день, когда в деревню пришли солдаты. У охранников не было дара, а им все равно удавалось сделать мою жизнь невыносимой. Но они хотя бы боялись моего огня. Страшно подумать о том, что могли сделать со мной Ледокровные.

– Делай, как он говорит, – сказал высокий человек, с важным видом стоявший за тюремной решеткой. – Сядь или я найду ведро с водой, и тогда мы увидим, как ты дрожишь.

Дух противоречия нагревал мою кожу. Я расцепила руки и села.

Старик подошел ближе.

– Сколько тебе лет?

Я нахмурилась, думая, что ответить. Дни слились в месяцы, которые в королевской тюрьме могли растянуться на годы. Казалось, он понял мою неуверенность.

– Прошло две недели со дня весеннего равноденствия.

В груди защемило. Я потеряла почти полгода.

– Тогда семнадцать.

– Ты обожгла солдат короля, некоторых очень сильно, – сказал он. – Хотя они и выжили благодаря помощи искусных целителей.

– Какая жалость, – ответила я, мой голос был таким же холодным, как ледяной пол.

Он усмехнулся и посмотрел на своего собеседника.

– Любопытно, что у нее черные волосы. У тех, кто одарен по-настоящему, волосы обычно огненно-рыжие. – Он протянул ко мне руки. – Покажи нам свое запястье.

Я прижала руки к груди.

– Зачем?

– Мы хотим только посмотреть, – его голос звучал мягко, ласково.

Недолго думая, я подняла руку, разорванный рукав распахнулся, открыв тонкое запястье. Он взял у своего спутника факел и поднес его близко к решетке, свет упал на толстую вену, которая пульсировала, как жирный красный червь под моей кожей.

– Видишь, как она светится красным, – восхищенно произнес он, когда я отдернула руку. А затем закатал свой рукав, чтобы показать мне холодно-синюю вену на своем запястье. – Мы не причиним тебе зла, – заверил он меня. – Мы здесь, чтобы сделать предложение. Если ты исполнишь наше задание, то получишь свободу.

Мое сердце забилось чаще. Слово *свобода* звучало в моей голове, как чистая, ясная нота колокольного звона. Сама мысль об этом была болезненным искушением – чувствовать свежий воздух в легких, поцелуй солнца на коже, игру ветра в волосах. Я задрожала, разрываясь между тоской и ужасом.

Есть вещи и похуже, чем медленно умирать в камере.

В мерцающем свете факела приближались два силуэта, лед трещал под их ногами. А дыхание затуманивало воздух холодной пеленой.

– Какое задание? – спросила я.

Старик огляделся и покачал головой.

– Думаю, тебе захочется нам помочь.

– Зачем мне помогать Ледокровным? Разве что помочь им умереть.

Он поднял руки и опустил капюшон, открыв худое морщинистое лицо, с кожей чуть темнее, чем моя. Его глаза, такие светло-голубые, почти белые, прожигали меня насквозь. На губах был намек на улыбку.

– Лёд и огонь когда-то были друзьями.

– Не в моей жизни.

Он посмотрел на своего спутника и сосредоточенно повернулся ко мне.

– Тогда, возможно, тебя заинтересует наша цель. Трон.

Я прижала руки к холодному каменному полу, чтобы успокоиться. Это было то, чего я жаждала, *единственное*, чего я хотела с того дня, как солдаты забрали у меня все, – убить короля, который отдал такой приказ. Если бы не король, не было бы ни солдат, ни капитана, ни тюрьмы.

Моя мама была бы жива.

Мои глаза встретились с бледным взглядом старика, голова закружилась. Они хотели, чтобы я убила для них короля, но какой ценой?

– Вы думаете, я доверюсь вам?

Он развел руки.

– Мы здесь и мы предлагаем тебе выход. Если нас обнаружат, то повесят.

– Если вам повезет.

Он кивнул.

– А если я откажусь?

Высокий мужчина выдохнул.

– Тогда ты будешь гнить здесь до тех пор, пока не превратишься в кучу костей, скованных цепями.

Губы мои скривились в ухмылке.

– Один крик, и вы двое будете гнить здесь вместе со мной.

– Очаровательное предложение, – сказал широкоплечий. – Не могу и представить, что никто не пришел к тебе раньше.

Старик тихо усмехнулся.

– Достаточно, Аркус. Ты согласна с нашими условиями, девочка?

Я еще немного подумала. От других заключенных я слышала, что большинство Огнекровных в королевстве были убиты или высланы. Некоторые, возможно, гнили в тюрьмах, как и я. Но рано или поздно палач придет и ко мне.

Проще будет сбежать от этих людей, чем вырваться из королевской тюрьмы.

Я приподняла голову и кивнула.

Старик наклонился к замочной скважине и подул на нее. Лед пробил отверстия вокруг, и раздался громкий щелчок. Дверь распахнулась.

– А моя цепь? – спросила я, указав на лодыжку.

Он подошел ближе, опираясь на палку, и снова подул. В замочной скважине образовался лед, но через секунду растаял. Он попробовал еще раз, но лед снова растаял.

– Ты слишком сильно сопротивляешься холоду, девочка. Можешь подавить свои способности?

Я покачала головой. Бабушка умерла, так и не успев научить меня.

Из караульной по коридору эхом прокатились тихие голоса.

– Охранники идут, – сказал тот, которого звали Аркус. – Отойди.

Прежде чем я успела моргнуть, он выдохнул струю ледяного воздуха на цепь, вытащил меч из-за спины и ударил им. Я ахнула и отшатнулась в сторону, когда цепь разлетелась.

– Поспеш, – подгонял старик.

Я попыталась встать, но боль в суставах заставила меня опуститься. Мои мышцы стали слишком слабыми, чтобы поддерживать меня.

– Уноси ее, Аркус.

Аркус наклонился, его лицо, скрытое капюшоном, замерло в нескольких сантиметрах от меня. От него исходил запах мыла, лошади и кожи.

– Если ты что-нибудь выкинешь, – сказал он мне в ухо, – я сверну твою тощую шею.

Я впиалась в него взглядом и молчала, желая увидеть его глаза вместо тени. Но видны были только его четко очерченные подбородок и нижняя губа.

– Если ты причинишь мне боль, я обожгу тебя так, что твоя любовница в ужасе сбежит.

Он тихонько фыркнул, а затем поднял меня на руки. Вес кандалов потянул мою лодыжку вниз. Я вскрикнула от боли и удивилась, когда он снова посадил меня, чтобы оторвать кусок ткани от своей накидки. Он намотал ее вокруг моей лодыжки под металлом, чтобы мне не натирало кожу. Затем снова подхватил меня.

Когда мое бедро коснулось холодной кожи его обнаженной руки, он глубоко вдохнул через ноздри, но все равно двигался быстро и спокойно, даже со мной на руках. Мы уже поднялись по дряхлой лестнице, когда в коридор ввалился Брэггер, моргнул и выпучил глаза, увидев, что пленницу уносят.

Ледяная дымка заполнила каменный коридор, покрыла пол сверкающими нитями паутинных узоров. Лед потрескивал, как будто клацали тысячи зубов. Он подкрался к ногам Брэггера, поднялся вверх до талии и дальше, к рукам и шее. Брэггер открыл было рот, но слова застыли у него в горле, когда лёд полностью сковал его тело.

Я уставилась на поднятую руку старика, на его пальцах сияли ледяные кристаллы. Но у меня не было времени поразиться силе его дара. Голоса бодрствующих охранников пронесли по коридору. Аркус прошествовал мимо замерзшего тела к приоткрытой двери, и старик поспешил за нами.

Как только тяжелая дверь захлопнулась, я задрожала от того, что мне на самом деле удалось бежать. Мои легкие наполнялись сладким чистым воздухом, а глаза слепило почти забытым светом звезд, горящих как факелы в темной комнате.

Руки Аркуса были очень холодными. Его дыхание сбилось.

– Моя кожа жжет тебя? – спросила я, заметив его нахмуренный лоб и сжатые губы.

– Твое зловоние жжет мне ноздри, Огнекровная, и ничего больше. Надеюсь, у брата Тисла достаточно мыла в аббатстве, чтобы отмыть тебя.

Если он хочет находиться подальше от меня, это здорово. Меня такой расклад вполне устраивал.

– А вы, стало быть, брат Тисл? – спросила я старика, который тяжело шагал к повозке и кучеру, ожидавшему в тени здания напротив.

– Да, это я, девочка. А тебя как зовут?

– Руби, – ответила я. – Руби Отрера.

– Руби, – повторил он, улыбаясь. – Подходяще.

Глава 3

Я почти забыла, как трясет и качает, когда едешь в повозке. Аркус сидел рядом, а брат Тисл напротив. Повозка прыгала на кочках разбитой дороги, унося нас от города, а я забилась в самый дальний угол, подальше от Аркуса и его ледяной кожи. Хотя я закуталась в одеяла, мои суставы ныли от холода, и волны холодного воздуха, исходящие от него, лишь усиливали боль.

Аркус раздраженно вздохнул.

– Не знал, что люди Огненной крови так восприимчивы к холоду.

Я посмотрела на него. Мой дар помог мне остаться в живых, когда других убивал кашель или ночной холод. Но за месяцы, проведенные в тюрьме, мой внутренний огонь почти угас, и мне было все время холодно, даже если я чувствовала тепло от прикосновений Аркуса. Я сомневалась, что он поймет мою боль, а объяснять не хотела. Спустя пару часов стоны, которые я не могла больше сдерживать, разозлили его до такой степени, что он согласился на короткий отдых.

Мы остановились на пустынном участке дороги. Кучер вышел размять ноги, а оба Ледокровных отошли подальше, чтобы поговорить под большим деревом, голые ветви которого освещал яркий полумесяц.

– Она слишком слаба, – сказал Аркус шепотом. – Сомневаюсь, что она доживет до конца путешествия.

– Доживет, – ответил брат Тисл приглушенным голосом. – Она выжила в тюрьме. У нее сильный дар. Возможно, она прячет свою силу, а, возможно, у нее есть и другие таланты, о которых мы пока не знаем.

– Отличный слух, например, – предложила я, заставив монаха вздрогнуть.

Мы не так далеко отъехали от тюрьмы и еще могли повернуть обратно. Поэтому я не могла позволить им видеть мою слабость.

Старый монах поклонился, его голос звучал огорченно.

– Приношу свои извинения, мисс Отрера.

Мне показалось, что мои щеки трескаются, как сухая кожа, и я поняла, что улыбаюсь его смущению. Я улыбнулась первый раз за долгое время – я почти забыла эти ощущения.

Аркус повернулся ко мне, от застёжки его плаща отражался лунный свет. Его силуэт и ярко блестящий металл заставили меня вспомнить о солдатах, приближающихся ко мне в мерцающем свете факелов. Моя улыбка исчезла, и я поглубже завернулась в одеяло.

– Я буду считать твою грубость признаком улучшения здоровья, – сказал он.

Через пару минут мы снова отправились в путь через леса и заброшенные деревеньки. Лунный свет освещал провалившиеся крыши, сорванные с петель двери и поломанные заборы. Большинство домов, построенных из глины или соломы, были покинуты и разрушались.

Мужчины и женщины ушли на войну, и больше никому было засеивать поля и собирать урожай на этой суровой северной земле. Повсюду были голод и разруха. Поля были в еще худшем состоянии, чем полгода назад, когда меня посадили в тюрьму.

Через пару часов пейзаж изменился. Вместо лесов и полей лунный свет покрывал серебристые кустарники, припорошенные снегом. Мы с грохотом двигались вверх по горной дороге.

– Вы уверены, что не хотите убить меня прямо сейчас? – процедила я сквозь стиснутые зубы, пытаясь удержать внутренности в теле, которые так и норовили вырваться наружу. – Результат тот же, но страданий было бы меньше.

– У нас на тебя есть планы, – ответил Аркус – и мы не планируем наблюдать за тем, как твое костлявое тело падает вниз по склону горы.

Он сказал это так, будто ему нравилась эта мысль. Такой же соблазн возник и у меня – вытолкнуть его из кареты, когда будем проезжать высокий утес. Или, может, поджечь его

драгоценный кlobук.

Дорога вывела нас к нагорной равнине, окруженной скалистыми склонами и усеянной заснеженными соснами. То, что издалека казалось грудой камней, оказалось длинным зданием с высокой башней. Луна оседлала башню так, будто кто-то втиснул серп в ее плоскую вершину.

– Это аббатство, о котором вы говорили? – спросила я, заметив груды камней под дырами, зияющими в стенах. – Тюрьма – просто дворец по сравнению с ним.

– Тогда вперед – можешь вернуться прямо сейчас, если хочешь, – холодно ответил Аркус. – Я уверен, что охранники примут тебя с распростертыми объятиями. И палач тебя, наверняка, уже ждался.

– Палач ко мне не слишком спешил. У него и без меня полно работы – ведь солдаты короля постоянно привозят новых недовольных. Вряд ли он вспомнит обо мне, пока не закончится приграничная война.

Аркус фыркнул.

– К тому времени ты умрешь.

Я сжала губы. Возможно, он был прав.

Карета подъехала к двери, кучер выскочил и начал распрягать лошадей. Аркус вышел и потянулся за мной. Для человека таких размеров он легко двигался. Я напряглась, когда он поднял меня и прижал к холодной груди.

– Не обжигай меня, и я не причиню тебе вреда, – напомнил он о нашей сделке. Боль отвлекала меня от страха. Я прикусила губу и вцепилась в его мантию, зажмурившись от боли в лодыжке.

– Скажи брату Гамуту, что у нас гости, – сказал брат Тисл стоящему у двери человеку. – Затем отведите ее в лазарет.

– Гости? – сухо повторила я. – И сколько в аббатстве гостей с цепями на лодыжке?

– Намного меньше, чем раньше, – ответил Аркус, переступая через вздыбленную брусчатку, поднимавшуюся, словно зубчатые пальцы. – Именно поэтому это идеальное место для тебя.

И для тебя, подумала я. Вы увезли меня из царской тюрьмы и потому тоже виновны в преступлении против короля.

Большую деревянную дверь в аббатство открыл человек со свечой, свет которой отражала его блестящая лысина с аккуратно выбритой тонзурой. Монах был старым, со сгорбленной спиной, большим крючковатым носом и впалыми щеками.

– В лазарет, – сказал Аркус.

Монах развернулся и пошел в темноту. Мы последовали за ним сквозь темные коридоры с арочными окнами и, наконец, пришли в маленькую комнату с четырьмя соломенными матрасами на полу. Один из них был покрыт старой белой простыней, в голове лежала тонкая подушка, в ногах было сложено одеяло. Впервые за много месяцев я увидела нечто вроде кровати. Аркус грубо опустил меня на матрас. Я потеряла бедро и устала на него.

Он указал на меня одной рукой.

– Приведи ее в порядок.

С этими словами он повернулся и вышел.

– Славный парень, – сказала я монаху, когда он зажигал подсвечник на стене.

Монах посмотрел на меня пристально, но потом кивнул.

– Конечно, он может быть резким. Но ему это простительно.

– Что может делать грубость простительной?

Он повернулся ко мне.

– Поговорим об этом завтра. А пока нам надо разобраться с вашими ранами.

Я обхватила себя руками и с тревогой посмотрела на него. В тюрьме стражники быстро ампутировали зараженные конечности. Поэтому я пригрозила их грязному целителю тем, что сожгу его, если он войдет в мою камеру.

– Не волнуйтесь, – сказал монах, его взгляд смягчился. – Вы находитесь в незнакомом месте, и вы, конечно же, много страдали, но сейчас вы в аббатстве Форвинд. Братья и сестры Ордена Форса дали клятву принимать всех невинно осужденных и нуждающихся в помощи. Они могут относиться к вам с подозрением, но вреда не причинят.

Я взглянула на него – напряжение чувствовалось и в его взгляде, и в его фигуре.

– Вы не доверяете мне.

Он изучал меня слишком долго, но потом ответил.

– Я буду судить о вас по вашим поступкам, а не по тому, что о вас говорят. Но рекомендую вам спрятать огонь подальше. Не все отнесутся к вам с таким пониманием.

– Я это знаю.

Он кивнул и указал на мою лодыжку.

– Меня зовут брат Гамут. Говорят, у меня хорошо получается лечить травами. Если вы покажете мне свои раны, возможно, я смогу облегчить вашу боль.

Неохотно я развернула ткань под кандалами. Монах вздохнул, увидев изувеченную лодыжку. Казалось, он забыл о своем недоверии, приблизившись к холодному металлу.

– Мы должны немедленно снять это. – Он повернулся и пошаркал к двери.

– Никаких мечей, пожалуйста! – взмолилась я.

Он повернулся, удивленно посмотрев на меня.

– Конечно, дитя мое. У меня есть набор ключей, которые могут сработать. Я скоро вернусь.

Я не поверила ему, но он сдержал слово и вернулся через несколько минут с набором ключей, бинтами и подносом с миской, чашкой воды и ступкой, которые он положил на трехногий табурет. Его руки беспомощно дрожали, когда он пробовал ключи по очереди, пока, наконец, один из них не разомкнул оковы на моей лодыжке, решительно щелкнув. Отложив кандалы, он достал пучок трав из-за пояса. Тщательно отделив стебли, он измельчил листья и цветы и смешал в ступке, а затем высыпал в миску с водой и положил туда полоски льняной ткани для замачивания. Я шипела от боли, пока он промывал рану и накладывал льняные примочки.

Он глянул на меня из-под седых бровей.

– Есть признаки инфекции, но вам повезло. Далеко она не продвинулась. У меня есть травы, которые предотвратят заражение крови и облегчат боль.

Боль действительно утихла, и я облегченно вздохнула.

– Что вы использовали? – спросила я.

– Растения, что растут на горе. Я много экспериментирую. Это смесь листьев березы, грушанки и белохвостки. Чай тоже поможет.

Он потянулся к подносу и протянул мне дымящуюся чашку. Несколько минутами ранее я бы подозрительно посмотрела на варево, но лодыжка говорила о том, что монах знает свое дело. Я сделала глоток. Мятный вкус грушанки был пронизан незнакомым привкусом – должно быть, это была белохвостка. Чашка опустела, и я вернула ее.

– Могу я принять ванну? – спросила я, пока он собирал свои чашки и травы. Несмотря на усталость, мне страшно хотелось помыться.

– Завтра, – ответил он. – Настойка и чай вместе работают как снотворное. Освобождение от боли – это благословение, правда?

Глаза мои начали закрываться, голова опустилась на подушку.

– Но Аркус распорядился, чтобы я помылась. Разве вы не боитесь его гнева?

Он улыбнулся, положив руку на дверь.

– Есть вещи, которых я боюсь намного больше.

Через окно лазарет заливало яркое солнце, ослепляющее мои отвыкшие от света глаза. Долгое время в тюрьме я видела только его тусклые лучики из оконца, выходящего на северную сторону. Я превратилась в странного ночного зверя, который съезжился в бархатной тьме своего логова.

Теперь моё логово состояло из соломенного тюфяка, мягкого одеяла и тонкой, набитой перьями подушки. Казалось, что это сон: избавиться от холода, от боли, от обливаний грязной водой. Мой взгляд упал на табурет с миской каши, ломтиком сыра и стаканом воды. Откинув одеяло, я на четвереньках подобралась к табурету, щурясь от света.

Каша была густая и сладкая (не то что тюремная баланда), сыр соленый и мягкий – настоящее блаженство!

Насытившись, я вернулась в постель, когда вошел брат Гамут с чашкой целебного чая. Он наклонился, осторожно размотал льняные бинты на лодыжке – точь-в-точь, как это делала мама, когда лечила раненых мужчин, женщин или детей из нашей деревни. Сердце мое сжалось в груди, и у меня возникло странное чувство – мягкие прикосновения монаха напомнили мне прикосновения моей матери. Я отбросила эти мысли прочь и окружила себя стеной, которая так долго защищала меня от горя.

Когда он закончил, я снова подняла тему ванны – горячей ванны. У меня было мало сил, и я не смогла бы сама нагреть воду. Старую металлическую ванну принесли два монаха – высокая худощавая женщина и толстяк – оба подозрительно смотрели на меня.

Я сделала вид, что не замечаю их косых взглядов, пока они носили ведра с замечательно горячей водой и выливали их в ванну.

– Не мочите лодыжку, – предупредил брат Гамут перед тем, как покинуть лазарет.

Медленно я погрузилась в ванну, и от тепла кровь моя запела. Мой дар, ослабевший от плохой еды, сырости и отчаяния, вырвался из сердца. Положив больную ногу на край ванны, я намылила губку мылом. Меня терзали противоречивые чувства. Легкость и свобода – слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Когда я вылезла из ванны, вода в ней потемнела от грязи. Я опёрлась на ванну, чтобы обтереться. Брат Гамут оставил мне стопку скромной одежды. Надев простое бельё, коричневую рясу и кожаные сандалии, я вздрогнула, ощутив контраст между моей чистотой и вонью от сброшенной одежды. После месяцев тюрьмы мое простое голубое платье и нижнее бельё превратились в кучу рванья. Я подняла вещи и двинулась к жаровне у дальней стены, затем передумала и направилась к двери.

У меня в голове возник лучший способ избавиться от всего этого.

Повернув ручку, я остановилась. Можно ли мне выходить? Что они сделают, если я нарушу их правила? Тюремные охранники боялись прикоснуться ко мне, но Аркус уже не раз угрожал мне. Холод защитит его от моего жара, и он мог тоже оказаться жестоким.

Дрогнув, я все равно толкнула дверь. Я не позволю страху управлять собой. Я больше не в тюрьме, а если они начнут обращаться со мной как с пленницей, я уйду, как только достаточно окрепну.

Я шла по коридору, избегая любопытных взглядов монахов и опираясь рукой о холодную каменную стену, проклиная собственную слабость. Я напомнила себе, что вчера я не могла даже встать. Так что прогресс был.

Вскоре я нашла дверь, которая вела наружу. Когда я переступила порог, мои легкие расширились, вбирая свежий аромат сосен. Я закрыла глаза и подняла лицо к небу. Как много времени прошло. Я и не понимала, сколько пропустила солнечных дней и как скучала по бодрящему чистому воздуху.

Проглотив ком в горле, я пошла дальше. Снег в основном уже растаял, оставались лишь небольшие сугробы то тут, то там в тени. Аллея высоких фруктовых деревьев привела меня к мелкой речке, журчавшей по гладким камням и исчезающей в высокой траве.

Мне хотелось скрыться из виду, не приближаясь к сухим веткам и траве. Под маленьким деревцем на берегу лежало несколько плоских камней, вероятно для того, чтобы в теплые дни можно было стирать прямо в речке.

Я положила на камень то, что осталось от моей одежды. Утро, когда я надела ее, было худшим в моей жизни. Хотя я и старалась выкинуть эти воспоминания из головы, по ночам они все равно возвращались. Я не могла избавиться от прошлого, но я могла уничтожить то, что напоминало мне об этом. Подняв ладони над обрывками одежды, я закрыла глаза. Вокруг моего сердца образовалось кольцо тепла. *Пусть оно накопится. Нужно терпение и осторожность. Так учила меня бабушка. Подожди, пока оно не начнет искрить, затем укрожай и контролируй.*

Контролировать у меня не получалось никогда.

Я призвала на помощь весь жар, который чувствовала внутри, который так надолго был загнан под кожу, и ощутила легкое покалывание под грудиной. *Страх. Жгучая ярость.* И я выплеснула все это из себя, как масло для лампы, готовое воспламениться.

Мне нужно было почувствовать что-то, что заставило бы меня вспыхнуть. Я представила себе, как сжались руки мамы, как она побежала к капитану, как сверкнул его меч в свете костра. Мое имя у неё на устах.

Она нуждалась во мне, а я слишком поздно нашла огонь.

Если бы я только знала, как контролировать свой дар. Если бы я научилась пользоваться им, несмотря на ее уговоры.

Это моя вина. Я виновата в ее смерти. Я виновата в том, что сожгли мою деревню.

Я рухнула на колени, мои ладони упали на плоский камень. Воспоминания подействовали как искра, попавшая на сухой хворост. Жар рос слишком быстро, бесконтрольно, выплескиваясь из ладоней на грудь и на одежду, жадно поднимаясь вверх, пока всю ее не поглотило огнём. Чтобы поджечь кожу Огнекровного, требуется невероятный жар, но сейчас мне казалось, что пламя пожирало меня живьем, выжигая глаза, вырывая воздух из горла. Казалось, что я снова у себя в деревне, и на меня со всех сторон надвигаются факелы.

Кулаки сжались. *Спрячь свой жар. Контролируй его. Управляй им.* Но огонь не подчинялся мне, им нельзя было управлять. Горящая одежда запуталась вокруг моих ног, и я рухнула на землю, мой рот открылся в молчаливом крике.

Глава 4

Я тонула.

Сильные руки удерживали меня в воде, как и солдаты в тот день. Я дрожала и царапалась. Приглушенные проклятия продолжали сыпаться, когда меня вытащили из воды и положили на холодную землю. Руки на моих плечах и вес промокшей одежды не давали подняться.

– Отпусти меня, – я задыхалась от кашля.

– Будь добра, отпусти меня, – раздался звучный голос. Чьи-то руки пытались стряхнуть мои вцепившиеся в них пальцы.

Аркус, а это был он, повернул меня на бок и хлопал по спине, пока я выкашливала из себя воду. Когда он наклонился ко мне, его капюшон чуть сдвинулся, открыв правильной формы нос и скулы со следами шрамов. Сквозь пелену я заметила, что там, где нет шрамов, кожа была гладкой. Он был старше меня всего на пару лет.

Когда я снова смогла дышать, то начала колотить его.

– Если ты не прекратишь, я верну тебя обратно в реку, – предупредил он – Хорошая головомойка в холодной воде приведет тебя в норму.

Я отползла назад и почувствовала за спиной теплый камень.

– Итак, что же ты здесь делала?

– Сжигала свою одежду, – выдавила я между приступами кашля.

– Ты подожгла одежду, когда одевалась? – спросил он с сомнением.

– Нет, – сердито ответила я. – Свою старую одежду. В которой была в тюрьме.

– Рядом с конюшней есть мусорная куча, – сухо сказал Аркус, кивнув вправо. – Не стоило устраивать здесь преисподнюю. Хотя я не против уничтожения этих мерзких лохмотьев.

Я провела рукой по лицу, все еще выкашливая остатки речной воды. Моя кожа хоть и была горячее, но осталась целой и невредимой. Облегчение смешалось со смущением. Я запаниковала без причины, испуганная устроенным пожаром.

Аркус махнул рукой на дерево с почерневшим стволом за скалой.

– Я гулял, когда увидел столб дыма над верхушками деревьев. Огонь явно вырвался из-под контроля.

Схватившись за свою рясу, я сжалась от прикосновения холодной ткани к коже. Сейчас она выглядела не лучше платья, которое я пришла сжечь, – почернела и свисала лохмотьями, открывая взгляду нижнее белье. Раньше я, может, и обеспокоилась бы этим, но Аркус был настолько безразличным, что я сомневалась в том, что он вообще это заметил. Я старалась не показать ему свой страх.

Взявшись за край того, что осталось от рясы, я начала выжимать ее.

– Наверное, мне следует поблагодарить тебя.

– Нет, – грубо ответил он. – Твоя благодарность мне не нужна.

– Какая скромность.

– Не скромность. Благодарность создает связь, которая подразумевает дальнейшую защиту или помощь. У меня и так достаточно обязательств.

– Тогда можешь быть спокоен. Мне не нужна твоя защита. У меня есть дар.

– Дар, который привел солдат в твою деревню.

Он говорил спокойно, не пытаясь задеть или обидеть меня, но его слова падали на благодатную почву – мое чувство вины никуда не делось.

- Жестокость – вот что привело к разрушению моего дома. Жестокость ваших людей с их войнами и набегами на деревни.
- Возможно, если бы Огнекровные вели переговоры, а не прибегали к убийствам...
- Это правда Ледокровных, – сказала я с презрением. – Прости, что я не доверяю твоей версии.
- Какова же твоя версия?

Мою версию озвучила мне бабушка. Она говорила, что огонь и холод боролись за господство так долго, что никто уже и не помнил, когда началась эта борьба. Люди Ледяной крови, наконец, завладели Темпезией на севере, а народ Огненной крови обосновался на Огненных островах Сюдезии. Но, когда на островах Сюдезии больше не осталось земли, Огнекровные отплыли в южную Темпезию. Несколько поколений они возделывали и удобряли земли равнины Арис. Они многому научились, и их фермерские умения стали ценить. Но Ледокровные вдруг решили заполнить эти земли.

Историю всегда можно исказить, извратить в угоду рассказчика. Я бы не смогла убедить Аркуса ни в чем, да и он, наверняка, считал свой народ полноправным владельцем этих земель и жертвой нападения мятежников.

- Мой дар может исцелять, – наконец сказала я, изменив тактику. – Тепло – это сила, способная спасти жизни.
- Не только спасать, но и губить, – ответил он. – Огонь может калечить и убивать. Ты жестоко сожгла тех солдат.

Я села и потянулась вперед.

- Сила льда тоже может быть опасна! Разве ты совершенен и безупречен? Вы даже не сказали мне, чего от меня хотите.

Аркус немного помолчал.

- Брат Тисл подумал, что лучше немного подождать.
- Почему? Вы думаете, что я слишком слаба?

Он покачал головой.

- Я понял, что это не так, когда увидел огненное облако, – он указал на дерево – У тебя дикая сила. Опасная. Мы не сможем доверять тебе, пока ты не научишься управлять своим даром. Тебе необходима соответствующая подготовка.

- И кто, скажите на милость, может меня этому научить? Я уверена, что король уже убил всех мастеров Огненной Крови.

Я никогда не встречала мастеров Огненной Крови, но, когда я была маленькой, бабушка рассказывала, что в Темпезии их осталось совсем мало. В течение многих лет они обучались контролировать свой дар. И только Совет Огнекровных или Ледокровных мастеров мог решить, достиг ли человек нужного уровня.

Аркус встал и отряхнул рясу.

- Ты права. Мастеров Огненной Крови не осталось. Но есть мастера Ледяной Крови. И один из них живет в этом самом аббатстве и готов учить тебя.

- Не ты.

- Нет. Брат Тисл. Неужели ты не заметила его дара?

Я заметила. В тюрьме лед появлялся везде, куда он ступал. Даже карета была покрыта инеем, когда он сидел в ней. И он виртуозно воспользовался своей силой, когда отпирал мою камеру.

Я хотела бы научиться такому контролю.

- Предположим, я соглашусь, – сказала я. – Как он будет меня учить?

- Ты уже согласилась, иначе тебя бы здесь не было. И я не учитель. Попроси Брата Тисла рассказать о его методах.

– Я так и сделаю.

На меня навалилась усталость. Я встала и направилась обратно в аббатство.

Аркус быстро догнал меня.

– Возможно, когда ты научишься контролировать свой дар, ты будешь полезна нам и не опасна для себя.

– Я опасна только для тех, кто хочет причинить мне боль.

– Сейчас ты была в безопасности.

– Я полагаю, ты мастер жесткого самоконтроля, – сказала я. – Должно быть, это легко, когда ты замерз изнутри.

– Кто не может контролировать себя, окажется под контролем других. Тебе следует хорошо это запомнить.

– Если ты попытаешься контролировать меня, я тоже преподам тебе урок.

Зацепившись ногой за кочку, я оступилась и чуть не упала. Аркус схватил меня за край рясы и поддержал, насмешливо фыркнув. Тепло прихлынуло к моим щекам.

– Если хочешь мне угрожать, подожди, пока не станешь крепче стоять на ногах.

Не успела я пикнуть, как он с легкостью поднял меня на руки.

– Я уже почти привык носить этот трескучий хворост.

Действительно, трескучий хворост. Без сомнения, это значило, что я была тощей и неприятно тёплой. Он же был невыносимо холоден. Меня зазнобило от холода, идущего от его груди, и я сопротивлялась желанию вырваться на свободу. Это только укрепит его мнение о том, что я не могу себя контролировать.

Он отнёс меня в лазарет. Я попросила его опустить меня на пол, потому что не хотела мочить постель мокрой одеждой. Он так и сделал, резко поставил меня. Не удержавшись, я с грохотом рухнула на пол.

Я бросила на Аркуса свирепый взгляд и толкнула его.

– Возможно, брат Гамут научит тебя быть помягче, пока брат Тисл будет учить меня контролю.

– Слушай внимательно, – он возвышался надо мной, и сталь в его голосе заставила меня подумать, не слишком ли сильно я его толкнула. – Есть правила, которые нельзя нарушать, пока ты здесь. Ты можешь свободно передвигаться по всему аббатству, за исключением помещений, где спят монахи.

Я фыркнула.

– Не думаю, что меня туда потянет.

– На самом деле, – продолжил он, – будет лучше, если станешь держаться подальше от монахов, исключая брата Тисла и брата Гамута. Остальные просто предпочтут сдать тебя солдатам, чтобы не подвергать риску аббатство. Или чтобы не сгореть в собственных постелях.

– Только если у меня будут веские причины, – ответила я с ядовитой улыбкой.

– Обрати внимание, потому что повторять я не буду. Территория твоих перемещений ограничена рекой с севера, конюшней с востока, дорогой с юга и краем леса с запада. Если ты перейдешь эти границы, то получишь взбучку от меня и потеряешь все привилегии свободы.

– Если ты хоть пальцем ко мне притронешься, я...

– Обожжёшь меня так сильно, что даже моя любовница в ужасе сбежит от меня. Боюсь, что эта угроза больше не действует на меня, госпожа Головешка. Лучше сушишь поскорее, а то заболеешь. Ты и так слаба.

Он вышел и тихо закрыл дверь, оставив меня в мокрой одежде, от которой поднимался пар.

Глава 5

Следующие три дня я провела в лазарете, чашку за чашкой пила целебный чай брата Гамута и никого не видела, кроме него. Когда лежать в постели наскучило, я начала бродить по комнатам и коридорам аббатства. Удивительно, как быстро ко мне возвращались силы благодаря травам брата Гамута. Впервые за несколько месяцев я начала чувствовать себя в безопасности.

Но на третью ночь пребывания в аббатстве я вдруг проснулась, почувствовав вкус пепла на губах.

Вцепившись пальцами в одеяло, я помотала головой, пытаюсь избавиться от образа домов, объятых пламенем. *Это был просто сон.* Но едкий запах дыма не покидал меня. Я села в постели, страх постепенно нарастал.

Пожар.

Накинув рясу, я выскочила из комнаты, хлопнув дверью, и быстро, как только могла, побежала по коридорам монастыря. Следуя за запахом дыма, я вышла на улицу, обогнув северо-западный угол аббатства. Я увидела, как братья и сестры бежали от реки к церкви, выливая ведра воды в пламя, рвущееся из северной двери, их широко распахнутые глаза и напряженные руки казались белыми в свете огня. Одна из сестер закричала, когда на нее хлынули языки пламени, вода из ее ведра с шипением ударила в дверь. Затем она развернулась и побежала обратно к реке.

– Где брат Тисл? – крикнула я, приближаясь. Его холод стоил тысячи ведер воды.

Один из монахов указал на человека, растянувшегося на земле. Я подбежала и упала на колени. Грудь Брата Тисла поднималась и опускалась слишком быстро.

На фоне оранжевого зарева было видно, как над ним, изогнувшись, склонился Брат Гамут.

– Он заснул за столом в капитуле. Брат Пил нашел его и вынес.

– Мы должны разбудить его, – сказала я. – Он сможет потушить огонь.

– Мы пытались, но он не просыпается.

Мое тепло вряд ли поможет в этой ситуации. Я осторожно потрясла его за плечо. Если бы только у меня были какие-нибудь сильно пахнущие травы, можно было бы положить их ему под нос, чтобы он пришел в себя.

Стук копыт сотряс землю. Повернувшись, я увидела, как рядом остановился огромный белый жеребец, и Аркус выпрыгнул из седла.

– Что ты сделала? – спросил он, бросаясь вперёд и падая на колени возле брата Тисла. Тень скрывала его лицо, но обвиняющий тон был явно адресован мне.

– Я ничего не делала, – сказала я холодно, – только пыталась разбудить его.

Брат Гамут вмешался, чтобы объяснить, что случилось с братом Тислом. Когда он закончил говорить, раздался крик одной из сестер, которая считала, все ли на месте.

– Нет сестры Пастель!

Руки брата Гамута задрожали, когда он посмотрел на Аркуса.

– Наверное, она в библиотеке.

Аркус встал и побежал к северной двери. Он заморозил железную дверную ручку, и она с треском взорвалась, открывая деревянные двери. Дым вырвался наружу, голодные языки пламени облизывали края деревянных рам. Все тело Аркуса напряглось, но он не сдвинулся с места. Что-то в его позе напомнило мне маленькое животное, застывшее в совершенной неподвижности перед хищником.

Я оставила брата Тисла и побежала к Аркусу.

– Что случилось?

Он покачал головой.

– Используй свой холод для борьбы с огнем, пока идешь, – недоумевающе сказала я. – Что не так? Твой дар... слишком слаб?

– Конечно! – рявкнул он. – Мой дар – ничто для такого огня.

Он вытянул руки перед собой. Воздух потрескивал от холода, дверь начала покрываться льдом, который тут же таял из-за бушующего пламени. Мои глаза расширились, когда я увидела, как дрожат его руки.

– Ты боишься огня? – спросила я потрясенно.

Он с яростью посмотрел на меня, его дыхание сбилось, грудь поднималась и опускалась, как будто он пробежал несколько километров.

Мне казалось, что я должна злорадствовать над его слабостью, но на самом деле я не чувствовала ничего, кроме сильного беспокойства.

– Где библиотека?

– Сразу за церковью, – ответил он. – Третья дверь.

Я кивнула.

– Мне нужен выход. Постарайся очистить коридор. И пусть брат Гамут будет готов оказать помощь, когда я приведу сестру...

– Пастель, – сказал он. – Но туда нельзя. Крыша может рухнуть в любой момент.

– Значит, я уйду раньше, чем это произойдет.

Я повернулась, проскочила через дверь и вошла в церковь, игнорируя крики Аркуса позади. Стена огня перегородила коридор. Я закрыла глаза и бросилась сквозь пламя, падая на каменный пол, чтобы потушить загоревшуюся одежду.

Открыв третью дверь, я обнаружила комнату, заполненную книгами. Кисти и банки с чернилами стояли ровными рядами на столах в задымленной комнате. Между двумя арочными окнами висел гобелен с изображением Темпуса, отца четырех ветров, призывающим бурю в наказание непослушным морякам.

– Сестра Пастель? – позвала я резким голосом.

На полу под гобеленом лежала высокая женщина в накидке. Я узнала ее – это была та самая монашка, что подозрительно смотрела на меня, когда приносила воду в ванную на следующий день после моего приезда в аббатство. Я подхватила ее за плечи и, кряхтя, попыталась поднять её. Ее кожа была прохладнее, чем моя, но ничего похожего на холод, исходящий от Аркуса, я не почувствовала. У нее явно не было дара холода, чтобы защититься от пламени, заполнившего коридор.

Единственным возможным спасением было окно. Я осторожно положила Сестру Пастель обратно на пол, подняла деревянный стул и швырнула его в одно из окон. Оно задрожало, но не разбилось. Я попыталась разбить стекло плечом, но ничего не вышло, только моя рука зверски заныла от боли. Я отступила на несколько шагов, чтобы повторить попытку, когда раздался низкий голос:

– Отойди!

Я отошла от окна и заслонила сестру Пастель своим телом, накрыв голову руками. Раздался оглушительный треск, и красивое узорчатое стекло взорвалось, рассыпаясь яркими осколками по полу. Прилив свежего воздуха развеял дым в комнате, когда Аркус влез через окно в комнату.

Я сорвала со стены гобелен и набросила его на осколки, торчащие из оконной рамы. Вместе мы подняли сестру Пастель на подоконник и вылезли наружу. Как только Аркус уложил ее на пригорке неподалеку, я сделала большой вдох, развернулась и направилась обратно в библиотеку.

Хотя буквам меня научила мама, любовь к книгам мне привила именно бабушка. Она

приучила меня читать, принося несколько томиков всякий раз, когда приходила в гости. Мысль обо всех драгоценных книгах библиотеки, превращающихся в пепел, была невыносима.

– Что ты делаешь? – закричал Аркус.

– Спасая книги!

Я услышала за спиной его шаги, и он схватил меня за плечи и развернул к себе лицом.

– Оставь их! Огонь не распространится так далеко.

Послушавшись, я последовала за ним, когда он побежал вдоль стены аббатства. На северной стороне монахи все ещё сутились с ведрами речной воды. Аркус рассказал им, где он оставил сестру Пастель, и побежал к брату Тислу.

– Как он? – Спросил Аркус брата Гамута.

– Пока жив, – ответил монах, хмуро глядя на ревущий огонь.

Аркус кивнул и бросился обратно к большой деревянной двери аббатства, где он стоял, казавшийся таким потерянным и оцепеневшим, всего несколько минут назад. Блестящие угли отливали черным в оранжевом свете, изрыгая пламя. Он нахмурил брови, широко раскинул руки и хлопнул в ладоши. Лед покрыл камни и тут же растаял. Еще один хлопок и снова тающий лед.

Аркус упал на колени в грязь, ударив ладонями по горячей земле. Когда он привстал, стало заметно, что дышал он с трудом.

– Просто нужно время, – сказал он. – Это сложнее, чем я думал.

– Скорее всего, ты перегрелся, – сказала я. – Когда я мокрая или мерзну, мой дар ослабевает. То же самое, наверное, произошло и с тобой. Ты слишком долго был рядом с огнём.

Он издал уклончивый звук, который я решила расценить как согласие на то, что я собиралась сделать. Я помахала монаху, который бежал вперед с ведром воды.

– Подождите, – позвала я, хватая ведро, когда он остановился. – Принесите, пожалуйста, еще воды. Сюда, для меня.

Повернувшись, я вылила содержимое ведра на Аркуса. Он охнул и стряхнул воду с рук.

– Что ты делаешь? – возмутился он.

– Охлаждаю тебя. Ага, еще одно ведро. Хорошо.

Я вылила на него второе ведро воды.

– Я ценю твою помощь, но топить меня не нужно.

– Хорошо, тогда делай сам, – я вручила ему третье ведро, принесенное одной из сестер.

Взглянув на меня, он вылил его себе на голову, затем встал и двинулся обратно к горящим дверям, хлопая в ладоши и отбрасывая лед. Казалось, бушующее пламя поглотит и церковь, и весь монастырь, пока не сожжет дотла. Но постепенно лед все дольше удерживался на раскаленных камнях. Аркус швырнул облако холода, которое со свистом пролетело по коридору, и пламя отступило, выдохнув клубы дыма.

Через несколько минут все было кончено. Пожар был потушен. В тишине слышался только кашель надышавшихся дымом людей. Один из монахов принёс факел и подошел к брату Тислу, на которого обеспокоенно смотрели другие монахи. Я стояла в стороне, и мне хотелось сделать что-нибудь еще.

Подошедший мужчина сурово взглянул на меня, сдвинув кустистые брови, его круглое лицо перекошилось. Я узнала его – он устраивал для меня ванну вместе с сестрой Пастель на следующий день после моего приезда.

– Ты прошла сквозь огонь. Ты – Огнекровная!

Страх сковал тело и сдавил горло, в голове билась только одна мысль – бежать.

– Она такая же беженка, как и другие, брат Лэк, – сказал Аркус, покинув брата Тисла и приближаясь к тому месту, где я изо всех сил пыталась устоять. – Мы предложили ей кров, потому что ее дом уничтожен. И ее кровь здесь не при чем.

Я взглянула на Аркуса. Неужели он защищает меня?

Брат Лэк повернулся к нему.

– Она представляет опасность для аббатства и для всех, кто в нем находится. Он произносил слова, как будто вбивал гвозди в дерево.

– Она – Огнекровная и, кроме того, преступница. Когда вы привезли ее, у нее была цепь на лодыжке. Я сам видел!

– Она преступница не больше, чем любой другой из тысяч несчастных Темпезианцев, которые пытаются защититься от нападок.

– Лучше подумай о гневе короля, который обрушится на нас, когда преступление будет обнаружено, – не уступал брат Лэк.

Наполненный негодованием слабый голос раздался за его спиной:

– Вы забыли о цели нашего ордена? Мы исцеляем больных и даем кров гонимым.

Все придвинулись к месту, где лежал пришедший в себя, но еще слабый брат Тисл. Он попытался чуть-чуть приподняться и сразу закашлялся.

Аркус присел на корточки и осторожно взял его за плечо.

– Спокойно, не торопись, мой друг. Ты надышался дымом.

Брат Лэк продолжал смотреть на меня так, словно я была гадюкой, готовой ужалить его.

– Возможно, ее есть за что преследовать. Возможно, боги наказывают ее за грехи. Я, между прочим, приехал с юга. Я знаю людей Огненной Крови. Они опасны и ненадежны, они могут легко предать, им наплевать на ценности, которые дороги нам.

– Вы забываетесь, – предупредил брат Тисл, тяжело дыша.

От его обманчиво мягкого тона у меня по коже пошел мороз.

– Ее единственный грех – то, что она родилась с Огненной кровью. Но разве это грех?

Он закашлялся и затем продолжил.

– Если сострадание настолько претит вам, возможно, вы не так уж преданны принципам нашего ордена.

– Я не так уж предан? Я всю жизнь посвятил ордену и лишь предлагаю сохранить чистоту этого святого места. А вы привели *Огнекровную*...

– И помните, – тихо проговорил брат Тисл, – я решаю, кому здесь находиться. Орден даровал эту власть мне и никому другому.

Повисла долгая пауза, слышались лишь звуки учащенного дыхания Брата Лэка, велась невидимая, но суровая битва. Наконец Лэк смирился. Он склонил голову и произнес.

– Простите меня. Я заговорился.

– Прощаю, – сказал Брат Тисл и снова сильно закашлялся.

Брат Лэк поднял голову.

– Факт остается фактом: это она разожгла пожар, который чуть не погубил нас.

– Это не я, – сказала я взволнованно. – Зачем мне это?

Аркус рассматривал меня молча, и я поняла, что у меня есть причины. Чтобы отвлечь их и убежать. Чтобы отомстить Ледокровным. И он видел, как я потеряла контроль на реке, когда сжигала одежду.

Монахи переговаривались друг с другом, на их лицах читались недоверие и беспокойство. Горячие волны страха и гнева проходили по моему телу – от груди до кончиков пальцев.

– Мы можем спорить всю ночь, – громко сказал Аркус. – Но раны наших братьев и сестёр сами не пройдут. Я торжественно обещаю вам, что буду внимательно следить за девушкой. Всё остальное мы обсудим завтра.

Он говорил бескомпромиссным тоном командира. Большинство монахов кивнули и начали расходиться. Брат Лэк не сдвинулся с места, он стоял со скрещенными руками и смотрел на меня так, как будто я могла броситься вперед и накрыть аббатство огнём в любую секунду.

– Следуй за нами, – сказал мне Аркус, тон его был грубым, но не враждебным. – Брат Лэк, я буду признателен, если вы проводите меня и мисс Отрера до аббатства.

Он и еще один монах подняли брата Тисла. От меня не ускользнуло, как бережно и внимательно Аркус касается его – как будто он нес спящего отца. В каждом жесте сквозило уважение, даже любовь, и эта мысль почему-то наполнила меня ревностью. Давно уже никто не относился ко мне с такой нежностью.

Мужчины двинулись вдоль здания аббатства к лазарету. Я медленно последовала за ними, лодыжка заболела от напряжения и ночного холода.

Брат Лэк подошел ко мне, наклонился и прошептал мне на ухо.

– Тебе удалось обмануть брата Тисла, но я-то вижу тебя насквозь: ты – мстительная Огнекровная, ты хочешь уничтожить это место, где мы поклоняемся богу северного ветра. Я не знаю, как ты пробралась сюда, но обещаю: я не успокоюсь до тех пор, пока ты не вернешься в тюрьму, где тебе и место. Даже если мне самому придется отвезти тебя туда.

Его черные глазки яростно сверкали, и это лишний раз подтверждало, как он опасен. Да и делать ничего особенного не придется. Надо просто сообщить солдатам, где я нахожусь. Или, может, однажды ночью меня вытащат из постели, швырнут в повозку и отправят в ближайший гарнизон. Я ошиблась, позволив себе расслабиться и почувствовать себя в безопасности. Никогда мне не быть в безопасности с последователями Форса. Мне надо помнить об этом.

В дверном проеме аббатства появился Аркус.

– Заходи, – приказал он.

Мое время истекло. Ни сомневаться, ни ждать, пока заживут мои раны, я больше не могу. Я больше не хочу в тюрьму.

Я сбегу. Сегодня. Ночью.

Глава 6

В лазарете было тихо. Плотная тяжелая тишина заставляет вас фантазировать, что вы слышите невозможные вещи, например, как по подоконнику ползет паук или как в темноте шуршит хвостом по полу мышь.

Я лежала на своей кровати, притворяясь спящей, пока брат Тисл и сестра Пастель дремали на соседних койках. Аркус выбрал кровать, ближайшую к двери, словно стражник, охраняющий аббатство от моего опасного присутствия.

Сначала я боялась, что Аркус будет всю ночь бодрствовать и следить за мной. Но, посмотрев на меня холодным взглядом и приказав мне спать, он успокоился и лег в кровать. Он и не думал благодарить меня за помощь в спасении сестры Пастель, а, возможно, считал, что это я устроила пожар. Или ему было все равно. Он едва двигался и, казалось, очень устал, словно пожар отнял у него все силы.

Когда дыхание у всех стало спокойным и ровным, и только кашель иногда нарушал тишину, я подняла кожаные сапоги брата Тисла, которые были мне вполне по размеру. Сняла толстый плащ с крючка на стене и босиком на цыпочках подошла к двери.

Дверная ручка слегка скрипнула, когда я повернула ее. Застыв, я быстро взглянула на Аркуса. Он спал на боку, капюшон плотно прикрывал половину его лица. Разве он не мешает ему спать и дышать? Я подождала, затаив дыхание. Он так и не пошевелился, и я еще раз повернула ручку и открыла дверь.

Я шла на ощупь темными коридорами аббатства до арочной двери с восточной стороны и только потом надела сапоги и вышла на улицу, чтобы дойти по мерзлой земле до кухни. Там я нашла кожаную сумку и наполнила её яблоками и твердым сыром, взяла немного вяленого мяса, горстку орехов и семян, а также прихватила острый нож с деревянной ручкой и фляжку.

Я знала, что у брата Гамута возле кухни есть небольшая каморка, где он сушит и измельчает травы. Стекланные бутылочки выстроились по полкам. Осмотрев их, я выбрала те, которые сочла наиболее ценными. Если бы у аббатства были какие-нибудь серебряные или золотые украшения – подсвечники или хоть что-то, что можно было бы продать, – я бы взяла их вместо бутылочек. Но я не видела ничего достойного, что можно было бы украсть.

Я нашла ещё одну сумку и до отказа заполнила её стекланными бутылочками, тщательно заворачивая каждую в льняные бинты.

Когда я добралась до конюшни, лошади забеспокоились. Может, они все ещё чуяли дым, который висел в воздухе после пожара в церкви. Ярко-белый жеребец Аркуса был самым крупным. Он всхрапнул, забил копытом и сверкнул на меня горящим глазом. Я подошла к кобыле палевой масти, которая встретила меня влажным взглядом светло-карих глаз. Погладив её, я почувствовала облегчение – она не испугалась моего тепла. За несколько минут я оседлала ее.

Мы покинули конюшню и поехали на запад. Когда кобыла чуть привыкла ко мне, я уселась удобнее, распустила вожжи и слегка пришпорила кобылку, чтобы она поскакала быстрее. Прекрасное пьянящее чувство свободы захлестнуло меня. В ушах отдавался каждый вздох, я ждала преследования – окрика или топота копыт за спиной.

Но, как только мы пересекли западную границу, которую установил для меня Аркус, тихий лес заключил меня в свои объятия, словно старый друг.

Кобыла шла меж высокими запашистыми соснами и голыми дубами и платанами, я позволила ей самой выбирать путь.

Мне хотелось выйти к портовому городу, где я смогла бы пробраться на корабль. Я знала, что Теврос находится на северо-западе от Темпезии, но не знала, как далеко отсюда. Пока я раздумывала, в каком направлении мне двигаться, желудок заурчал, напомнив о более насущных проблемах.

Я наклонилась к кожаной сумке, в которой лежали продукты и выругалась – её там не было! Должно быть, она выпала, когда я пришпоривала кобылку для скорости. Теперь в темноте сумки не найти. Из всех сил я старалась не паниковать.

Если бы я умела контролировать свой дар, то можно было бы поохотиться и поджарить белку или зимнего зайца прямо на месте. Но о такой роскоши оставалось только мечтать. Можно

было бы сделать ловушку, но у меня не было ножа, чтобы нарезать веток – он остался в сумке с едой. Я могла только надеяться, что дорога приведет к деревне.

Перед тем, как въехать в ущелье, мы остановились на ночь под навесом из сосен. Утром я смотрела, как восход солнца окрашивает мою кобылку в золотистый цвет масла, плавающего на мягком ломтике свежее испеченного хлеба.

– Я назову тебя Маслице, – сказала я лошади.

Она тихонько всхрапнула в ответ.

Пока Маслице ела жухлую траву, которая, надеюсь, не причинит ей вреда, я нашла несколько съедобных корней для скудного завтрака. Горло пересохло от жажды, но не было видно никаких признаков воды. И только к середине второго дня нашего путешествия вдалеке послышался шум, который привлек внимание Маслицы, и она повела меня туда. Там по камням бежала славная речушка. Мы вдоволь напились и продолжили путь вдоль русла реки, пока она не уткнулась в утес. Там мы повернули на юг и шли по извилистой тропе до заката солнца.

Стояла зловещая тишина. К чистому лесному воздуху примешивался ядовитый запах гари. Пахло не только что горевшими дровами – стояла затхлая вонь сожженных и оставленных догнивать предметов.

Мы наткнулись на лабиринт деревянных зданий, домов и лавок, которые были разрушены и обуглены.

Здесь были солдаты.

Я едва дышала. Если они где-то поблизости, нам надо разворачиваться и бежать изо всех сил. Но я не могла позволить себе отказаться от еды, которая возможно, осталась в какой-нибудь заброшенной кладовой. Из-за голода силы мои были на исходе. И было видно, что деревню покинули уже давно.

Один из домов сохранился лучше других. Внутри я нашла несколько репок и картофелин, заплесневевший сыр и металлическую флягу. Быстро собрав свои находки, я навьючила их на Маслице. Ещё час пути, и только тогда можно будет отдохнуть.

На следующий день мы обнаружили небольшой ручей, покрытый тонкой коркой льда. Разбив лед, я наполнила флягу, съела немного сыра, но репа и картофель были слишком твердыми – их надо было варить. Во время следующего нашего горного перехода укрыться было негде, и мы шли без отдыха, пока не наступила ночь.

Я ужасно устала, ныло тело, не привыкшее к поездкам верхом без седла. Наконец вдалеке замелькали огни, появляясь и исчезая между деревьями, словно игривые духи.

Деревья расступились и нам открылась поляна, где вокруг костра стояло несколько повозок. Остановив лошадь, я спрыгнула с ее спины и подошла чуть ближе к поляне, прячась между деревьев, за сосновыми ветками.

Люди сидели вокруг огня группками и готовили зайца на вертеле. Когда жир с тушки с шипением закапал в огонь, рот мой наполнился слюной. Они разделили вкусно пахнущее мясо на порции, но, к моему разочарованию, не пошли в свои повозки после ужина. Вместо этого они собрались в центре поляны, стараясь занять местечко получше на одном из бревен, придвинутых ближе к костру. Женщина с каштановыми волосами и старым, но четко очерченным и сильным лицом вышла вперед и подозвала девочку лет девяти или десяти, чтобы та выбрала сказку.

Я сидела на земле, на подстилке из сосновых игл, прислонившись спиной к стволу дерева. Маслице стояла в несколько метрах от меня, радуясь отдыху.

Девочка выбрала сказку о том, как появились люди с ледяной и огненной кровью. Положив руки на колени, старуха, казалось, стала выше и внушительней в танцующих языках оранжевого пламени. Все лица были обращены к ней, их волнение было очевидно.

– Давным-давно, – начала рассказчица низким мелодичным голосом, – у людей не было никакой власти – ни власти льда, ни власти огня. Они жили вместе с животными, носили шкуры зверей, на которых охотились, да и сами были не намного лучше. Боги четырех ветров

жили на небе, каждый властвовал в своем царстве, и все они были равны между собой.

– Только Форс, бог северного ветра, был одинок. Ему хотелось, чтобы на земле существовал кто-то, похожий на него, кто радовался бы холоду и кусачему морозу.

Ее руки двигались, как белые птицы среди дрожащих теней.

– Поэтому он поднес руки к леднику на вершине мира и собрал самые холодные глыбы. Затем принял человеческий облик и стал наблюдать за человеческими племенами, которые бесконечно сражались друг с другом, убивая и умирая.

– А как они убивали друг друга, Магра? – заворуженно прошептала девочка.

– Кайтрин! – прикрикнула на нее мать. – Не задавай такие ужасные вопросы.

Магра улыбнулась и наклонилась к девчужке, словно знала о ее тяге к кровавым подробностям.

– Своими собственными руками, камнями, мечами и топорами.

– Могу поспорить, что это было ужасно, – восторженно сказала девочка.

Рассказчица кивнула.

– Форс пришел к женщине, которая правила северными племенами и сказал ей: «Вот тебе лед – используй его, чтобы заморозить своих врагов. Тогда никто не сможет победить тебя». Он воткнул ледяной осколок в вену на ее запястье, и та посинела. Тело женщины стало холодным, глаза светлыми. Она подняла руку и поразила вражеские племена смертоносным холодом, льдом и снегом. Много людей погибло. Оставшиеся в живых в ужасе бежали.

Девочка хлопнула в ладоши, а некоторые мальчики медленно осели на землю, их глаза сверкали в свете костра. Даже взрослые были неподвижны и молчаливы.

– Но Сюд, богиня южного ветра, – сказала Магра с суровым видом, – была влюблена в воина побежденного племени. Сердце ее разрывалось от горя, когда она увидела, как он умирал. Она заметила, какой грозной стала воительница с ледяной кровью, и испугалась, что та уничтожит все другие племена.

Магра сжала кулак, как будто она что-то держала.

– Тогда Сюд опустила руку в жерло вулкана и зачерпнула кипящей лавы. Затем она приняла человеческий облик и стала наблюдать за людьми, которые пытались найти еду и уберечься от ледяного племени.

Магра разжала кулак, растопырив пальцы.

– Вот, – сказала богиня вождю, который правил племенем в пустыне, – возьми эту лаву и используй ее, чтобы растопить лед ваших врагов. Всякий, кто бросит вам вызов, будет сожжен. Тогда тебе больше не придется сражаться. Она капнула лаву в вену на запястье вождя, и та вскипела. Тело мужчины согрелось, а волосы покраснели. Он поднял руку и швырнул огонь в своих врагов, и никто больше не осмелился нападать на него.

Магра повела рукой вокруг, длинный рукав взвился как знамя, и дети отпрянули назад, будто из ее пальцев мог вырваться огонь.

– Прошло время. Другие племена заключили союзы с племенами льда и огня. Вожди ледокрыловых и огнекрыловых тоже заключили перемирие. Каждый нашел своё место на земле. Были созданы карты, и на земле наступил мир.

Она сделала паузу, будто это был конец истории, и слушатели, казалось, затаили дыхание.

– Но Эврус, бог восточного ветра, был полон зависти. Он пошел жаловаться Небу, матери всех ветров. Ему тоже хотелось создать собственное существо. Неб устала от борьбы своих детей, поэтому заявила, что во всем должно быть равновесие. Если Эврус создаст нечто, то его сестре Циррус, богине западного ветра, придется сотворить нечто противоположное.

Она сложила руки, изобразив чаши весов.

– Эврус, взволнованный и окрыленный целью, опустил руку в глубины океана, вниз, до самых

темных теней в самых глубоких пещерах. Он вытащил горсть абсолютной тьмы и был уверен, что нашел лучший дар из всех возможных. Он принял человеческий облик и стал наблюдать за племенами, которые боролись под властью льда и огня. И сказал он могущественному шаману: «Возьми эту тьму и используй ее, чтобы стереть все свои страдания – ты больше никогда не почувствуешь боли». Он влил тьму в вену на запястье мужчины, и вена стала черной. Но вместо облегчения, мужчина упал на землю, корчась от боли и моля о пощаде. Через несколько минут он умер.

Глаза мальчиков помладше округлились. Кайтрин подалась вперед.

– Эврус пытался снова и снова, но никто не смог выжить после вливаний сладкого забвения. И тогда бог восточного ветра разорвал тьму на кусочки и развеял их по всему миру, и там, где падал сгусток тьмы, на свет появлялись черные тени.

Она понизила голос, чтобы он стал жутким и мягким одновременно. У меня пошел мороз по коже.

– Но тени были голодны. Они пожирали животных и людей и никак не могли насытиться. И если кто-то сильно нравился тени по имени Минакс, она проникала ему под кожу, и тогда глаза и кровь этого человека становились черными. А сам человек становился порочным и диким, хитрым и кровожадным, жаждущим выполнить приказы Минакса и забыться в блаженной тьме.

Я провела рукой по шее, стараясь унять ползущий по позвоночнику озноб. С того самого дня, как меня отвезли в тюрьму Блэк Крик, мне снились кошмары об ожившей тени, самом страшном персонаже из старых сказок, подпитывающих мои страхи и одиночество. В сновидениях темный призрак касался моей щеки с болезненной обжигающей нежностью. Объятая ужасом, я просыпалась.

– Это были мрачные времена, – произнесла рассказчица. – Но этим существам не позволили долго разгуливать на свободе. Циррус, богиня западного ветра, которая больше всего на свете любила мир, проделала в земле туннель и загнала ожившие тени туда, в темноту. А у входа в туннель поставила Врата света, через которые Минаксы пройти не могли.

Магра подняла руку к небу.

– Затем Циррус коснулась рукой яркого заката, взяла луч света и заперла его в кристалле. Светом кристалла она осветила две горы, превратив их в стражей и усыпив до тех пор, пока их не призовут на защиту Врат света, если те когда-нибудь подвергнутся нападению. Потом она призвала Огненного вождя и Ледяную воительницу и приказала им смешать холод и огонь, чтобы запечатать Врата.

– Бьюсь об заклад, они сразу начали сражаться друг с другом, – сказал один из мальчиков.

– Вовсе нет, – ответила Магра. – Они работали вместе, потому что этого хотела богиня. Устав от трудов, Циррус упала на землю. Но колдунья по имени Сейдж отвела Циррус к себе в горную пещеру, кормила ее бульонами и мясом и ухаживала за ней, пока та не поправилась. В благодарность Циррус вложила последнюю частичку заката из кристалла в вену на запястье Сейдж, превратив ее кровь и волосы в золото. После этого Сейдж стала исцелять больных и предсказывать опасность. Она – третий страж, охраняющий Врата света, и она будет жить до тех пор, пока не будет уничтожен последний Минакс.

– Но все тени заперты под землей, – сказала Кайтрин.

– Да, но только ходят слухи, что Эврус спас два своих любимых творения на земле, спрятав так, чтобы никто не нашел. Поэтому Сейдж будет жить, пока их не уничтожат.

Магра положила руки на колени и откинулась назад.

– Но миру надоели все эти сказки, – сказала она, и тон ее говорил, что сказка подошла к концу. – Только дети их и слушают.

Я вздрогнула. Моя бабушка тоже всегда заканчивала эту сказку о сотворении мира этой фразой.

– Я всегда буду слушать сказки, – сказала Кайтрин. – И когда-нибудь я расскажу их другим, расскажу о своих приключениях и путешествии по морю, об Огненных островах Сюдезии и о западе, где живут монстры, а потом я добуду меч и...

– Мама говорит, что ты слишком больна, чтобы путешествовать, – сказал один из мальчиков.

Мои глаза метнулись к Кайтрин. Она не выглядела больной, хотя щеки ее были слишком румяны.

– Я поправлюсь! – ответила она возмущенно. – Я найду место, где нет солдат и плохих людей и сумасшедшего короля.

Глаза ее матери расширились. Слушатели затихли.

– Потише, дитя, – сказал какой-то человек вполголоса.

– Мне все равно, – сказала Кайтрин, но более спокойным голосом. – Его солдаты сожгли наши дома.

– И мою деревню, – сказала я шепотом, так тихо, что сама едва слышала.

– Пора спать, детвора, – сказала мать Кайтрин, беря своих детей за руки. – Завтра снова в путь. Через два дня мы доберемся до побережья. Вам нужен отдых.

Значит, побережье всего в двух днях пути отсюда. Возможно, я могла бы следовать за ними, воруя у них еду по ночам, а через горы наверняка можно найти безопасный путь.

Один за другим, костры потушили, и все побрели к фургонам. О планах украсть что-то съестное пришлось забыть: высокий бородатый мужчина остался часовым. Он прислонился спиной к фургону и глотнул из фляжки.

Через некоторое время к нему присоединился еще один. На одном глазу у него была темная повязка.

– Нашли? – спросил он, застегивая помятый плащ.

– Не похоже, – ответил бородач. – Солдаты пошли дальше. Огнекровная уже, наверное, посреди моря, если у нее есть мозги. Если нет, то очень скоро её поймают.

Я сжалась, и сердце сбилось с ритма. Я не знала, как много других Огнекровных обитало в этих краях, но решила, что они говорили обо мне.

Человек с повязкой на глазу плюнул на землю.

– Вот что я думаю об этой Огнекровной вонючке. Она сбегает из тюрьмы, и все мы страдаем из-за этого.

Я зажала рот ладонью.

– Говорят, Огнекровные опасны, но я не видел ни одного, кто спалил бы мой дом.

– Ничего, летом мы вернемся, – сказал бородач. – Хотя какой смысл – мы восстановим дома, а эти снова придут и все заберут. Защищать нашу землю некому – остались только раненые и больные.

Другой мужчина усмехнулся.

– Небось, и мы скоро сгодимся, несмотря на это, – он указал на свой глаз, – и твою деревняшку. Толку от нас не было никакого, когда они напали.

Бородач вздохнул.

– Знаешь, я до сих пор не сплю ночами, думая об Огнекровной, которая бродит где-то рядом с огнем в руках.

Вам не надо меня бояться! Мне хотелось закричать так громко, чтобы они хоть немного поверили в это. Солдаты Ледяного Короля – вот кого надо бояться. Капитана, который убил мою мать одним взмахом меча.

– За ее голову дают хорошее вознаграждение. Пять тысяч монет. Подумать только! – бородатый мужчина потряс фляжкой, указывая вправо. – Я мог бы нанять корабль, идущий на восток, купить землю на каком-нибудь пустынном острове, построить дом. Найти лекарство для Кайтрин.

Одноглазый положил руку ему на плечо.

– Целитель в Тевросе вылечит ее. Вот увидишь.

Бородач передал ему фляжку.

– Возьми, поможет не заснуть, – сказал он и, прихрамывая, направился к одному из фургонов.

Пять тысяч... Я двинулась вглубь леса, изо всех сил стараясь успокоиться. Я никогда не буду в безопасности. Солдаты были совсем близко, напали на деревни, и причиной была я. Если я последую за этими людьми к побережью, и мы выйдем на открытый участок, меня трудно будет не заметить. Зато на извилистых горных тропах в густом лесу есть где спрятаться.

Я не знала, что мне делать. Вдруг я услышала сильный кашель. Где-то на поляне кашлял ребенок. Я подошла ближе и увидела, как бородач нёс кого-то на руках, а за ним шла женщина.

– Магра! – крикнул человек, стуча в один из фургонов. – Пожалуйста, помощи. У Кайтрин опять приступ.

Рассказчица вышла, дрожа от холода.

– Я не знаю, что еще мы можем сделать. Все травы сгорели в огне. Даже если бы у меня что-то осталось, я уже все испробовала.

– Но сейчас ей намного хуже, – женщина, должно быть, мать Кайтрин, заломила руки. – Она надышалась дымом... и до этого она уже была очень слаба. Зима была такая сырая, – она тяжело вздохнула. – Пожалуйста, сделай хоть что-нибудь.

– Единственное, что мы можем сделать, это не дать ей замерзнуть, – мягко ответила Магра.

Девочка кашляла так сильно, что едва могла дышать. Ее мать начала плакать, зажав рот рукой, чтобы подавить всхлипы.

Я вдруг подумала о том, что сделала бы мама. Кашель был мокрый, не сухой. Значит, использование экстракта луговых колючек или иссопа здесь не поможет. Мне надо коснуться ее кожи, чтобы узнать, не лихорадка ли у нее, но я не могла этого сделать, не раскрыв себя. Зато я слышала, как она кашляет. Перебрав воспоминания обо всех пациентах матери, я вспомнила мальчика с похожим кашлем. Он был на несколько лет старше меня, и он кашлял так сильно, что начал харкать кровью. Мама намазала ему грудь какой-то настойкой. Я закрыла глаза и попыталась вспомнить. Корень солодки? Нет, он красный, а настойка была желтого цвета. Я представила ее руки, как она измельчает и смешивает травы. И вдруг вспомнила.

– Экстракт грушанки и луговая колючка, – прошептала я.

Я вернулась в лес, погладила бок Маслица, она тихо фыркала, пока я рылась в склянках, украденных у Брата Гамута. Потребовалось несколько минут, чтобы откупорить и тщательно понюхать каждую, но я все-таки нашла два пузырька, которые были мне нужны. Крепко сжав их, я пошла к поляне и остановилась в тени деревьев.

Кто-то подбросил в костер дров. Бородач прижал к груди Кайтрин, укрыв её одеялом. Он ласково похлопывал ее по спине, пока мать девочки гладила ее светло-пепельные волосы.

В груди у меня заныло. Моя мама делала бы то же самое, хлопотала бы надо мной, сделала бы для меня все, что могла... *Именно это* она и делала. Всю свою жизнь она защищала меня. Увидев, как эта маленькая жизнерадостная девочка, мечтавшая переплыть океан, кашляет, борясь за каждый вдох, я поняла, что не смогу уйти. Я должна помочь.

Через несколько минут кашель девочки утих.

– Лучше мы останемся у костра, – сказала мать. – В фургоне слишком холодно.

Мужчина кивнул, и они придвинулись поближе друг к другу, устраиваясь поудобнее, наконец, дыхание их выровнялось, и стало ясно, что они заснули. Подойти, не разбудив их, я вряд ли смогла бы.

Я вернулась к Маслице и снова залезла в сумку в поисках пузырька. Мне нужна была самая маленькая склянка с наклейкой, оповещающей о том, что испарение одной капли этого

средства вызывает глубокий сон. Мне стало интересно, не его ли использовал брат Тисл для усыпления охранников в тюрьме.

Как только я нашла крошечный пузырек, я двинулась к фургону, где мужчина с повязкой на глазу стоял и мрачно смотрел на Кайтрин и ее родителей. Капнув снадобье на край плаща, я аккуратно подкралась к часовому с правой стороны – повязка у него была справа.

Я уже была готова кинуться вперед, но он вдруг оттолкнулся от фургона и ушел. Я тихо выругалась, отступая в тень. Если он пошел проверять границы поляны, то у меня есть пара минут, прежде чем он вернется. Мне придется действовать быстро.

Ждать более подходящего момента времени не было, поэтому я подбежала к людям, съездившимся у костра, и быстро поднесла пропитанный зельем край плаща к их лицам, сначала отцу, потом матери. Они уже спали. Лекарство поможет им уснуть крепче.

Я посмотрела на маленькую девочку, такую нежную, такую беззащитную, но по-своему сильную – ведь ей все время приходится вести борьбу с этим ужасным кашлем. Я побоялась применить к ней усыпляющее средство – неизвестно, как оно повлияет на ее дыхание. Вместо этого я мягко потрясла её за плечо.

Кайтрин, – тихо сказала я, – проснись.

Потребовалось несколько минут, но она, наконец, открыла глаза.

Я так устала, – сонно сказала она, – уходи.

Я улыбнулась.

– У меня есть лекарство, чтобы тебе было легче дышать.

Она смотрела, на меня нахмурившись.

– Я тебя не знаю.

– Я друг, честно-честно. Ты сможешь отправиться в любое путешествие, но для этого тебе нужно хорошо дышать. Да, маленький капитан?

Через несколько секунд она осторожно кивнула.

– Умница. Я намажу тебе грудь лекарством.

Она позволила мне капнуть капли на липкую кожу – раз и два, а затем я снова укрыла ее одеялом.

– Дыши, – сказала я, понимая, что мое время истекает. Часовой может вернуться в любую секунду. – Лучше?

Она сделала несколько вдохов и закашлялась. Я поморщилась. Когда мама лечила мальчика от кашля, она заставила меня приложить руки к его груди, чтобы согреть его.

– Я забыла, маленький капитан. Нам нужно тепло. – Я положила ладони на одеяло. – Так теплее?

Немного, – сказала она.

Мне нужно послать больше тепла. Но сколько, чтобы не навредить? Я вдруг вспомнила ребенка, которого пыталась согреть – брата Клэя. Может, это *моя вина*, что он умер. Аркус сказал, что я дикая и не могу себя контролировать. Могу ли я положиться на свою силу и согреть девочку?

Кайтрин опять начала кашлять. Я запретила себе думать и направила тепло к девочке, а затем сосредоточилась на том, чтобы устойчиво поддерживать его на одном уровне. Это было гораздо легче, чем разжигание огня – просто повышение собственной температуры. С этим я справлюсь.

Через минуту Кайтрин протянула свою холодную ручку к моей и быстро отдернула её.

– У тебя такая горячая рука.

Я затаила дыхание, ожидая, что она позовет на помощь. Но она моргнула и улыбнулась.

– Я не хочу больше кашлять.

– Это хорошо, – я вздохнула с облегчением.

С осторожностью передав ей бутылки, я объяснила, как ее родители должны давать ей лекарства, обязательно согревая ее.

Она кивнула.

– Я запомню.

Я одобрительно улыбнулась.

– Умничка. И еще запомни вот что – это важно. Вам нужно купить больше трав, когда вы приедете куда-нибудь, например, в деревню, где есть аптека или целитель. Экстракт грушанки и луговая колючка.

Я заставила ее повторить слова три раза.

– Хороший целитель узнает их по запаху, – сказала я ей, – но если вы не найдете такого, то, по крайней мере, вы будете знать...

– Кто ты, черт возьми? – грозно произнес низкий голос.

У меня закружилась голова. В нескольких метрах от меня стоял мужчина с повязкой на глазу. Он совсем не ожидал, вернувшись с обхода, обнаружить какую-то девицу, мирно беседующую с одним из деревенских детей.

Я быстро поднялась, показав ладони.

– Такая же беженка, как и вы. Пробираюсь на побережье.

– А где остальные? – Он посмотрел в лес. – Неужели ты одна?

– Их нет. Их убили солдаты.

Он покачал головой.

– Солдаты могут сжечь дома в пьяном гневe, но они не убивают людей, по крайней мере, просто так. Если только вы не скрывали Огнекровного.

Постаравшись успокоиться, я подняла подбородок.

– Ну, я не стала ждать, пока они разберутся.

– Что ты тут делала? – Он показал на Кайтрин.

– Лечила ее. Травами. Кайтрин, держи бутылки.

– Мича, – сказал мужчина, подталкивая отца Кайтрин сапогом. – Диерле, вставайте.

Но они не проснулись, и он сжал челюсти.

– Что ты с ними сделала?

– Я боялась, что они не позволят мне приблизиться к Кайтрин, поэтому я усыпила их.

– Ты отравила этих хороших людей своими грязными отварами? По-моему, они мертвы!

Я покачала головой.

– Они в порядке! Они проснутся примерно через час. Посмотрите сами. Они оба дышат.

Он подошел к ним и присел, чтобы приложить ухо к груди. Когда он поднимался с земли, я увидела, как напряглись его мускулы как раз перед тем, как он набросился на меня.

Глава 7

Он бросился на меня ошеломительно быстро, но я успела среагировать и ткнула ему в лицо пропитанный зельем край плаща. Он вцепился в меня изо всех сил, но, вдохнув зелья, ослабил хватку. Глаза его моргнули и закрылись, и я оттолкнула его.

Развернувшись, я понеслась к деревьям, когда он начал звать на помощь. В панике я слишком углубилась в лес, и мне пришлось поплутать, чтобы найти Маслице. На мгновение я испугалась, что потеряла её. Но затем в тусклом свете появилось желтое пятно, и мне захотелось крикнуть от облегчения. Хвала Сюд, что я не сняла с кобылки узду.

– А вот и я, – сказала я, успокаивающе погладив ее по шее перед тем, как вскочить в седло. – Нет времени спать, девочка. Надо ехать.

Но ехать быстро не получалось – деревья росли слишком густо для галопа. Мы ехали шагом, медленно, но верно удаляясь от факелов, отбрасывающих тени на деревья, когда беженцы стали искать незваного гостя.

Если мне повезет, то Кайтрин никому не расскажет о моей горячей коже. А между мной и мужчиной, который схватил меня, было несколько слоев одежды и толстый плащ. Они быстро отстанут, радуясь, что отогнали меня.

Если они, конечно, не поймут, что я Огнекровная.

Маслице бодро цокала копытами, и мы пошли еще быстрее, когда наткнулись на замерзший ручей и смогли беспрепятственно следовать по его голому берегу. Постепенно мы ушли так далеко, что факелов уже не было видно. Я наконец-то расслабила напряженные мышцы. Мы сбежали.

Когда мы остановились на ночлег в небольшой пещере, образовавшейся под размытым утесом, я без конца повторяла эти слова и ничего не могла с собой поделать.

Сбежали.

Только этим теперь и занимаюсь. Убегаю. Я сбежала из тюрьмы, из аббатства, из лагеря беженцев. И это моя жизнь? Постоянный риск и балансирование на грани жизни и смерти, пока везение не закончится.

В Темпезии я никогда не буду в безопасности. Нигде я не смогу укрыться – кто-нибудь обязательно поймает меня и сдаст в ближайший гарнизон за вознаграждение. Я надеялась добраться до побережья и, пробравшись на какое-нибудь судно, уплыть. Но если солдаты ждут от меня именно этого, то они будут следить за каждой дорогой, проверять каждый причал.

Но больше всего меня мучила совесть. Она взывала ко мне. До тех пор, пока жив король, всегда будут капитаны и разорительные набеги на деревни – до тех пор, пока мой народ не будет полностью уничтожен. Когда Аркус и Брат Тисл пришли в тюрьму, они дали мне шанс, предложив нанести удар по королю. Я не знала, верить им или нет, но согласилась, потому что это было лучше, чем умирать медленной смертью.

Но что, если у Аркуса и Брата Тисла был реальный план свержения или убийства короля... и я была его частью? Я была слишком напугана и слаба и не думала, что могу чем-то помочь. Но, увидев страдания, которые явились результатом моего побега – сожженные деревни, оставшиеся без крова люди, маленькая девочка, задыхающаяся от того, что все лекарства сгорели вместе с домом, – я должна была хотя бы попытаться.

Мои помыслы не были благородны. Нет ничего благородного в жажде мести. Речь шла о достижении собственной цели – убийстве короля. И больше никому не придется страдать из-за меня.

Сориентировавшись по звездам, я повернула Маслице к аббатству.

После нескольких неверных поворотов и блужданий по кругу в течение следующих нескольких дней мы оказались в густом лесу, примерно в дне пути от аббатства, и пробирались сквозь чащу деревьев с облесшей серой корой под таким же серым небом. В полдень свинцовые облака прорвались снегом, крупные хлопья которого качались на ветру, как крошечные салфетки, связанные из шелковых нитей. После обеда ветер сменил направление и задул с севера. Снег сменился ледяным дождем. Крупинки льда отчаянно шипели, касаясь моего лица. Вскоре я так замерзла, что я больше чувствовала щек.

Внезапно ветер набрал силу, в одно мгновение все вокруг стало ярко белым. Метель колола глаза невидимыми иглами, заставляя меня плакать. Не было видно ни зги. В такой белой тьме мы могли случайно оказаться на краю обрыва и упасть.

Не так давно, когда дул лишь легкий игривый ветерок, мы прошли мимо углубления в скале, наподобие пещеры. Нам надо было укрыться там. Ведь я знала, как опасна метель в горах.

Проклиная себя, я снова потянула поводья. Я не сомневалась, что переживу ночь – мой дар не даст мне замерзнуть. Но Маслице... Она беззащитна перед холодом. Температура резко упала. Нам надо вернуться назад и найти эту пещеру.

С другой стороны, мы могли быть в нескольких часах езды от аббатства. Я не знала, как долго мы блуждали по лесу.

– Идем вперед, – сказала я кобылке. – Снег слишком сильный, чтобы возвращаться назад. Ты ведь найдешь свой дом, девочка?

Я подтолкнула ее, и она поплелась дальше. Знала ли она, куда идти, или нет, но шла все медленней и медленней и, наконец, через пару часов остановилась.

– Ну, еще чуть-чуть, – попросила я ее, растирая ее покрытую льдом шею.

Но, честно говоря, сориентироваться в этом бесконечном белом мареве не было никакой возможности. Я соскользнула с Маслица и приложила руки к ее боку.

– Вот тебе чуточку тепла, – сказала я, растирая её, как Кайтрин. Казалось, она немного ожила, хотя ее все еще шатало. Целую вечность мы ковыляли рядышком сквозь снежную бурю.

Ног я уже не чувствовала. Ветер утих, но снег продолжал идти. Теперь он был похож на вьюгу из перьев. Мне хотелось поймать перышки и провести ими по лицу. Странное чувство. И я так устала. Хотелось сесть и хоть немного отдохнуть.

Едва эта мысль пришла мне в голову, я опустилась и села, прислонившись спиной к дереву.

– Только на минутку, – прошептала я непослушными замерзшими губами. Наверное, не стоит мне тут рассиживаться. Вдруг Огнекровные могут умереть на снегу, если они замерзли и устали. Однако и эта мысль быстро улетучилась – я не боялась, мне было просто любопытно. Я закрыла глаза.

Сквозь туман в голове я слышала ржание Маслица и чувствовала, как она тычет меня своим холодным носом в щеку.

Златовласая женщина смотрела на меня, нахмурившись, ее золотистая кожа блестела, а янтарные глаза искрились.

– Проснись, – сказала она. – Твое время еще не пришло.

Она с опаской оглянулась. Тень упала ей на лицо.

– Ты должна спастись.

– Форс пытался убить меня, – прошептала я. – Он послал бурю, чтобы заморозить меня.

– Вставай, дитя. Он нуждается в тебе.

– Форс? – спросила я, одурманенная странной сонливостью. – Зачем я нужна богу Ледяной крови?

Мои мышцы дернулись, словно кто-то пытался вытянуть меня из летаргии. Я застонала, почувствовав, как холод кусает меня, вгрызаясь острыми зубами.

Вместо золотой женщины надо мной нависла извивающаяся черная тень. У меня было чувство, что на меня злобным взглядом уставилась нежить, но тень была безликой. Кожу, казалось, стянуло в болезненный узел. Темные щупальца тянулись ко мне, и в глубине души я знала, что, если они коснутся меня, я никогда не стану прежней.

Я проснулась от толчка. Было еще светло. И я все еще сидела, прислонившись к дереву. Сугробы поднимались до груди.

С огромным усилием я выбралась из снега и застонала от боли – тысячи иголок вонзились в

руки и ноги. Побродив среди деревьев, я не увидела никаких следов Маслица. С одной стороны я злилась на нее за бегство, с другой, надеялась, что она жива.

Страдая от боли, пронизывающей каждый мускул, я пробиралась сквозь высокие заносы, ступая ноющими ступнями. Я так и не знала, куда иду.

– Маслице! – кричала я снова и снова, пока не сорвала голос.

Навряд ли она бы отозвалась на имя, которое я ей только что дала, да она и не должна была слушаться меня, незнакомку, укравшую её ночью. Но она была моей единственной надеждой найти выход из леса. Я искала следы, но их, видимо, занесло снегом.

– Маслице, если ты не вернешься прямо сейчас, всю оставшуюся жизнь будешь есть старый овес!

Внезапно я отчетливо услышала лошадиное фыркание.

– Маслице, иди сюда! – закричала я с надеждой.

Но из-за укрытых снегом деревьев вышла не Маслице. Это был жеребец, будто вылепленный из снега, с сапфировыми глазами. Его всадник был укутан в черный плащ.

Капитан нашел меня.

Я развернулась и побежала, но ноги провалились в сугроб. Я попыталась найти огонь внутри, но мне было слишком холодно. Я едва могла согреться.

Рука схватила меня за плащ и потянула вверх, поднимая на лошадь, край седла больно впился в живот. Я отбивалась и толкалась локтями так сильно, что жеребец начал брыкаться.

– Прекрати! – раздался голос.

Я подняла глаза. Он был в капюшоне, и маска закрывала верхнюю половину его лица. Но я знала эти четко очерченные губы, искривленные гневом.

– Аркус.

– Так приятно, что ты все еще помнишь меня. Теперь прекрати брыкаться, иначе я выкину тебя в ближайший сугроб. Я пять дней провел верхом на лошади, пытаюсь отыскать тебя, но вовсе не уверен, что ты того стоишь.

Гнев исходил от него волнами, которые были холоднее, чем северный ветер. Я перекинула онемевшую ногу через жеребца и ухватилась за хомут.

– Как ты меня нашел?

Он разжал челюсти, чтобы ответить.

– Когда Пшеничка вернулась в конюшню, я пошел по ее следам, пока они не исчезли. А потом услышал какое-то мычание и бред, и был почти уверен, что это ты.

– Какая еще Пшеничка?

– Лошадь, которую ты украла у аббатства, – он разговаривал со мной, как с дурочкой.

– Ты имеешь в виду Маслице. Я не крала ее, а одолжила. Надеюсь, она в порядке?

– Замерзла и устала, но с ней все хорошо, она в конюшне, ест, не останавливаясь. Видимо, благодаря тебе. И ее зовут не Маслице.

– Уже Маслице.

– Она не твоя, чтобы давать ей имя.

– Теперь она моя по духу, мы вместе прошли через трудности. И это имя ей подходит. Она мягкая и желтая, как масло.

Он фыркнул.

– Если бы нам давали подходящие имена, тебя бы назвали Занозой в заднице. Или Наказанием

богов.

Я ответила в таком же язвительном тоне.

– А ты был бы Жалкий болван.

– Ничего лучше не придумалось?

– Дай время. Я едва живая от холода.

Теперь, выбравшись из сугробов, я снова чувствовала ноги, грудь наполнилась теплом. У меня теперь мерзла только спина, которой я касалась Аркуса. С каждым движением лошади, я все больше ощущала близость мужского тела. Меня качало из стороны в сторону, а он твердо сидел в седле и крепко держал меня, чтобы я не упала.

– Ты меня морозишь, – пожаловалась я, чтобы скрыть свое смущение. – Наверное, тебе больше подойдет имя Ледяной Тиран. Хотя нет, подожди. Ты будешь Холодным Деспотом.

Он не поддержал мой дразнящий тон.

– Меня не особо волнует, как ты меня назовешь. Если бы не приказ брата Тисла, я бы оставил тебя умирать.

После этого я молчала всю дорогу до аббатства.

Глава 8

На следующий день брат Гамут отчитал меня за то, что я убежала, да еще и зимой, и без провизии. Я умылась, переоделась в сухую одежду и сидела на койке в лазарете, а он заставлял меня выпить ещё одну чашку горячего чая.

Я сделала глоток.

– Я думала, вы будете рады, что я уйду.

Он посмотрел на меня своими серыми глазами, приподняв кустистые брови.

– Последние несколько дней были непривычно тихими. Честно говоря, некоторые надеялись, что ты не вернёшься. Тем не менее, братья и сестры доверяют брату Тислу и преданы ему. Многим он дал кров и указал дальнейший путь, когда они бежали из провинций, где шла война. Если он говорит, что мы должны спрятать тебя здесь, его воля будет исполнена. И некоторым ты стала нравиться после того, как спасла сестру Пастель из пожара.

Несколько дней назад я бы что-нибудь съязвила. Я бы не позволила себе признаться в том, что меня волнует мнение последователей Форса обо мне. Но, как ни странно, я была рада тому, что завоевала их доверие.

– Как твоя лодыжка? – спросил брат Гамут.

Я пожала плечами.

– Ваш чай помогает.

– Хорошо. Пей еще. Тебе нужно встретиться с Аркусом в библиотеке для беседы.

Я застонала.

– Лучше скажите для взбучки.

– Ну, пропесочит тебя, не без этого. Но он успокоится, как только выпустит пар. – Он помолчал. – Думаю, он беспокоился о тебе.

Я усмехнулась.

– Аркус – это глыба льда. Если у него и есть какие-то чувства, то уж точно не для меня.

– Ледокровному не так-то легко признать свои чувства или даже допустить, что они у него есть. Среди последователей Форса больше всего ценятся логика и самоконтроль. Но нам надо идти. Ты не должна заставлять его ждать.

Я вздохнула и последовала за ним из лазарета.

Когда мы вошли в библиотеку, за одним из столов сидела высокая монахиня с узким острым носом. Тонкой рукой с длинными пальцами она держала кисть, которой с величайшей осторожностью водила по пергаменту. Каждое её движение было легким и точным. Я заметила, что гобелен с изображением Темпуса был очищен от дыма и сажи и теперь висел на стене, прикрывая разбитое окно.

За монахиней, в самом темном углу комнаты, задумчиво сидел Аркус. Его присутствие наполняло воздух почти гудящим напряжением. Он сидел в деревянном кресле, которым я несколько дней назад пыталась разбить окно, пальцы его ритмично стучали по подлокотнику.

Сестра Пастель, не могли бы вы оставить нас одних? – спросил он.

Сестра Пастель подняла глаза и заметила меня. Она с достоинством склонила голову, и я кивнула в ответ, с облегчением увидев, что она выздоровела после пожара.

Когда она ушла, я осмотрела стол. Оказалось, что она работала над пергаментом с яркой иллюстрацией, изображающей богиню Циррус, одетую в кипенно-белую одежду, доброжелательно взирающую на поле, где мирно паслись толстые овцы. Богиня западного ветра была также богиней дождя и земледелия. И моряков тоже. На самом деле она была благосклонна к людям. В отличие от Форса, чей ледяной меч карал всякого, кто бросал ему вызов.

Краем глаза я заметила, что Аркус жестом приглашал меня сесть. Я покачала головой.

Он встал и подошел ближе. Все мое тело сжалось.

– Ты ушла, – наконец произнес он.

Тепло заструилось вверх по моей шее.

– Если ты планируешь избить меня за нарушение ваших драгоценных границ, надо было лучше выбрать место. Ты же не хочешь испортить книги?

Он ничего не сказал, но весь вибрировал от возмущения. Огромный рост, холодная ярость, волнами исходящая от кожи, – этого было достаточно, чтобы мое сердце в страхе забилось быстрее.

Я знала, чего он добивается. Охранники знали в этом толк. Они слишком боялись приблизиться ко мне, но все равно находили способы подвергнуть меня мучению и страху: ведро с ледяной водой, тяжелый предмет, брошенный в меня, пока я сжималась в дальнем углу камеры, удары стального меча о металлическую решетку, как только я засыпала. Тишина тоже была своего рода оружием в руках людей, которые играючи причиняли боль.

Меня охватило разочарование. Почему-то я не ожидала этого от Аркуса. Я не сомневалась, что он накажет меня. Но я не думала, что он будет играть со мной в эту жестокую игру.

– Развлекаешься? – поддразнила я, изогнув губы.

– Я объяснил тебе правила, – тихо произнес он.

– И я их нарушила, – он продолжал молчать, и я возвысила голос. – Позволь мне помочь. Мне хотелось поджечь церковь. Мне хотелось, чтобы все аббатство сгорело дотла!

– Я всегда был против твоего присутствия здесь.

Меня стало обидно, и это меня удивило. Он и раньше говорил об этом, он даже сказал, что позволил бы мне умереть в лесу, если бы не Брат Тисл. Но тогда это было сказано в гневе, теперь же он был спокоен и холоден. Я напомнила себе, что мне все равно, что он чувствует.

– К сожалению, ты нам необходима, – мрачно добавил он. – Ты – ключ ко всему, что мне нужно. Поэтому тебе нельзя просто уйти, как тебе хочется. Слишком многое зависит от тебя.

– Забавно, но вы до сих пор не сказали мне, зачем я вам нужна. Вот я и подумала, что лучше сбежать.

– Я бы все равно притащил тебя обратно.

– Значит, мое желание участвовать в вашем деле в расчет не принимается? Меня можно просто заставить?

Он молчал. Ноздри его раздувались от гнева.

Я скрестила руки.

– Я нужна вам. А это значит, что мне нужна информация.

– И если тебя схватят, ты все расскажешь солдатам. Я не могу рисковать.

Молчание затянулось, и я больше не могла его переносить. Покачав головой, я отвернулась.

– В следующий раз я уйду и не вернусь.

– Я вытащил тебя из тюрьмы! – сказал он, подняв голос. – Я спас тебе жизнь.

Я развернулась, кожа начала нагреваться.

– И что? Я теперь твоя рабыня?

За спиной у меня раздался ещё один взволнованный голос.

– В чем дело? Почему вы так кричите?

Повернувшись, я увидела в дверях брата Тисла, нахмурившего брови. Он был похож на стариков из моей деревни, которые кормили цыплят или собирали в горах травы. Был бы похож... если бы не седой пар, вырывавшийся изо рта при дыхании, и не тонкий слой инея, расстилающийся позади него по каменному полу.

– Что с тобой? Раньше ты никогда не терял самообладания, – отчитал он Аркуса.

– И у богов не хватило бы на нее терпения, – пробормотал Аркус, откидываясь назад в кресло.

Брат Тисл указал на другое кресло, которое стояло перед столом.

– Пожалуйста, садитесь, мисс Отрера.

Я села. Он подвинул деревянный табурет и долго смотрел на меня.

– Почему вы ушли?

– А вы как думаете? Я не хочу возвращаться в тюрьму.

– Вы не вернетесь.

– Брат Лэк сказал, что он не успокоится, пока не сообщит солдатам, где я.

Аркус наклонился вперед и сжал руки, глядя на брата Тисла.

– А я тебя предупреждал. Я говорил, что ему нельзя доверять. Но ты же всегда видишь в людях только хорошее.

– Мы можем обсудить это позже. Сейчас мы должны спросить мисс Отрера, почему она не обратилась к нам за помощью, а вместо этого поехала в лес.

– Я испугалась, – честно сказала я. – Вы не сказали, почему привезли меня сюда, какую роль я должна сыграть в вашем плане по свержению короля. И мне показалось, что вы поверили в то, что пожар устроила я.

– А это была не ты? – спросил Аркус.

– Я не верю, что пожар устроили вы, – быстро произнес брат Тисл. – И я понимаю ваши страхи. Но пообещайте больше никогда не убегать. В окрестных деревнях очень опасно...

– Солдаты ищут меня, я знаю. Я проезжала мимо разрушенной деревни и наткнулась на лагерь беженцев.

– Надеюсь, ты спряталась от них, и они тебя не видели.

Когда я промолчала, Аркус тревожно спросил.

– Они тебя видели?

– Ну, я не нарочно.

Аркус выругался, и я подала голос.

– Я должна была помочь маленькой больной девочке! И мне кажется, они не поняли, что я Огнекровная.

Мне не хотелось рассказывать ему, как девочка коснулась моей руки и почувствовала тепло моей кожи.

– Они идут к побережью. Не думаю, что они будут искать меня, даже если за мою голову объявлено вознаграждение в пять тысяч монет.

Аркус еще раз выругался. Брат Тисл поднял руку.

– Мы слышали об обещанном вознаграждении, но не думали, что оно такое большое.

Он закрыл глаза и помассировал лоб.

– Меня беспокоит, что эти беженцы могут рассказать солдатам о том, что видели вас. За информацию о вашем местонахождении тоже обещано вознаграждение, правда, поменьше.

– О, я не знала об этом, – сказала я.

Аркус махнул рукой.

– Разве это имеет какое-то значение?

– Может, и нет.

– Обещайте, что больше не уедете, – мягко сказал брат Тисл. – И тогда мы сможем обсудить то, что вы хотите знать.

Я пожала плечами.

– Расскажите мне все, что вы планируете, и тогда я решу.

Лед на полу вокруг стула Аркуса пошел трещинами.

– Это он так психует? – спросила я брата Тисла.

– О, Боги, дайте мне терпения, – пробормотал Аркус.

– Хватит, – сказал Брат Тисл. – Пообещайте, что не уедете, иначе я ничего вам не расскажу. От нас зависит жизнь слишком многих людей.

– И вы поверите моему обещанию?

Он пристально смотрел мне в глаза так долго, что я думала, что он не ответит.

– Да, – сказал он с мягкой убежденностью.

Я глубоко вздохнула.

– Я ведь вернулась. Я решила, что хочу помочь. И я обещаю больше не сбегать.

– Тогда пришло время обсудить нашу цель – цель, ради которой мы и привезли вас сюда. – Он подался вперед, положив руку на трость. – До нас дошли слухи об узнике короля, владеющим даром огня и искусством управления теплом.

Искусство управления теплом. Бабушка рассказывала мне, что когда-то так и было. Уважаемо, почетно. Работая рука об руку, лед и огонь старались улучшить жизнь людей. Это было давным-давно.

– Перед тем, как отправиться в тюрьму, – продолжил он, – мы постарались узнать о вас как можно больше. Например, никто из жителей вашей деревни не обладал даром, в том числе и ваша мать.

Мои руки сжались.

– Моя мама, – мягко сказала я, – обладала даром более важным, чем способность нагревать воду без огня. Она была искусной целительницей.

Он наклонил голову.

– Так нам и сказали. Это еще одна причина, по которой вы нас интересуете.

– И какова истинная причина?

– Во-первых, в Темпезии осталось очень мало таких людей. Во всяком случае, их дар намного слабее вашего. Вполне возможно, что вы – самый могущественный человек Огненной крови из всех, оставшихся в королевстве.

Чтобы не упасть, я вцепилась руками в подлокотники. У себя в деревне я всегда чувствовала себя одинокой, непонятой. Но я, по крайней мере, могла мечтать, что в один прекрасный день встречу другого Огнекровного, который поможет мне понять, что за огонь бушует в моем сердце и как с этим жить, как обуздать и использовать этот редкий дар, не боясь причинить вред окружающим. Теперь оказалось, что я одна.

– Значит, все они были убиты во время набегов, – сказала я, пытаюсь представить их смерть и хотя бы таким образом проявить почтение.

– Кто-то во время набегов, – согласился брат Тисл. – Кто-то погиб в тюрьмах. Но самых сильных часто выводили на королевскую арену.

Я удивленно выпрямилась.

– Я слышала, что тот, кто победит всех в борьбе на арене, может получить свободу, а иногда и место при дворе короля. Но я думала, что это касается только Ледокровных.

– Когда-то так и было. Но все давно закончилось, еще при предыдущем короле, старшем брате Расмуса, который не любил бессмысленного кровопролития. Расмус же возродил эти битвы. Он выбирает заключенных с огненной кровью, обладающих мощным даром, и устраивает бои с чемпионами ледяной крови.

– Может ли Огнекровный выиграть свободу? – спросила я.

Он заколебался.

– Мы никогда не слышали о том, чтобы Огнекровный остался в живых.

Значит, даже самые могущественные из моего рода были убиты ради развлечения короля.

– Как такое могло случиться? – прошептала я. – Бабушка всегда говорила, что лед и огонь жили в мире.

Брат Тисл снова заговорил.

– Когда Огнекровные пришли из-за моря в поисках новых плодородных земель, даже наши мифы утверждали, что мы соперники. Мир был установлен, но Огнекровные постепенно раздвигали границы своих территорий, сражаясь с землевладельцами, требуя все больше земли.

– Это неправда, – возразила я. – Все было не так. Границы, существовавшие сотни лет, попытался изменить король Акур. Огнекровные обработали землю, сделали ее плодородной, и он захотел ее забрать.

Брат Тисл склонил голову.

– Огнекровных было намного меньше, поэтому они прибегли к убийствам высокородных Ледокровных. Когда войска короля Акура так и не отступили, они убили некоторых его приближенных, самых уважаемых.

– В том числе и его жену, – сказал Аркус, голос его прозвучал жестко по сравнению с мягкими интонациями брата Тисла.

– Несмотря на это, король Расмус сейчас там, где остановился его кровожадный отец, – сказала я.

– Он намного хуже, чем его отец, – сказал Аркус. – Король Акур был, по крайней мере, щедр, подавал милостыню бедным и строил города. Расмус же использует казну, чтобы сделать больше оружия, обучить больше солдат. Он пытается тех, кого подозревает в измене, убивает баронов, которые ему противостоят, и искореняет малейший намек на мятеж, отправляя всех трудоспособных мужчин и женщин на границу, где они бессильны.

– И все голодают, – добавила я. – Хвала Темпусу, аббатства и монахи пока в безопасности. И ты... кем бы ты ни был, – махнула я рукой в сторону Аркуса.

Он точно не был монахом. В нем вообще не было ничего *монашеского*. Он вел себя как воин и говорил как дворянин. Его одежда и обувь выглядели дорого, но он прятался в аббатстве.

– Король Расмус по-прежнему чтит бога северного ветра, – ответил Брат Тисл. – Он не рискнул бы разозлить Форса, причинив вред его последователям.

Я повернулась и посмотрела прямо в глаза Аркусу.

– И каким образом, вы полагаете, мне удастся убить самого могущественного короля в нашей истории?

– Он не самый могущественный король в нашей истории, – парировал Аркус. – Беспощадность – это не сила. Тирания – не сила.

Я была поражена, услышав, как он повторяет мои собственные убеждения. На самом деле, я была согласна со многим из того, что он сказал.

– Значит, даже ты, Ледокровный... – сказала я. – Ты тоже ненавидишь короля.

– Мы против тех методов, которые использует король Расмус, – сказал брат Тисл, взглянув на Аркуса. – Мы против отсутствия сострадания.

– *Отсутствия сострадания?* – внезапная волна гнева подняла меня на ноги. – Это слишком бледное описание короля, который посылает своих солдат, чтобы уничтожить целую деревню только из-за слухов о единственной Огнекровной! – я тяжело дышала. – Дом, который я любила, моя мама – все уничтожено! И только потому, что я родилась с даром, которым не умею пользоваться, не могу контролировать и никогда не смогу от него избавиться!

Из моей ладони вырвалось пламя и заплесало по полу, поднимаясь вверх по ножке стола. Аркус вскочил на ноги, рассёк воздух ладонью. Огонь замерз, не успев перекинуться на пергамент, разложенный на столе. На полированном дереве появилось черное пятно.

– Успокойся, – сказал он, тяжело дыша.

Я прижала руки к груди. Я ненавидела себя, когда теряла контроль, испытывая сильные эмоции. Медленно я вернулась на свое место и, обхватив себя руками, устала в пол.

– Я считаю, что короля надо жестоко наказать *без всякого сострадания*. Связать и натравить на него снежных волков. Да и это было бы слишком мягко для него по сравнению со смертью, которой он награждает многих.

– Мы согласны с вами, мисс Отрера, – сказал монах, глядя на мои сжатые кулаки. – Чтобы исцелить нашу страну, мы должны положить конец правлению короля Расмуса.

Я почувствовала облегчение, хотя все еще кипела внутри.

– Возможно, мы сможем продолжить этот разговор в другой день, – сказал он. – Не надо забывать, что вы прошли через многие испытания и все еще лечитесь.

Я спрятала трясущиеся ноги под накидкой. Нельзя терять самообладание перед этими людьми – это мне не поможет. Если я буду шипеть и царапаться, как дикая кошка, они никогда не будут мне доверять.

– Спасибо за травы и пищу, – искренне сказала я, стараясь успокоиться. – Брат Гамут хорошо обо мне заботится.

– Первым делом вам нужно исцелиться, – сказал Брат Тисл. – Все прочие вопросы можно обсудить потом, когда вы будете здоровы.

– Любые другие вопросы, – сказал Аркус, командным голосом, заполнившим маленькое помещение, – будут решаться тогда, когда я сочту это нужным. Мы сидим и ждем, пока трон...

Брат Тисл поднял руку. Удивительно, но Аркус замолчал.

– Поверь мне, мой друг, – сказал монах. – Мы ждали все это время, пока искали девушку. Время – наш враг, но иногда терпение необходимо.

Аркус резко поднялся и задел мой стул, выходя из комнаты. Когда он прошел рядом, порыв холодного воздуха ужалил меня в щеку.

Глава 9

Через пару дней мой гнев поутих, здоровье пришло в норму. Я попросила брата Тисла рассказать мне больше о моей задаче, но он посоветовал сосредоточиться на исцелении. Все, что надо, он расскажет, когда почувствует, что я готова. Через три дня брат Гамут заявил, что я восстановилась и могу начать заниматься. Он принес мне одежду и оставил одну, чтобы я переоделась в выцветшую белую рубашку, красную тунику, тёмные штаны и шерстяную накидку. Кожаные сапоги плотно охватили ноги, а волосы я собрала в хвост и завязала куском веревки. Меня отправили к месту встречи с братом Тислом – в рощицу между аббатством и лесом, где подлесок надёжно скроет нас от любопытных глаз.

На пути к выходу с западной стороны я прошла мимо трех монахов, одного мужчины и двух женщин. На голове у мужчины была выбрита тонзура, а женщины были просто коротко пострижены – их волосы едва доставали до висков. Они посторонились, не скрывая своей неприязни, когда я проходила мимо. Очевидно, моя помощь во время пожара не всех убедила в том, что я мне можно доверять. Возможно, они все ещё думали, что пожар начался по моей вине.

Занятая своими мыслями, я вышла из аббатства и через мгновение заметила поджидавшего меня Аркуса.

Он был одет в голубую тунику и черные штаны, плотно облегающие мускулистые бедра. Тусклое солнце слегка серебрило наплечники, из-за чего плечи казались еще шире. Сегодня он был в капюшоне без плаща, а на лице та же маска, что была на нем, когда он нашел меня в лесу. Маска закрывала нос и щеки.

Встретившись с ним взглядом, я застыла, словно меня окутало морозом.

Светло-голубые кристаллы льда, сверкавшие, как ожившие драгоценные камни, – вот какими были его глаза. Они внушали страх, но при этом были потрясающе красивы. Если лед, конечно, может быть красивым.

Я кивнула в знак приветствия и пошла вперед. Он двинулся рядом, укорачивая шаг, чтобы не обгонять меня.

– Захотелось посмотреть, как брат Тисл сокрушит меня? – спросила я.

– От тебя зависит очень многое, – тон его был подбадривающим, но отстраненным. – Я должен быть уверен, что ты преуспеваешь.

– Зачем? Какова твоя роль во всем этом?

Он сжал челюсти, но тон все равно остался легким, когда он сменил тему.

– Я должен был сказать тебе раньше. Ты – молодец! Бросилась спасать сестру Пастель, не раздумывая, – он немного помолчал. – Спасибо!

Потрясенная, я остановилась и повернулась к нему.

– Спасибо, что спасла её, пока я колебался, – закончил он, встречаясь со мной взглядом.

– Не такой уж великий подвиг для Огнекровной, – я теребила край туники, пока мы шли. – И я бы не смогла вытащить ее без тебя, – поморщилась я. – В любом случае, если делать выводы из этой истории, мне скорее удастся поджечь себя, чем кого-либо еще.

– Не надо, – резко сказал он. – Я не собираюсь тащить тебя всю дорогу до реки.

– Можно просто загасить огонь льдом, – заметила я.

– И тебе было бы приятно ощутить лед на своей коже?

Я взглянула на него.

– Вот почему ты бросил меня в реку? Ты такой заботливый.

– Я практичный, – ответил он, все еще глядя вперед. – Вода заливают огонь. Твое тепло отталкивает холод. Легче было столкнуть тебя в реку.

Его рассуждения были разумными, но меня разозлило его замечание о том, что ему придется

тащить меня *всю дорогу* к реке.

– Ты так говоришь, будто я вешу, как бык, – сказала я. – На прошлой неделе я была трескучим хворостом.

– Ты до сих пор такая.

– Возможно, если я наберу вес, ты больше не сможешь называть меня хворостом.

– Тогда в один прекрасный день ты станешь веткой.

Я быстро взглянула на него, не сдержавшись от восторга, что он шутит со мной.

– Даже бревном, – предположила я.

– Сомневаюсь, – сказал он с сарказмом.

Его взгляд остановился на моей ноге.

– Ты стала меньше хромать. Лодыжка заживает?

– Да.

Она по-прежнему болела, но я надеялась, что брат Тисл не станет слишком сильно нападать на меня, поскольку это наш первый урок.

Мы подошли к заросшему кустами открытому участку, под ногами хрустели остатки прошлогодней травы, мокрой от недавно растаявшего снега. В воздухе пахло дымом и соснами. Вдалеке на деревьях пели птицы. По земле стелился туман, медленно поднимаясь и исчезая вместе с восходом солнца.

– Доброе утро, мисс Отрера, – брат Тисл, одетый, как обычно, в рясу, поджидал нас, опираясь на трость. – Надеюсь, вы готовы к занятиям?

Я кивнула. Аркус отступил в сторону, оставшись достаточно близко, чтобы слышать, но не настолько, чтобы мешать.

– Садитесь, – скомандовал монах.

Мы оба сели, и я надеялась, что не успею заоченеть и смогу потом встать.

– Закройте глаза, – сказал он.

Я закрыла только один глаз, чтобы не чувствовать себя совсем незащищенной. Я не была готова к неожиданному нападению.

– Оба.

Я вздохнула и закрыла оба глаза.

– Сначала мы должны очистить ваш разум.

Мои глаза открылись.

– Мой разум? При чем тут он? Тепло идет от сердца.

– Которое контролирует разум. И вы бы об этом знали, если бы владели своим даром.

Я выполнила указания монаха. Он произнес странное слово, которое было либо очень древним, либо просто набором звуков, и я должна была повторять его снова и снова. Идея состояла в том, чтобы мысленно оказаться там, где мой разум почувствует полный покой и обретет свободу. Я думала, что все делаю хорошо, пока не услышала громкий вздох монаха.

– Мисс Отрера, спокойствия в вас меньше, чем у колибри. Если вы перестанете без конца дергаться, то, может, и ваш разум обретет покой.

Я посмотрела на монаха, обиженная его тоном. Я и не думала, что без конца ерзаю.

– Я разволновалась, пытаюсь успокоить свой разум, – ответила я. – Может, вам тоже следует быть терпеливее, если вы учите терпению меня.

Он заморгал от удивления, щеки слегка покраснели.

– Возможно, вы правы, – сказал он, вставая и опираясь на свою трость. – Но вы не понимаете, как мало у нас времени. Сейчас весна, в это время ваша сила возрастает, а моя убывает. К летнему солнцестоянию вы должны быть готовы к выполнению задания.

Волнение и страх охватили меня, в кончиках пальцев появилось покалывание.

– Осталось всего два месяца, – продолжил он. – Возможно, вам этот срок кажется долгим, но для того, чтобы научиться управлять своим даром, нужны годы практики. Столько времени у нас нет, поэтому мы должны делать все возможное. И, полагаю, я должен быть доволен результатом.

Он произнес это с таким фатализмом, что моя кожа начала нагреваться. Голос его звучал с таким порицанием, как будто он уже был разочарован результатом.

– Температура вашего тела повышается, – сказал брат Тисл. – Хорошо.

– Вы чувствуете это на таком расстоянии?

– Конечно. И вы можете точно так же. Вам нужно просто обращать на это внимание. Перестаньте концентрироваться на собственных мыслях, настройтесь на внешний мир.

Опять в его голосе прозвучало порицание. Кровь моя продолжала нагреваться.

– Хорошо, мисс Отрера. Теперь давайте посмотрим, сможете ли вы управлять своей силой. Направьте свой гнев на этот маленький куст и подожгите его, как вы сделали с ножкой стола в библиотеке.

– Но я сделала это не нарочно. Это произошло само собой. Я умею только нагревать, но не умею извлекать огонь из ничего.

– Не думайте об огне. Думайте только о том, чтобы сильно нагреть предмет, и он сам загорится.

Хотя он повторял то, чему меня учила бабушка, мне было трудно довериться Ледокровному.

– Простите меня, брат Тисл, но откуда вы знаете об искусстве управления теплом?

Он склонил голову.

– Рядом с местом, где я рос, жил великий мастер Огненной крови. Я часто наблюдал за учениками из его школы, когда они тренировались.

– Школа? – спросила я с любопытством.

– Высоко в горах, рядом с храмом Сюд. Я подозреваю, что мастер знал, что я наблюдаю. Но он был разумным человеком. И очень спокойным для Огнекровного.

– Вы когда-нибудь тренировались с ними?

Он покачал головой.

– Это было запрещено. Я тренировался сам и понял, что многие их методы можно использовать и со льдом. Когда я приехал на север из Сюдезии, то сильно опережал других воинов Ледяной крови.

– Вы приехали из Сюдезии? – спросила я, не в силах сдержать удивления. – И стали воином Ледяной крови?

Он выпрямился и посмотрел на меня пронзительным взглядом.

– Конечно.

Я представила себе молодого брата Тисла, с лицом без морщин, темными волосами, в блестящих доспехах. Он не был крупным мужчиной, но держался с уверенностью.

Я сосредоточилась на дальнем кустарнике. Аркус молча сидел позади меня, ничего не делая, но почему-то его присутствие давило на меня, я не могла сосредоточиться. Но я закрыла глаза и стала накапливать тепло внутри себя, как учила бабушка – *накопи, поддержи, обуздай*.

Моя кожа стала горячей. В подмышках и на груди проступил пот. Я дрожала от усилия. Жар набрал силу, и я, побоявшись потерять контроль, быстро извергла его наружу.

Вся желтая трава между мной и кустарником вспыхнула и тут же сгорела. Кустарник остался нетронутым.

Я выругалась себе под нос.

– Контроль, мисс Отрера, – сказал монах. – У вас есть сила, но вам нужно научиться управлять ею. Если бы здесь было поле боя, вы сожгли бы собственных солдат и не тронули врагов.

– Мне неинтересно идти в бой, – выплюнула я, разочарованная неудачей. – Мне нужно просто убить одного несчастного короля!

Аркус неодобрительно заворчал позади меня.

– А что касается контроля, – продолжила я, – так именно этому *вы* и должны научить *меня*.

На слове «вы» я ткнула монаха пальцем в грудь и услышала шипение ткани. Я отскочила назад и приложила руку ко рту. Он махнул пальцем, сразу же потушив одежду.

– Как я уже сказал, мисс Отрера, – сказал он спокойно, но немного холодно. – Контроль.

Глаза мои наполнились слезами – чувство неудачи усугубилось еще и тем, что я потеряла самообладание. Тяжело моргнув, я отвернулась.

– Теперь, – сказал он, – я понимаю, как вас надо учить. Сначала вы копите огонь внутри, а затем яростно выплескиваете его. Очень похоже на работу с холодом. Проблема в том, что, если силу не сосредоточить на цели, она может нанести большой ущерб.

– Но... я сконцентрировалась на цели.

– Вы сделали это взглядом, но не сделали разумом. Как только вы научитесь концентрировать силу мысли, то подчините себе огонь. Смотрите!

Он поднял руку вверх и стал двигать ею вперед и назад с молниеносной скоростью. В воздухе, потрескивая, возник серебристо-голубой хлыст, образующий ледяной вихрь. Я рефлекторно отпрыгнула, когда он пролетел мимо и щелкнул о землю. Монах снова поднял руку. Спираль холодного воздуха поднимала с земли пыль и мусор, закручивая их в воронку под воздействием его руки то слева, то справа, куда бы он ни двинулся.

– Для управления силой необходима полная концентрация, – сказал он. – Сначала это кажется невозможным. Но вы должны научиться концентрировать свою силу в полном спокойствии. Потом вы научитесь погружаться в состояние покоя, даже если есть отвлекающие факторы. Даже в бою.

Я смотрела в его глаза цвета бурного моря.

– Это вам, Ледокровным, легко. Вы и так полны льда и холода. Меня же переполняет огонь и тепло. Я просто не могу взять и отключить все это.

– Не путайте холод с отсутствием эмоций, – предостерег он. – Ледокровные вполне могут испытывать все чувства. Опасность в том, что эти эмоции, даже мощные и глубокие, могут быть покрыты слоем льда, который мешает их естественному выражению. Это очень болезненное состояние, испытать которое я не желаю ни вам, ни кому-либо другому, мисс Отрера.

Меня удивила ярость, с которой он произнес эти слова.

– Но сейчас мы говорим не о чувствах, – добавил он мягче. – Речь идет о тренировке разума. Если вы не сможете подчинить себе разум, вы никогда не сможете управлять своим даром.

– Хорошо, – сказала я. – Попробую еще раз.

Прерывисто вздохнув, я села.

– Когда вы научитесь погружаться в состояние полного покоя, – напомнил он, – вы почувствуете себя так, как будто время перестало существовать. Сначала просто позвольте своим мыслям плавно течь. Но всегда возвращайтесь к слову, которое я дал вам. Это поможет

вам проникнуть в самую суть ваших мыслей.

Мысли сначала замелькали, быстрые, яростные. Воспоминания, образы, заботы. Казалось, что я, пожелав успокоить свой разум, превратила его в бушующий поток бессмысленной ерунды, приводящий меня в ярость. Наконец я устала от бесплодных попыток вырваться из этого потока и перестала сопротивляться. И когда потоком смыло все, я вернулась к слову.

Время тянулось медленно, но наступил момент, когда сознание отключилось.

Я просто была.

И хотя я растворилась в этом потоке, что-то на самом краю сознания беспокоило меня – какое-то почти неосознанное ощущение. Ощущение холода. Я попыталась мысленно коснуться его, но оно, казалось, посмеивается над моими попытками.

Нет, холод не может смеяться.

Это был...

Я изо всех сил выкарабкивалась из глубин подсознания. Это было похоже на барахтанье в гусином пуху. Когда мне удалось открыть глаза, я повернулась назад, чтобы посмотреть на аббатство, которое, как я думала, и вызвало это ощущение холода. Неподалеку на земле сидел, скрестив ноги, Аркус.

Глаза его были закрыты, но губы кривила усмешка.

Мир перевернулся. Я уперлась ладонями в землю, чтобы сохранить равновесие.

Заговорил брат Тисл.

– Аркус, я просил тебя сохранять спокойствие. Неужели это так трудно?

– Простите, – сказал Аркус, но по его тону было件нятно, что он несколько не чувствует себя виноватым. – Но даже отсюда я чувствовал, как она так тряслась.

– Я сижу на промерзшей земле ранним утром, – выдохнула я, прижимая ладони к глазам, чтобы убрать пелену с глаз.

– Я думал, что Огнекровные вырабатывают собственное тепло.

– Я концентрировалась на других вещах, и еще отвлеклась... – я ахнула. – Я чувствовала холод. Твой холод!

Брат Тисл улыбнулся.

– Вы ощутили холод на физическом уровне, но ощущение было настолько слабым, что вы бы о нем и не узнали, если бы не тренировка мысли. Позвольте мне подчеркнуть слово «тренировка». Для освоения этого метода требуются годы. Но даже в самой простой форме концентрация мысли является мощным инструментом. Это поможет вам.

Убить короля, подумала я про себя. Освоение этих навыков означает разницу между успехом и провалом.

– Почему я не ощутила ваш холод? – спросила я.

– Я подавляю свой холод, – ответил Брат Тисл.

Я повернулась к Аркусу.

– Ты специально усилил свой холод, чтобы я его почувствовала?

Он пожал плечами.

– Немного.

– Хорошо, но больше так не делай. Отойди в другое место, я хочу проверить, удастся ли мне почувствовать тебя. И вы, брат Тисл, можете сделать то же самое. Я хочу посмотреть, смогу ли я и вас почувствовать.

Он покачал головой, опирая на свою трость.

– Мне пора на молитву. Аркус, ты продолжишь урок? Мисс Отрера, я надеюсь, что вы будете предельно внимательны на занятиях. Встречаемся здесь каждое утро, после молитвы. Если вы проявите самоотверженность, то я научу вас тому, о чем вы никогда и не мечтали.

– И расскажете, для чего именно готовите меня, – добавила я.

Он кивнул, затем направился к аббатству. Я поднялась на ноги, стряхнув паутину с колен, и потянулась, расслабляя напряженные мышцы и морщась от покалывания в ногах.

– Ну и что ты делаешь? – спросил Аркус.

– Кто сказал, что мы должны сидеть на промерзлой земле?

Он кивнул.

– Ты стой на месте, а я буду двигаться.

– Это не сработает, я слышу, как ты ходишь в этих сапогах.

Его челюсти напряглись.

– Я знаю, как двигаться тихо.

Закрыв глаза, я вернулась к слову.

Мысли побежали, постепенно становясь осязаемыми. Я глубоко вдохнула и позволила им течь через меня. Как и в первый раз, это заняло несколько минут, пока мой разум не начал успокаиваться. На сей раз, однако, я не погрузилась в полный покой. Часть меня начала поиск – поиск холода.

Пусто.

Нет, подождите. Там, на краю, прямо передо мной.

Медленно, балансируя посреди бесконечной вселенной, я подняла руку и указала. И услышала хмыканье.

– Очень хорошо, – сказал Аркус, его голос был ближе, чем я ожидала. – Но давай посмотрим, что получится, если уйду подальше.

Я кивнула и, глубоко вдохнув, сосредоточилась.

Пусто, пусто, пусто.

Импульс холода слева. Я подняла руку и указала.

– Хорошо. Я отойду еще дальше.

Я дышала, мысли постепенно исчезали. Мир опустел. В этом состоянии я была одна, но не одинока. На миг я стала одним целым. Но потом часть меня отделилась и снова начала поиск. Мой жар жаждал холода. Где он? Где?

Я подняла руки, раскрыв ладони. Настроилась на поиск.

Сначала я почувствовала холод на кончике пальца, потом всей ладонью. Нет, не холод – прохладное дыхание. Я сдвинула ладонь вправо, затем влево, затем снова вправо, пока не почувствовала, где холод сильнее. Прямо передо мной.

Я указала и услышала громкий смех.

– Не так уж ты плоха, мадемуазель Головешка. У меня никогда так не получалось. Брат Тисл тебя хорошо учит.

Я открыла глаза, но ничего не видела, моё сознание все ещё было в бесконечном пространстве. Земля накренилась вправо, и я споткнулась. Меня поймали крепкие руки.

– Держись, – сказал Аркус, ставя меня на ноги. – Нельзя выходить из этого состояния так быстро. Сядь на минутку, вернись туда, где ты была, и начинай постепенное возвращение в наш мир. Ты навредишь себе, если вернешься в реальность слишком резко.

Я сделала так, как он сказал, позволив разуму медленно приспособиться к внешнему миру. Через несколько минут я сделала последний глубокий вдох и открыла глаза. Аркус сидел напротив меня, на расстоянии вытянутой руки.

– Хм, – сказал он задумчиво. – Замечательно, что ты научилась этому так быстро.

У меня в груди потеплело. Может, у меня еще есть шанс.

Когда мы шли к аббатству, Аркус взял меня под локоть, чтобы мне было легче идти. Я напряглась, но не отмахнулась.

– Твой разум работает хорошо, – сказал он, – но меня беспокоит твое тело. Ты все еще слаба.

Он остановился и закатал мне рукава до локтя. Когда наши руки соприкоснулись, мы оба задержали дыхание от дискомфорта.

– Такими руками ты никогда не сможешь держать меч. Где твои мышцы?

– Да, в тюрьме у меня была масса возможностей для укрепления сил.

Я отдернула руку и снова опустила рукава.

– Зато теперь они у тебя есть. Я хочу, чтобы с завтрашнего дня ты начала усердно тренироваться. В башне есть крутая лестница. Вверх-вниз по лестнице дважды в день. У брата Пила на кухне много тяжелых горшков для мытья, и мешки с мукой нужно постоянно таскать. Помогите ему. В конюшне, у сестры Клоув, тоже много работы.

Это было так разумно, что у меня не было причин спорить. Но все-таки меня раздражало, когда он мне приказывал.

– А что ты будешь делать, пока я работаю?

– Я буду тренироваться, как и каждый день.

– А зачем ты тренируешься?

Он колебался, но затем ответил.

– Чтобы помочь тебе. Моя задача – провести тебя в замок, и, если нам повезет, благополучно вывести тебя оттуда.

Я поняла, что стою с открытым ртом, когда он усмехнулся.

– Ты думала, мы отправим тебя через парадный вход? Без моей помощи ты не сможешь добраться и до подножия горы.

– И каков план? Расскажи мне все.

– Не терпится расстаться с жизнью, Огнекровная? Ты бы стала хорошим солдатом.

Он быстро сменил тему.

– Ты левша. Я думал, что поучу тебя сегодня сражаться на мечах, но заметил, как ты отводишь левое плечо в сторону и вздрагиваешь всякий раз, когда поднимаешь руку.

Я поморщилась. Эти холодные голубые глаза замечают гораздо больше, чем я думала.

– Старая травма, – сказала я, плавно поводя плечом.

– В тюрьме? – мягко спросил он.

Я покачала головой.

– Когда мне было семь лет, я упала с дерева. Я пыталась поймать белку. Мне хотелось завести домашнее животное.

Он издал звук, подозрительно похожий на смех.

– И это тебя до сих пор беспокоит?

– Только когда меня вынуждают часами сидеть на промёрзшей земле.

Он улыбнулся, посмотрев мне в глаза. Сердце мое затрепетало, когда от его глаз лучиками разбежались морщинки, и ясная улыбка тронула губы. Шрам, рассекавший верхнюю губу, будто добавлял привлекательности этой улыбке. Не выдержав, я отвела глаза и уставилась на серые камни аббатства.

– Почему ты прячешь свое лицо? – спросила я.

Темное подозрение закралось ко мне в голову. Аркус все время носил капюшон, у него был видимый шрам. Он и Брат Тисл сказали, что я привлекла их внимание после того, что случилось в моей деревне. А вдруг Аркус был одним из тех солдат, которых я подожгла?

Как только я задала вопрос, стало холоднее. Под ногами появился лед, захрустели мертвые листья.

– Я не помню, чтобы разрешал тебе задавать вопросы, – ответил он.

– Я не помню, чтобы нуждалась в разрешении. Что ты скрываешь?

– Ничего не скрываю. Только закрываю то, что люди не хотят видеть.

Я скрестила руки. Он смотрел на меня неподвижным холодным взглядом. Возможно, я ошибалась, и он думал, что я поведу себя как дурочка и буду смеяться над ним из-за внешности. Я бы никогда и никого не осудила за шрамы.

– Сегодня я хотя бы вижу твои глаза, – сказала я.

– Зачем тебе видеть мои глаза?

– Не знаю. Может, потому что я знаю о тебе так мало, а ты знаешь обо мне так много. А может, для того чтобы убедиться, что ты человек, а не глыба льда.

Он насторожился. Я знала, что неприлично уставилась на него, но не могла оторвать взгляд от его глаз, которые, словно мозаика, сочетали в себе сотни оттенков синего. Я почувствовала, что пребываю в каком-то напряженном бессознательном состоянии, как песчинка в пространстве, как будто есть только эта синева, которая будоражит мою кровь, охлаждая и одновременно нагревая ее, погружая меня в состояние беспокойного смущения.

Но вдруг что-то мелькнуло в его взгляде, и снежно-голубое небо его глаз сменилось холодной пустотой.

– Я и есть глыба льда.

На меня словно вылили ведро ледяной воды из горной речки. Он повернулся и зашагал прочь, унося с собой всю свою синеву. Мертвые листья хрустели под его сапогами.

Глава 10

Полуденное солнце пробивалось сквозь уцелевшее окно библиотеки, отбрасывая светло-золотые пятна на каменные стены.

– Сестра Пастель, можно войти? – спросила я у двери.

Через неделю после моего неудачного побега я узнала, что сестру Пастель называют лучшим иллюстратором в аббатстве. Часами она сидела, склонившись над своими пергаменами. Я была очарована ее работами, точеными плавными буквами и яркими картинами.

Она положила кисть в чашку и повернулась ко мне.

– Входите, мисс Отрера.

Я шагнула вперед, стараясь не задеть рукавом ни один из хрупких свитков, лежавших на столе.

– Я подумала... – мой голос осекся, когда на глаза попалась почерневшая ножка стола, напомнив мне о срыве во время предыдущего визита. Конечно, невозмутимый и осторожный иллюстратор не позволит никакой Огнекровной находиться рядом со всеми этими драгоценными книгами.

– Я рада, что вы пришли, – сказала она, удивив меня. Ее губы изогнулись, и я решила, что она улыбнулась – улыбка не часто появлялась на ее лице. – Я не поблагодарила вас за спасение.

– Не стоит, – быстро сказала я. – Огонь не причиняет мне вреда – по крайней мере, не так быстро. Я уверена, если б у меня не получилось, Аркус нашел бы способ помочь вам.

– Все равно вы рисковали и проявили характер, обеспокоились. Мы же не были друзьями.

– Мы не были и врагами. По крайней мере, я так считала.

Она опустила взгляд на свои руки, аккуратно сложенные на коленях.

– А я, признаюсь, видела в вас угрозу. В первый день, когда мы с братом Лэком принесли вам ванну, у меня были подозрения, что вы – Огнекровная. Я гневалась, что брат Тисл позволил вам приехать сюда. Мне казалось, что ваше присутствие навредит всем нам.

Она замолчала, и я, немного помедлив, спросила:

– А сейчас?

– Я вижу, что вы пытаетесь овладеть своим даром с помощью брата Тисла. Простите меня, я была неправа.

Я неуверенно потопталась.

– Да не о чем говорить. Со мной здесь хорошо обращаются.

Ее губы снова изогнулись, и на этот раз это точно была маленькая улыбка.

– Итак, что привело вас в мои владения душистых пергаментов и скрюченных пальцев?

– Я надеялась, что вы сможете показать мне, как работать красками и кистью. Конечно, я не хочу мешать вам. Но мне так нравится, что вы делаете, и я хотела поучиться у вас. Ваши работы прекрасны.

– Спасибо. Садитесь за стол рядом со мной, и я с удовольствием покажу вам.

Мои щеки зарделись от радости.

– Но, пожалуйста, – медленно добавила она, – пожалуйста, постарайтесь ничего не подпалить от расстройства – ведь сразу мало у кого получается. Мне бы не хотелось еще одного пожара, особенно здесь.

Моя радость исчезла.

– Не я устроила тот пожар, сестра Пастель.

Она помолчала, внимательно изучая меня.

– Я рада это слышать. Хотя мне неприятно думать, что пожар устроил кто-то из моих собратьев и не признался в этом, когда обвинили вас.

Я покачала головой.

– Загореться могло и по неосторожности. Мы никогда не узнаем, что произошло. Но позвольте вас успокоить – мне вы можете доверять. Если я расстроюсь, то пойду к Аркусу на дополнительные занятия. У него хорошо получается справляться с моим гневом.

Сестра Пастель усмехнулась и протянула мне кисть.

В течение следующей недели жизнь в аббатстве текла однообразно. Несмотря на выздоровление, я продолжала спать в лазарете. Там мне было комфортно, да и брат Гамут признался, что в аббатстве мало комнат, пригодных для проживания. По утрам я просыпалась с колокольным звоном, надевала тунику и штаны. Затем дважды поднималась и спускалась по лестнице башни и отправлялась на тренировочную площадку на встречу с братом Тислом.

Я стала лучше справляться со своими внезапными вспышками и, наконец, смогла сжечь ненавистный кустарник, который уцелел во время первого урока. Затем я научилась поджигать любой предмет, на который указывал брат Тисл, хотя, по его словам, цели мои временами были довольно непредсказуемы. Он заставлял меня оттачивать мастерство: каждый день разжигать огонь в каминах, сушить мокрую одежду после стирки, даже зажигать свечу на расстоянии – на все это уходило куча времени и усилий. Я все лучше справлялась с заданиями. Но, к моему большому разочарованию, мне никак не удавалось воспользоваться даром в полную силу – что-то все время ускользало от меня.

После занятий я обычно направлялась на конюшню, чтобы помочь сестре Клоув, которая ухаживала за животными. У нее было грубо высеченное лицо и большие заботливые руки. Я помогала ей чистить стойла и ухаживать за лошадьми, носить тяжелые мешки с кормом или зерном для цыплят, свиней и коз.

Из конюшни я шла в кухню, расположенную в отдельном здании из-за опасности пожара, и помогала повару, брату Пилу. Обычно он заставлял меня мыть горшки и носить воду из колодца. Иногда он просил меня собрать травы, которые использовал как приправу к приготовленной похлебке.

Я шла по территории монастыря на кухню, вдыхая запахи скошенной травы и кухонного дыма. Проходя мимо ледяной статуи Форса, я подмигнула ему и крепче укуталась в свою накидку. После нескольких дней теплой погоды северный ветер бесновался с удвоенной силой, пробираясь сквозь одежду и заставляя ныть суставы.

Когда я проходила через церковь, погруженную в благоговейную тишину, я заметила, что часть скамеек исчезла, наверное, они сгорели в огне – запах гари все еще висел в воздухе. Мои шаги стали легче, своды арочного потолка и большие витражи с изображением Темпуса будто наполнили меня священным трепетом. Повинуясь внезапному порыву, я прошла по центральному проходу и опустилась на колени под окном. Я пристально смотрела на Темпуса, а он уставился на меня, и оба мы не доверяли друг другу. Может, если бы это была Сюд или Циррус, было бы проще. Но Темпус был почти столь же грозен, как и Форс, и еще более могущественен, поскольку был отцом четырех ветров.

Я сжала руки и помолилась Циррус, смотрительнице загробного мира. Я попросила ее оберегать мою маму. Вспомнив о матери, я почувствовала острую боль в груди. Дрожащими руками я потерла глаза, стирая боль из взгляда, и только потом пошла на кухню.

– Простите за опоздание, – сказала я брату Пилу, повесив накидку на стенку. – Я была...

Мне показалось глупым рассказывать ему, что я молилась. Он молился пять раз в день в положенное время вместе с другими монахами. К счастью, брат Пил был слишком занят картошкой, чтобы заметить мою незаконченную фразу. Когда я первый раз пришла на кухню, чтобы предложить ему помощь, он все время молчал, только наблюдал за мной, словно я была лисицей, пробравшейся в курятник, чтобы украсть цыплят. Но постепенно привык и иногда подолгу болтал со мной.

– Кролик уже в кастрюле, – сказал он, указывая ножом.

Он приехал откуда-то с севера и говорил с акцентом, раскатисто произнося букву «р».

– Я займусь репой, – сказала я, доставая небольшую сумку и ставя ее на стол. – И кстати, я принесла дикую петрушку, нашла вчера у ручья.

– Отлично. Мы найдем ей достойное применение. Но постарайся экономить соль. Её добывают в Сафре, а сейчас туда почти невозможно добраться, и торговля закрыта. Так что не надо горстями солить каждое рагу. И держи свои заgreбушие ручки подальше от хлеба. Ты хуже барсука в подвале.

Мы все еще чистили, резали и болтали, когда дверь распахнулась.

– Где ты, черт побери, болтаешься? – спросил Аркус.

– Уговаривала брата Пила дать мне еще печенья, – сказала я. – Но, к сожалению, он довольно скуп.

Я получила шутливый тычок от ухмыляющегося брата Пила, а Аркус в ярости глянул на меня.

– Час назад ты должна была прийти на тренировку по фехтованию мечами.

Я разинула рот.

– Но это же завтра.

– Сегодня.

– Но... – я бросила извиняющийся взгляд на брата Пила.

Аркус был совершенно непреклонен.

– У тебя десять минут. Не заставляй меня ждать.

Мои руки дрожали, когда я натягивала свою красную тунику и надевала сапоги, а живот крутило от страха.

Никогда я не держала в руках меч, даже деревянный, которым играли мальчишки из деревни. Мама говорила, что оружие и горячий нрав – опасное сочетание.

Моим оружием был огонь, который был частью меня. Он мог причинить вред и мог принести пользу – с его помощью можно было готовить, греть и кипятить воду. Меч же мог только калечить и убивать. И хоть моя задача как раз и состояла в том, чтобы убить короля, мысль это странно на меня давила.

Вместо обычной тренировочной площадки Аркус выбрал для урока поляну с густо растущими фруктовыми деревьями и прудом, укрытым листьями кувшинок, словно лоскутным одеялом. Вверху парили плотные серые облака.

Одет он был в свою тренировочную форму: синюю тунику, черные штаны и маску, закрывающую его щеки и нос. В его глазах цвета замерзшей реки отражалось синее небо.

Он протянул мне меч. Взявшись за рукоять, я почувствовала холод кованой стали. Меч оказался на удивление тяжелым. Даже после двух недель тренировок и занятий я с трудом удерживала его в руках.

– Почему у меня настоящий меч, а у тебя нет? – спросила я, кивнув на деревянный меч в его руке. – Не боишься, что я пораню тебя?

– Твой меч тупой. Я хотел, чтобы ты почувствовала вес настоящего. Теперь подними его вот так.

Я напрягла мышцы и подняла оружие.

– Выше! – приказал он.

Моя рука дрожала, но я подняла ее так, чтобы кончик меча был на уровне носа.

– Теперь встань так.

Я скопировала его позу, ноги расставлены, колени согнуты.

– Ты должна держать равновесие, – заявил он. – Иначе я соблю тебя с ног одним ударом.

Он подошел ко мне и объяснил, как нужно встать, поправляя руками спину, плечи, колени, пока его все не устроило. Хотя руки его были холодными, холод жалил меня не так уж сильно. Казалось, чем дольше я нахожусь в аббатстве, тем больше привыкаю к близости Ледокровных.

– Теперь иди на меня.

Я двинулась на него с мечом в вытянутой руке. Одним ударом он выбил у меня из руки оружие. Меч с глухим стуком упал в траву, подняв брызги утренней росы. Аркус все еще держал свой меч в положении, готовом к отражению атаки.

– Теперь я должна попросить о пощаде? – спросила я.

Я пыталась пошутить, чтобы он не заметил, что мне не по себе. А Аркус подумал, что я несерьезно отношусь к занятиям. Его лицо потемнело.

– Думаешь, твоя просьба остановит солдат короля?

Моя шея и щеки вспыхнули. Я подняла меч и, сжав рукоять, пошла на него всерьез. Он отбил мой удар и разоружил меня. Я сделала еще одну попытку и опять осталась без меча.

После третьего раза я подняла меч и швырнула его как можно дальше. Он с всплеском упал в пруд.

– Сейчас ты пойдешь и достанешь свое оружие. Прямо сейчас.

Он говорил, стиснув зубы, будто ему хотелось, чтобы в пруд вместо меча попала я. Или, может, моя отрубленная голова.

– Ты должен учить меня! – закричала я. – Я уже поняла, что не умею обращаться с мечом. Что еще ты пытаешься мне доказать?

Аркус отвел взгляд.

– Брат Тисл слишком мягок с тобой. Он хочет, чтобы все происходило постепенно. Не хочет давить. А тем временем на равнинах Арис все еще бушует война. Поля заброшены. Люди голодают. Если так пойдет и дальше, спасать будет нечего и некого.

– Разве это моя вина? – спросила я. – Из-за того, что я не готова?

Он заколебался.

– Нет, моя. Я слишком медленно тебя учу.

– Думаешь, будет быстрее, если я выйду из себя?

– Я пытаюсь показать тебе, что, потеряв концентрацию в битве, ты можешь потерять свою жизнь. А тебя так легко сбить с толку, Огнекровная.

Смысл его слов доходил до меня медленно, впитываясь, как капли дождя. Этот урок был проверкой умения владеть собой. И я должна была доказать, что умею сдерживать себя.

Я поплелась к пруду и, осмотрев его, увидела, как тускло сияет металл под водой недалеко от берега. Только я дотронулась до рукояти, как что-то коснулось моей руки. Я отскочила назад, и меч выпал из моих пальцев.

– В чем дело? – напряженно спросил Аркус.

Меня передернуло.

– Там что-то холодное и скользкое.

– Ты боишься рыбы? – спросил он с недоверием.

– Я не боюсь. Я просто... ненавижу их. Они такие холодные, – я многозначительно посмотрела на него, – как будто касаешься Ледокровного.

– Понятно, – пробормотал он. – Теперь перестань глупить и достань меч.

Я потянулась и снова ухватила за рукоять меча, стиснув зубы, на случай, если почувствую еще одно холодно-слизистое прикосновение. Когда я вернулась на поляну, колени у меня были

мокрые.

Аркус показал мне несколько видов атаки и способы их блокировки. Он демонстрировал, как защищать живот, бока, плечи и голову. Принимая некоторые позиции, мне приходилось выкручивать запястье. От избытка информации у меня закружилась голова. Если я парировала удары слишком высоко или слишком низко, он поправлял меня, заставляя повторять все заново, пока у меня не заболела рука.

Поскольку я вряд ли могла бы победить врага силой, он сосредоточился на том, чтобы научить меня легко и быстро двигаться, уклоняться, перемещаться, уходить от атак и блокировать их.

Какое-то время мы сражались медленно; затем удары пошли быстрее. Я задыхалась, пытаюсь приноровиться к его темпу.

– Не опускай меч, – сказал он.

– Я пытаюсь, но мы занимаемся уже несколько часов. Я устала.

– Следи за тем, что происходит вокруг, – предупредил он.

– Давай не так быстро.

– Это и так медленно.

Я отпрыгнула назад, пытаюсь уйти от атаки. Земля под ногами была в кочках, и я споткнулась.

– Ты сдаешь свои позиции, – закричал он. – Следи за...

Тут нога у меня попала в грязь, и я начала падать. Аркус бросил свой тренировочный меч и потянулся ко мне, а мой меч взметнулся вверх и полоснул воздух передо мной. Я рухнула спиной в пруд. Там было неглубоко, но вода была ужасно холодная.

Аркус стоял на берегу, качая головой.

– Ты специально это сделал, – прошептала я, задыхаясь от холода.

– Ничего я не делал, но пусть это будет тебе уроком, – у него на губах появилась улыбка. – Ты похожа на котенка, упавшего в бочку с водой.

Я выбралась на берег, хватаясь за длинную траву и кувшинки, чтобы подтянуться вперед. Нога соскользнула, и я опять упала.

Когда я снова посмотрела на Аркуса, он трясся. Через секунду я поняла, что его трясет от смеха.

– Заткнись, или я... – поскользнувшись, я опять очутилась в пруду, глотнув воды.

– И что ты сделаешь? – выдохнул Аркус. – Нападешь на меня с рыбой?

Отдышавшись, но, все еще улыбаясь, он протянул мне руку. Я ухватила за нее и, дернув, свалила в пруд и его. Свободной рукой он заморозил участок воды вокруг меня, как раз вовремя, чтобы проворно проскользнуть по поверхности. Мою руку он использовал как опору и быстро выбрался на покрытый травой берег. Он очень хорошо контролировал себя, чтобы не повредить мне руку. Я восхищалась тем, как он использовал свой дар, чтобы изменить окружение, и одновременно кипела от возмущения.

Он снова протянул руку, но я оттолкнула ее.

– Всегда следи за обстановкой, – сказал он низким, но серьезным голосом, уже без улыбки. – Особенно в бою. Научись быстро соображать, сможешь использовать это в своих интересах. Это может спасти тебе жизнь.

– Давай посмотрим, как быстро ты сам соображаешь, – пробормотала я.

Я схватила в горсть грязь и растения и, швырнув, попала ему прямо в грудь. Длинные, склизкие корни обернулись вокруг шеи.

– Тебе самому надо лучше следовать своим советам, – поддразнила я. – Это мог быть и меч.

Он стряхнул с себя липкие зеленые щупальца и снова улыбнулся. Если бы я не злилась так

сильно, то, наверное, полюбовалась бы блеском его глаз.

– Принято, леди Головешка. Раз ты не хочешь моей помощи, выбирайся сама. Жду тебя на следующий урок. Не забудь свой меч.

Глава 11

Постепенно доверие сестры Клоув ко мне росло, и поэтому она иногда позволяла мне проехать на Маслице по территории аббатства. Вместе с кобылкой мы исследовали сады, поля, пастбища, загоны и напоенные весенним ароматом рощи деревьев. На северной окраине аббатства, у реки, я обнаружила, что пою песню, которую слышала от мамы. Эта была песня о том, что нужно наслаждаться летом, пока оно длится, потому что за ним обязательно наступит зима, и мир снова покроется снегом.

Двигаясь в восточном направлении, мы объезжали небольшую яблоневую рощицу, когда я заметила прислонившуюся к стволу дерева одинокую фигуру. И хотя одет он был в монашескую рясу, я узнала его по широким плечам и высокому росту – это был Аркус. Я замолчала и развернула Маслице. Я все еще сердилась на него за вынужденное купание в пруду и все время находила отговорки, чтобы не ходить на занятия, которые и так бы прекратились, потому что Аркус куда-то уезжал на пару дней и только что вернулся. Очевидно, он часто уходил из аббатства на один-два дня, и, кажется, никто не знал, куда он уезжал. А если и знали, то мне, конечно, не сообщали.

– Руби, – позвал он. – Подожди минутку.

Я резко остановилась. Он никогда раньше не называл меня по имени. Я подождала, пока он приблизится, рука его поднялась, чтобы погладить Маслице. Он улыбнулся в ответ на ее тихое ржание.

– Какая красивая песня, – сказал он. – Откуда ты ее знаешь?

Я немного помолчала.

– Моя мама пела её.

Он кивнул.

– Хорошо, что я услышал ее. Что-то мне сегодня грустно.

Я почувствовала, как мои брови поползли вверх, и изо всех сил попыталась скрыть свое удивление. Брат Гамут утверждал, что Ледокровные в полной мере могут глубоко чувствовать, но я привыкла думать, что у Аркуса вообще нет эмоций. Поэтому его признание о том, что ему грустно, было странно обезоруживающим.

– Хочешь, поговорим об этом? – спросила я, удивляясь. – Моя мама всегда говорила, что, если с кем-то поделиться заботами, то становится легче. Правда, я стараюсь особо не делиться своими чувствами.

Аркус криво улыбнулся.

– Кто бы сомневался. Все твои чувства и так всегда на виду.

Я ждала, что он продолжит. Но он больше ничего не сказал, и я, пожав плечами, подняла поводья, чтобы уехать.

– Брат Тисл сказал, что ты делаешь успехи, – быстро сказал Аркус, словно не хотел, чтобы я уходила.

Я пренебрежительно фыркнула.

– Брат Тисл очень добрый. И терпеливый, – произнесла я и тут же пожалела об этом.

Мне не хотелось признаваться, что вперед я продвигаюсь медленно, маленькими шажками. И я не знала, что сделает Аркус, если решит, что я не стою его времени.

– Я уже справляюсь с небольшим огнем. Могу передавать огонь из одной руки в другую, не теряя контроля. И меткость стала лучше.

Он кивнул, глядя Маслице по шее. У него была красивой формы сильная, покрытая темной порослью рука с длинными пальцами. Я вдруг заметила, как ласково он гладит Маслице.

Он поднял на меня глаза.

– У нас так и не было второго урока по фехтованию.

– Одного было достаточно, спасибо.

Его подбородок дернулся вверх, и я скорее почувствовала, чем увидела, как он смотрит на меня из-под капюшона.

– Не тебе решать.

– Кто-то обещал мне свободу... и где же она?

– Получишь, если справишься со своей задачей.

– Ты хотел сказать, если выживу. И если не утону в пруду.

Он вдохнул, ноздри его слегка затрепетали, и резко выдохнул. А я ощутила нездоровое удовлетворение, осознав, что мне удалось задеть его чувства. Значит, он что-то чувствовал, хотя бы иногда.

– Конечно, – сказал он, прочищая горло, – я был не лучшим учителем.

Я открыла рот, затем закрыла его, часть моих обид улетучилась.

– Это точно, – я немного помолчала и продолжила, – Но, возможно, и я была не лучшей ученицей.

– Я не должен был смеяться над тобой, – сказал он.

Я вспомнила, как то и дело скользила и падала.

– Наверное, это было еще то зрелище.

Я уставилась на него, жалея, что не могу видеть выражения его лица. Я подумала, что уголки его губ слегка дернулись, но он справился с собой.

– Я знаю, что ты не хочешь больше пробовать, – серьезно сказал он. – Но тебе надо знать основы работы с оружием. Прошу, доверься. Обещаю, я больше не буду смеяться, если ты что-то сделаешь не так.

Прошу... обещаю... Таких слов от самопровозглашенной глыбы льда я услышать не ожидала.

Я наклонила голову.

– Брат Тисл подсказал тебе, как общаться со мной?

Его голова поднялась, а губы изогнулись.

– Он дал мне несколько советов.

– И ты их учёл? – в изумлении я приподняла брови.

– Я экспериментирую. Если не сработает, вернусь к своим проверенным методам.

– Угрозы и приказы?

Он заулыбался.

Я изобразила задумчивость.

– Тогда, во что бы то ни стало, я должна убедить тебя, что новый метод работает. Когда начнем?

– Завтра утром, как только вы закончите с братом Тислом. На том же месте, что и в прошлый раз. Если тебя устраивает.

– Если ты будешь таким же вежливым и воспитанным, я заплету косички и завяжу бантики.

Он усмехнулся, отворачиваясь. Зашагав прочь, он начал напевать песню, которую пела я.

Я моргала ему вслед, у меня возникло странное чувство, будто в животе затрепетали крыльями бабочки. Мы с Маслицем развернулись и продолжили путь.

Мы с Аркусом заключили нечто вроде перемирия.

Каждый день он проводил со мной урок по фехтованию. Я делала все возможное, чтобы снова не упасть в пруд, а он изо всех сил старался не кричать и не смеяться, когда я спотыкалась или роняла меч. Но занятия эти меня не привлекали. Холод стали казался мне неестественным.

Я упомянула об этом, когда мы с Аркусом шли назад к аббатству после урока.

– Не думай о мече, как о холодной стали, – сказал он, коснувшись моего локтя и повернувшись ко мне лицом. – Думай о том, что сталь рождается из огненной жидкости.

– Огненной жидкости? – спросила я, посмотрев на него.

– Ты когда-нибудь была в кузнице?

Я кивнула.

– Я иногда ходила в кузницу в своей деревне, чтобы посмотреть, как делают подковы или гвозди.

– Я сейчас кую новый меч. Приходи в кузницу завтра утром, после занятий с братом Тислом, и ты поймешь, что я имею в виду. Может, если ты увидишь сталь в ее изначальном состоянии, она не будет казаться тебе такой отвратительной.

– Это относится и к Ледокровным? – спросила я с притворной невинностью. – Если бы я увидела тебя в твоём первоначальном виде, ты был бы мне не так противен?

Лицо его вспыхнуло.

– Что значит первоначальный вид?

Когда до меня дошло, как он мог понять мои слова, я вздрогнула.

– Это вовсе не то, что ты подумал, мой честолюбивый айсберг. Я хотела сказать, если бы я знала тебя в детстве. Хотя это и невозможно, но все же более вероятно, чем то, о чем подумал ты.

– Хвала Форсу. Мне бы не хотелось обнажать свое... свою душу перед тобой и быть осмеянным.

Не желая, чтобы последнее слово оказалось за ним, я повернулась на каблуках и, посмотрев ему в глаза, шагнула навстречу. Он машинально положил руки мне на плечи. Я окинула его взглядом с головы до ног.

– Может, и стоит попытаться отколоть пару кусков от такой непомерной гордыни.

Я улыбнулась, как дочери торговцев улыбались деревенским мальчишкам.

Он молчал, что было необычно. Это было так волнующе – вывести его из себя до такой степени, чтобы почувствовать привкус опасности. Это была игра, к которой можно быстро привыкнуть, если не соблюдать осторожность.

Я отвернулась, чтобы он не увидел румянец, вспыхнувший у меня на щеках.

– Тогда до завтра.

– Только не надевай в кузницу накидку, – сказал он мне вслед. – Там искры летят во все стороны – ты можешь загореться.

Но не опасность вспыхнуть в кузнице тревожила меня.

Кузница находилась в длинном здании к юго-западу от аббатства, большую часть которого занимал огромный каменный горн с пылающими углями. Перед ним располагались кузнечные мехи. С крючков на стенах свисали разнообразные металлические инструменты. Слева, наклонившись к горну, стоял широкоплечий мужчина. Его обнаженная спина блестела от пота. Он со всей силы опустил молот на кусок нагретого металла, который щипцами держал на наковальне.

К счастью, румянец, разгоревшийся у меня на щеках, быстро стал незаметен из-за жары в кузнице.

– Я думала, ты вчера пошутил, говоря, что обнажишься передо мной, – быстро произнесла я

между ударами молота.

Аркус прекратил работу и повернулся, и я увидела, что маска, как и всегда, закрывает его лицо, а грудь прикрыта кожаным фартуком.

– К тебе это не имеет никакого отношения. Здесь жарче, чем в жерле вулканов Сюд.

По его тону стало ясно, что сегодня он не настроен шутить, возможно, потому здесь было слишком жарко для него.

Я подошла ближе, проведя ладонью по инструментам на рабочем столе.

– Я думала, ты ненавидишь жар и пламя.

– Это необходимое зло. Я провожу здесь столько времени, сколько нужно, и ни секундой больше. Надень перчатки.

Он кивнул на кожаные перчатки, лежавшие на столе у стены. Я заметила, что он тоже был в перчатках.

– Да не нужны они мне.

– Я сказал, надень.

Я подчинилась и присоединилась к нему перед наковальной.

– Возьми щипцы и положи клинок в огонь, – проинструктировал он.

Я взяла щипцы, удерживая длинный, грубый металлический клинок над углями. Он положил молот и нажал на мехи – пламя взметнулось вверх.

– Работа с железом – это танец воздуха и пламени, – сказал он. – Чтобы получить нужный уровень тепла, надо найти верный баланс. Если тепла мало, ты не сможешь работать с металлом. А если много, он расплавится. Видишь? Вот такой цвет нам и нужен. Клади его на наковальню. Осторожно.

В ответ на его повелительный тон я закатила глаза, но сделала, как он сказал.

– Я думала, ты хочешь показать мне жидкую сталь.

– Тебе придется представить это. Несколько дней назад сестра Клоув помогала мне нагреть металл до состояния жидкости. Я вылил ее в изложницу и охладил. После этого можно приступить к ковке. Острые я уже почистил, но мне еще нужно сформировать лезвие. Держи крепко.

Он начал бить молотом по мерцающему оранжевым цветом металлу, двигаясь от острия к рукояти.

– Видишь, как он горит? Подумай об этом. В его сердце горит огонь даже после охлаждения и закалки. Если бы не его тепло, не было бы этого чудесного превращения – это был бы просто бесформенный кусок металла.

Я поменяла положение, чтобы руке стало легче.

– Значит, ты признаешь необходимость огня.

Удар, удар, удар.

– Я уже сказал.

– Необходимое зло. Не очень-то лестно ты отзываешься обо мне.

Он поднял голову.

– Тебе нужна лесть?

– Я хочу, чтобы ты признал ценность тепла. И Огнекровных.

Удары прекратились. Он встретился со мной взглядом.

– Я и признаю. Лучшее оружие куют на Огненных Островах. Здесь, у нас, ничто не может сравниться с красотой мечей Огнекровных.

У меня внутри как будто что-то оборвалось. Я не знала, что сказать, и поэтому просто кивнула.

– Он остыл. Пошли назад в угли, – сказал он, и мы повторили все этапы – сначала горн, затем меха в ожидании нужного цвета, и снова наковальня, где над металлом трудился Аркус.

– Мне надо попробовать научиться нагревать металл, – задумчиво сказала я.

– Нет, не сейчас, – ответил Аркус, глядя на меня. – Только когда научишься контролировать свою силу. Мне не хочется даже думать, что ты можешь сделать в кузнице, где столько огня и тепла.

– Твоя вера в меня вдохновляет, – сказала я, закатив глаза.

– Если говорить о твоей непоколебимой уверенности, – сказал он, прищурившись, осматривая клинок, – то ты и не знала, как велика твоя сила, пока брат Тисл не начал обучать тебя. Ты не росла с другими Огнекровными. Расскажи, что ты знаешь о своем даре и о своем народе.

– В основном только то, что рассказывала мне бабушка. Она много ездила, знала историю и приносила мне книги, среди них и те, что были написаны учеными Огненной Крови. Таких в ваших библиотеках нет.

– Как раз наоборот, некоторые из них есть в аббатстве. Но, в целом, ты права. И можно считать, что ты ответила на следующий вопрос: как ты научилась читать.

– Да, мама и бабушка учили меня. Но только бабушка заставляла меня учить новые слова, учить наизусть отрывки из прозы и стихи, расширять кругозор.

Он опустил молот и пристально посмотрел на меня, я неловко поерзала.

– Не смотри на меня так, – потребовала я.

– Как? – спросил он, кивнув в очаг. – Нагрей еще раз.

Я снова держала клинок над углями. Шальная искра приземлилась на его руку и зашипела, мгновенно испарившись, но Аркус отскочил назад. Он втянул в себя воздух, весь дрожа, и отнял у меня щипцы, положив меч на наковальню, как будто ничего не случилось.

– Можешь идти, – холодно сказал он.

– Можно, да? Ну, спасибо, мой господин, – произнесла я с сарказмом. – Если что, я и так знаю, как ты относишься к огню, поэтому тебе не обязательно злиться из-за того, что я стала свидетелем одной из твоих слабостей. Они есть у всех.

Он обернулся, чтобы посмотреть на меня, его лицо было совершенно непроницаемым. Я напряглась, ожидая язвительного ответа, но он, что-то пробормотав, отвернулся.

Я вышла из кузницы и направилась на кухню, чтобы помочь брату Пилу приготовить обед, все еще озадаченная его прощальным замечанием. Должно быть, я ослышалась. Это звучало почти так, как если бы он сказал: *«Боюсь, что ты станешь одной из них»*.

На занятиях с братом Тислом я тренировала силу духа и мысли и стала намного лучше определять положение своих Ледокровных противников. Аркус иногда проверял этот навык, завязывая мне глаза и заставляя искать его. Он бесшумно двигался и перемещался вокруг меня, но я всегда знала, где он, чтобы коснуться его мечом. Но были и проблемы. С завязанными глазами я не могла определить, когда он шел в атаку, и поэтому не могла блокировать его удары. Во время одного из уроков он, наконец, позволил мне пользоваться огнем, поскольку был уверен, что сможет отразить любое нападение своим холодом.

После уроков, если погода была хорошая, мы усаживались под одним из фруктовых деревьев и перекусывали свежим хлебом, сыром и хрустящими яблоками от брата Пила. Тем временем я задавала Аркусу вопросы, на которые он каким-то образом все равно умудрялся не отвечать. Его детство оставалось загадкой. Он только немного рассказал о няне, которая на удивление была похожа на мою бабушку. Он охотно делился боевыми приёмами, но если я спрашивала, кто его учил этому и использовал ли он их в бою, он вдруг вспоминал, что обещал помочь сестре Клоув почистить конюшни, или что брат Тисл просил помочь ему расшифровать старые письма из какой-то древней книги в библиотеке. Не было более верного способа избавиться

от Аркуса, чем задать ему личный вопрос.

Я чувствовала, что между нами что-то изменилось, но я не знала, одна ли я испытывала такие чувства. Как только мы обсудили все вопросы, связанные с моими занятиями, нашлись и другие темы. Я стала с ним более откровенной и иногда рассказывала такие вещи, которыми никогда бы не подумала делиться, особенно с Ледокровными. Это были истории из моего детства, что я чувствовала, когда узнала, что умерла бабушка, и как винила себя в том, что она умерла в одиночестве в поездке, про тайную зависть к характеру матери и про глубокое желание найти свое место в этом мире.

Он ни разу не выразил сочувствия, которое я бы все равно отвергла, но он внимательно слушал и задавал вопросы, вытаскивая из меня мысли, которые иногда удивляли меня. И однажды я рассказала ему о том дне, когда пришли солдаты. Голос у меня перехватило, я забыла, с кем говорю, позволив себе опять окунуться в страх и ужас того дня. Когда я, вытерев глаза, взглянула на него, он смотрел на меня с такой глубокой яростью, что я отшатнулась назад.

– Теперь я знаю, почему ты нас так ненавидишь.

Я моргнула в замешательстве.

– Я не ненавижу тебя.

– Ну, может, тебе стоило бы.

Я пыталась быстро сообразить, что можно ответить, но все ответы казались неправильными – либо слишком обнажали, что я чувствовала, либо казались недостаточно искренними из-за сильных эмоций.

– Здесь я чувствую себя в безопасности, – наконец сказала я.

Он сглотнул и резко встал.

– В фехтовании ты достигла всего, на что способна. Теперь сосредоточься на занятиях с братом Тислом.

Смущенная, я обиженно смотрела, как он шагает прочь к конюшне. Я так старалась, думала, что совершенствуюсь. А оказалось, что он считает иначе.

Собирая еду, чтобы вернуться к брату Пилу, я увидела, как Аркус верхом на своем коне Алебастре быстро скачет к лесу.

Теплым весенним днем, почти два месяца спустя после моего появления в аббатстве, я надела тренировочные штаны и тунику и направилась к каменистой площадке, где проходили наши занятия с братом Тислом. Сквозь землю уже пробивались тонкие травинки, упорно тянувшиеся к солнцу, а юго-западный ветер тихо шевелил ветви деревьев с набухшими почками. Воздух пах сырой землей, со двора пивоварни доносился запах дрожжей.

– Этот прием называется «хвост дракона», – сказал брат Тисл.

Опираясь на трость, он выставил вперед левую ногу и свободной рукой начал производить быстрые движения вперед-назад, будто взмахивая невидимым хлыстом. В воздухе образовалась плотная ледяная воронка, узкий конец которой треснул, ударившись о землю, которую тут же схватило инеем.

– Я видел, как мастер Огненной Крови использовал этот прием в битве на равнинах Арис, – сказал он.

Я выставила ногу вперед и стала вращать запястьем. Из моей руки выскочила искра и упала на землю, тут же погаснув. Я выругалась и попробовала еще раз. На этот раз мне удалось сформировать тонкий язык пламени, которое метнулось к земле и, свернувшись кольцом, потухло.

– Только вчера ты с легкостью метала огненные стрелы, – сказал он слегка разочарованным тоном.

– Я знаю. Просто... каждый раз получается по-разному.

Я не знала, почему так происходит. Иногда мне удавалось быстро сосредоточиться, разум был

ясным, и мой дар подчинялся каждой команде. А иногда я чувствовала себя рассеянной, и было неважно, стараюсь я или работаю спустя рукава. Казалось, что на меня давит какой-то груз, а сердце будто сковал холод.

– Я чувствую в тебе столько мощи, Руби, – сказал он с надеждой и отчаянием. – Что тебя останавливает?

Я вдруг вспомнила маму. Я часто вспоминала о ней, вспоминала ее спокойствие и практичность, с какой она смотрела на мир, как медленно она вздыхала, когда сердилась, и как быстро прощала. Я видела ее ловкие руки, умело смешивавшиеся новые настойки и мази. Иногда, когда ее образ возникал в сознании, я чувствовала, как гаснут во мне искры.

– Думаю... это из-за воспитания. Моя мама ненавидела любое насилие. Она бы не хотела, чтобы я планировала убийство при помощи своего дара.

– Поэтому ты сопротивляешься? Потому что твоя мать не одобрила бы это?

– Дело не только в этом.

У меня всегда было такое чувство, будто что-то бурлит у меня под кожей. словно внутри меня котел с кипящей водой или вулкан, готовый к извержению. И всю жизнь я боролась с этими ощущениями. А Брат Тисл хотел, чтобы я выпустила их на свободу.

– Меня учили скрывать мой дар, – объяснила я. – Никогда не пользоваться им. Если я выходила из себя, контролировать его было сложно. Моя мама называла это даром, но... – Я пожалала плечами, глядя на землю. – Она понимала, как это опасно. И так оно и было. Однажды я так разозлилась, что чуть не сожгла нашу хижину. – Я смущенно посмотрела на монаха. – Огнекровные не должны жить в домах из дерева и тростника.

Позади нас раздался низкий смешок. Я обернулась. Неслышно, как тень, к нам приблизился Аркус.

– Значит, если твоя сила зависит от того, насколько ты зла, – сказал Аркус, шагнув вперед, – может, нам удастся разозлить тебя.

– Что? – спросила я, пульс участился от неуверенности.

Так случилось каждый раз, когда я видела его, начиная с того дня, когда мы в последний раз разговаривали под фруктовыми деревьями.

– И как ты это сделаешь?

– Ну, я помню, что тебе не нравится, когда тебя бросают в реку или пруд. Мы могли бы начать с этого.

Я скрестила руки.

– Это также ослабляет мою силу.

Он задумался.

– Тогда, может, воспользуемся более мягким вариантом.

Он высоко поднял руку и стал махать ей в воздухе, образуя круги. Капельки воды в воздухе превращались в крошечные льдинки, которые падали на меня, как тогда, когда он пришел ко мне в камеру. Коснувшись лица, они быстро таяли, превращаясь в пар.

Я стиснула зубы.

Затем ондохнул холодом мне в лицо – ресницы покрылись инеем. Сердце мое забилося быстрее, дыхание участилось. Я потеряла глаза, расплавив кристаллы инея на ресницах, и впиалась в него взглядом.

– Достаточно, – прорычала я, чувствуя, как внутри меня разгорается огонь.

Он щелкнул пальцами у моих ног, и я внезапно оказался на гладком льду. Подошва у моих ботинок была мягкой, и я не устояла. Поскользнувшись, я опустилась на одно колено.

– Я сказала, достаточно! – заорала я, направив поток горячего воздуха на лед, чтобы растопить его. – В следующий раз это будешь ты!

– Меня так легко сжечь не получится, – ответил Аркус, мрачно наблюдая за происходящим.

– Хотелось бы попробовать, – сказала я сквозь стиснутые зубы, распространяя волны жара.

Он кивнул.

– Тогда сожги меня, моя бушующая преисподняя.

Сначала я швырнула в него вихрем горячего воздуха, чтобы немного подпалить его мантию. Но он шевельнул пальцем, и горячий воздух вернулся ко мне, подгоняемый холодным ветром.

Я выставила вперед руку, концентрируя тепло вокруг сердца. Пламя вырвалось из моей ладони, но его тут же проглотил сгусток холода.

Я протянула к нему обе руки и создала стену из огня – она была самой большой из всех, которые когда-либо мне удавались. И тут же навстречу ей двинулась стена льда. Направив еще один огненный вихрь ко льду, я попыталась растопить его. Но ничего не вышло – Аркус швырнул мне под ноги холодный вихрь, и я споткнулась.

Я поняла, что брат Тисл сдерживал себя, позволяя мне проявить свою силу, когда мы устраивали спарринги. Аркус же не давал мне никакой поблажки.

Успокоившись, я изменила положение и метнула несколько огненных стрел в него под разными углами. С головокружительной скоростью он увернулся от всех. Они с шумом врезались в прохладную землю и исчезли.

Мы кружили друг против друга.

– Тебя тренируют уже несколько недель, и это все, на что ты способна? – насмеялся он.

Я глубоко вздохнула, его насмешки задели меня за живое. Именно этого я боялась, именно к этому не была готова. Обида сменилась волной гнева. Кровь вскипела, и на этот раз я не пыталась сдерживать себя.

Брат Тисл, который молча наблюдал, вышел вперед.

– Не думаю, что стоит продолжать.

– Она не причинит мне вреда, – сказал Аркус. – Она никому не способна причинить боль. Никому, включая короля.

– Осторожно, – предупредила я, понизив голос.

Он направил спираль холода мне в шею. Я отмахнулась.

Мои огненные стрелы он встретил осколками льда. Я отбила их ногами, растопив прежде, чем они слились в монолит.

– Лучше, – сказал он, – перестань сдерживаться.

Мы обменивались ударами, увеличивая их скорость и интенсивность. Он отбил все мои атаки, и я взбесилась. Я швырнула в него огненный вихрь, который мог бы сжечь многих врагов, но Аркус с лёгкостью увернулся.

– Сосредоточься! – закричал он. – Отпусти себя, Огнекровная!

Но я не могла. Внутри меня все еще был барьер, преодолеть который я была не в силах.

– Не сможет она этого сделать, – сказал Аркус брату Тислу, который застыл, напряженный, как тетива, на краю тренировочной площадки. – Она упадет к ногам короля и попросит о пощаде.

– Нет! – крикнула я, направив в него бушующую волну огня, которую он погасил ответной стеной льда.

– Ты боишься своей силы, – презрительно сказал он ледяным тоном. – Слишком боишься причинить боль. Бедняжка, ты такая слабая.

Внутри меня вспыхнула ярость, вскинулась на дыбы, как тигр, которого часто били. После нападения на деревню я испытала столько чувств – обиду и страх, гнев и горе. Теперь я

светилась белым жаром. Вращая рукой, я сформировала хвост дракона. Толстый столб огня острием выстрелил ему в грудь.

Аркус поднял руку и создал щит из льда. Мне показалось, что он слегка пошатнулся, но пламя зашипело, превратившись в безобидное облако пара.

Он покачал головой, и внезапно я увидела, что он дрожит от ярости. Он повернулся к брату Тислу.

– Она никогда не будет готова. Мы уже потерпели неудачу.

– У нас еще есть время, – ответил монах.

– Недостаточно, – Аркус рассек рукой воздух и повернулся, чтобы уйти.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Как бы я ни старалась, он всегда будет лучше. Вся власть – у него! У меня ничего нет.

Он – Ледокровный!

И, как все Ледокровные на этой земле, он был моим хозяином. От ярости я забыла все – свои успехи и достижения и то, что считала его союзником, – исчезло все. Осталась только боль, от которой вспыхнуло сердце, извергнув ненависть, как огонь извергает дым.

Я взмахнула рукой, целясь ему в спину. Но вместо этого пламя вспыхнуло на капюшоне.

Аркус вскрикнул и упал на колени.

Ошеломленная, на какой-то момент я перестала дышать, а брат Тисл бросился вперед. Я не могла поверить, что ударила его. Даже в безрассудной ярости, я стремилась просто поджечь край рясы, который он бы мгновенно потушил. Так легко он парировал каждую атаку. Он казался неуязвимым.

Спотыкаясь, я кинулась к ним. Пламя исчезло, сожженный капюшон дымился у него под руками. Он стоял на коленях, тяжело дыша и дрожа.

– Отойди, – прошипел Аркус.

– Прости меня, – прошептала я. – Прости, прости. Я не целилась специально...

– Конечно, – сказал он, снимая то, что осталось от дымящегося капюшона, и бросая на землю. – Ты же никогда не целишься. Даже после всех уроков, когда тебя учили контролю, ты все ещё дикая.

Его голос дрожал от боли. Мой гнев и жар угли, на их место пришло обугленное дочернее сожаление.

– Это несправедливо, – сказала я с мольбой в голосе. – Ты специально подстрекал меня. И я не думала, что смогу причинить тебе боль. У тебя есть холод и лед для защиты.

Он медленно встал и обернулся. Лицо его было полностью открыто.

О, боже... его лицо.

Я невольно отступила.

– Ну как? Похоже на то, что я неуязвим? – спросил он, резко и отчетливо произнося каждое слово. – Разве я выгляжу так, будто мне не может быть больно?

Я покачала головой, кожа похолодела от шока.

– Как, ты думаешь, выглядят солдаты? – спросил он. – Те самые, которых ты опалила?

Я открыла рот, но не смогла произнести ни слова. Не могла я такого сделать – не могла!

– При всех твоих разговорах об исцелении, – сказал он, безжалостно произнося каждое слово, – ты – самый опасный человек из всех, которых я когда-либо встречал. Если бы я не нуждался в тебе так сильно, то дал бы тебе сдохнуть в той тюрьме.

Его глаза впились в меня с холодной ненавистью. Я отшатнулась.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и направился к аббатству, оставив меня с тошнотворным чувством боли, раскаяния и угрызениями совести.

Глава 12

Всю ночь я проворочалась. Всякий раз, закрывая глаза, я видела лицо Аркуса, когда он снял капюшон: смесь сильной боли и кипящей ненависти.

Теперь я знала, почему он всегда ходит в капюшоне. Его лицо было сильно обожжено. Ухо и щека с правой стороны были изуродованы, кожа бугрилась, как растаявший и застывший воск. Шрам от ожога прятался в волосах, слегка поседевших вокруг него. Шрам, расщеливший губу, изгибался влево. Изуродовано было почти все лицо.

Внезапно до меня дошел смысл его угроз, когда мы впервые встретились, его нерешительность, когда он пытался войти в горящее аббатство. Он был в ужасе от огня, и этому была причина.

И я обожгла его.

Да, его слова были суровыми, но он просто пытался заставить меня выпустить свой дар на волю, раскрыть способности. Я сама была виновата в том, что вышла из себя, что не могла сопротивляться ему или другим Ледокровным, истребляющим мой народ на равнинах. И я сорвалась. Я обожгла его там, где у него уже были ожоги.

Я поняла, что мои чувства к Аркусу изменились с момента моего появления в аббатстве. Сначала он был просто ещё одним Ледокровным. Но он не использовал свой дар, чтобы причинить мне боль. Он использовал его только, чтобы помочь мне научиться владеть собой, сделать сильнее. Несмотря на его холодное поведение, его нападки, я стала уважать его, даже прониклась к нему симпатией. С ним я ощущала себя более живой, чем с кем-либо еще.

Я не понимала, как это произошло. Он все время грозился разгромить меня, называл слабым и стыдил за недостаток мастерства. Но, несмотря на все это, я видела в нем и того человека, к которому мне хотелось приблизиться, если только он перестанет на меня злиться.

– Глупая девчонка, – прокляла я себя.

Хуже всего было то, что он мог подумать, что мой немой шок при виде его лица был вызван отвращением или ужасом.

Конечно, я *была* в ужасе, но не по другим причинам. Я была потрясена тем, как много он пережил, что его лицо было изуродовано навсегда, постоянно напоминая ему о том, от чего он никогда не сможет убежать. Мне стало тошно оттого, что я лишний раз напомнила ему обо всем этом.

Наступил рассвет. Оранжевые лучи восходящего солнца скользнули с рук на глаза. Я потеряла их и пошла умываться гораздо медленнее, чем обычно.

Я чувствовала слабость из-за бессонной ночи, да и лодыжка пульсировала болью. Брат Гамут предложил мне свой лечебный чай, но я отказалась. Мне казалось, что сейчас я не заслуживаю облегчения. Вместо этого я пробиралась по аббатству как призрак, молчаливый и холодный. Сестра Пастель увидела меня, когда я проходила мимо библиотеки, и махнула рукой. Я помахала в ответ, но не смогла заставить себя улыбнуться.

Увидев брата Тисла в церкви, я остановилась. Он стоял на коленях, склонив голову, губы шевелились в молчаливой молитве. Закончив молиться, он с обожанием посмотрел на изображение Темпуса на витраже, поднялся, опираясь на трость, и пошел по центральному проходу, постукивая ею и отбрасывая облачка холода.

– Брат Тисл, – сказала я, заставив его остановиться.

– Мисс Отрера, – отозвался он коротко.

Я скрестила руки.

– Я знаю, что вы, должно быть, сердитесь на меня. Я тоже в ярости от себя самой. Но, пожалуйста, поверьте, я не хотела причинить ему боль. Я даже не знала, что смогу.

Он вздохнул.

– Не думаю, что это было намеренно. Однако это было...

– Это было неконтролируемо, опасно и... ужасно. Я знаю. Простите. Я просто хочу сказать это Аркусу. И что я расстроилась не из-за его шрамов, а из-за его слов. Пожалуйста, брат Тисл. Вы можете сказать, где он?

– Он уехал рано утром. Был еще один набег на деревню, на этот раз в Тристуотере.

– Это всего лишь день или два пути на восток, да? – спросила я с тревогой.

Он кивнул.

– Аркус хотел выяснить, почему там были солдаты.

– Думаете, они знают, что я рядом?

– У нас нет причин так думать. Аркус вернется через несколько дней и расскажет.

Мое сердце упало.

– Ох.

Его пронизательные голубые глаза смягчились.

– Если тебе станет легче, я думаю, что вы не причинили ему физической боли. Ледокровных с таким сильным даром, как у него, сжечь почти так же трудно, как и Огнекровных.

– Но он был ранен, – прошептала я.

– Да. Но не вами. Он сильный. Он обладает сильным даром. Просто то, что ты сделала, напомнило ему о худшем моменте его жизни, который до сих пор преследует его во снах.

Я закрыла глаза от сожаления.

– Что с ним произошло?

– Я не могу говорить об этом. Аркус сам расскажет, если захочет.

– Пожалуйста, скажите, чем я могу помочь?

Он спокойно смотрел на меня.

– Делайте то, о чем мы вас просим. Учитесь контролировать свой дар. Выполните свою задачу.

– Выполню. И всему научусь.

Возможно, Аркус и не простит меня, но я могу снова заслужить уважение брата Тисла. Я полностью сосредоточусь на занятиях. Я научусь контролировать и себя, и свой дар и буду выкладываться на каждом уроке.

Потому что, если солдаты так близко, время мое заканчивается.

Аркус вернулся через три дня, и эти дни тянулись бесконечно. Как только я услышала, что он вернулся, то тут же покинула кухню, где помогала брату Пилу готовить обед, и пошла к нему. Я старалась не обращать внимания на горячие удары сердца, когда спешила по грунтовой дороге к гостевым домам, говоря себе, что я только хочу извиниться.

Аркус жил в скромном гостевом доме, стоявшем отдельно от главного здания. Я давно задавалась вопросом, что он делает в аббатстве. Сначала я думала, что его наняли, чтобы помочь мне убить короля. Но кто его нанял? Зная, с каким тщанием брат Тисл вел свои конторские книги, я догадывалась, что у аббатства нет денег. Да и монах относился к нему скорее как к сыну, чем как к наемнику.

Я постучала в дверь и услышала краткое «Войдите» в ответ.

Аркус сидел за маленьким деревянным столом, перед ним лежала открытая книга. Мягкий свет свечи падал на его серую туннику, наполовину прикрытую новым черным плащом с капюшоном, закрывавшим его лицо.

Его комната была больше, чем лазарет, где спала я, а обстановка отражала наклонности жильца. Одну из стен полностью закрывал гобелен с изображением леса, пронизанного солнечными лучами. Несколько музыкальных инструментов. Один угол был занят книгами. У

стены стоял стол, за которым сидел Аркус, и два стула. У другой – кровать, застеленная синим одеялом. На маленькой тумбе рядом с кроватью горела лампа.

Я первой нарушила молчание.

– Твоя комната лучше моей. Вот уж точно некоторым злодеям везет больше, чем другим.

Он наклонил голову.

– Должен тебе сказать, что извинения мне нравятся еще меньше, чем благодарность.

Я постаралась проглотить комок в горле.

– Я разозлилась на тебя, но я, правда, целилась в край туники. Ты так легко отразил все мои атаки. Мне и в голову не пришло, что я могу причинить тебе боль.

Он молчал, и я сказала:

– Прости меня. Даже если тебе не хочется слышать это. Мне было плохо от того, что я сделала.

Он кивнул.

– И я злилась, что ты ушел. Я даже не смогла объясниться, – я подошла ближе. – Мне бы хотелось посмотреть в твои глаза.

Он горько усмехнулся.

– Но тогда тебе придется увидеть и остальное, – низкий насмешливый тон смягчал боль в голосе. – А я предпочел бы больше никогда не видеть это выражение ужаса. Никогда в жизни.

Он произнес это таким тоном, будто ему было не все равно, что я о нем думаю. Я шагнула вперед, выдвинула стул и села за стол напротив него.

– Это был не тот ужас, про который думаешь. Это...

– Я знаю, как выглядит шок и отвращение, – тон его был тверд и непреклонен.

– Шок, да, – я покачала головой. – Но не отвращение, нет. Я не знала, что случилось с тобой, и я почувствовала...

– Жалость, – сказал он.

– Сожаление. Я пришла в ужас от того, что я могу сделать нечто подобное. Все, что ты говорил, – правда. Я опасна. Для себя. Для других. Моя бабушка говорила мне, что когда-нибудь я буду спасать людей благодаря своему дару. Но я никого не смогла спасти. Ни себя, ни маму.

– Ты еще можешь спасти людей.

– Убив короля, – сказала я, тяжело моргая. – И ты думаешь, я смогу?

Некоторое время мы сидели молча. Я уставилась на свои руки, сложенные на коленях.

– Послушай, Руби, – он наклонился вперед, и я встретила с ним взглядом. – Я точно знаю, что сейчас ты стала намного сильнее, чем когда пришла сюда. Брат Тисл думает, что ты не просто еще одна Огнекровная с дурным характером.

Я слабо улыбнулась в ответ на его попытку поддразнить меня.

Масляная лампа тускло горела, заставляя тени плясать по комнате.

– Почему ты здесь? – спросила я, уставившись на его угрюмо сжатые губы, и пожалела, что не вижу его глаз.

– Брат Тисл, – ответил он. – Он подобрал меня, когда мне больше некуда было идти.

– Что случилось с твоим домом?

Он покачал головой.

– Ничего. Я ушел.

Я ждала большего, но он ничего не сказал.

– Ты сражался на войне?

– Меня готовили, но я никогда не сражался.

В его голосе прозвучало нечто, что говорило о сожалении или позоре, возможно, горечь.

– Тебя обожгло на пожаре?

Его губы сжались.

– Хотела спросить: «Где тебя так изуродовали?»

– Ты же сам ничего не рассказываешь, поэтому приходится выпрашивать.

– Не стоит любопытствовать. Все равно это не твое дело.

Мои руки сжались в кулаки, и спокойствие улетучилось, как туман. Всегда одно и то же. Как только я подбиралась ближе, он отталкивал меня с силой, мощнее порывов северного ветра. Никто другой не заставлял меня чувствовать себя такой живой и никто не мог рассердить меня так, как он.

– Конечно, это не мое дело, – горячо сказала я. – Кто ты, почему ты здесь. Почему тебя так заботит король и его трон. Я должна просто отправиться на смерть, не зная, почему ты меня послал.

Он так резко поднялся, что стул накренился и упал на пол.

– Думаешь, я хочу, чтобы ты умерла? – его грудь поднималась и опускалась очень быстро. – Что я с радостью пошлю тебя на смерть?

Я почувствовала покалывание на коже. Ни разу он не проявил таких эмоций. Но, как всегда, гнев его быстро утих. Я откинулась на спинку стула и положила ладони на стол.

– Да! И вот что я думаю. Ты назвал меня слабой, угрожал мне, унижал меня и заставил меня так разозлиться, что я потеряла контроль и чуть не навредила тебе. А в день моей смерти ты, вероятно, учредишь новый праздник. – Я вскинула руки вверх, тепло заливало мне лицо. – День смерти Огнекровной. Скатертью дорога, Руби!

Он подошел ко мне, дыша легким холодом.

– Ты так...

Я вздернула подбородок, встала из-за стола и подошла ближе.

– Безумна? Вспыльчива? Опасна? Я все это слышала раньше. Придумай что-нибудь новое.

– Плюс к этому, – сказал он, и голос его зазвенел, – ты еще и слепа. Некоторым приходится думать и о других. Ты же заботишься только о себе.

Глаза мне закрыло красной пеленой. Это заявление было настолько несправедливым. Никогда в жизни я не жила так, как хотела. В детстве мне не разрешали сердиться, чтобы я не потеряла контроль над теплом. Я поступила эгоистично лишь раз, опробовав свой дар, и была быстро и беспощадно наказана самым мучительным и страшным способом. Из-за меня пришли солдаты и убили единственного человека, которого я любила. Я потеряла свою мать и месяцы жизни из-за короля. Теперь я тренировалась с утра до ночи, чтобы выполнить задание, разработанное двумя Ледокровными, задание, которое, если увенчается успехом, принесет пользу королевству, но может стоить мне жизни. Все, что я делала, было вовсе не для моего блага.

Аркус и Брат Тисл не доверяли мне настолько, чтобы раскрыть свой план.

– Если бы это было правдой, – сказала я гудящим от гнева голосом, – я бы взяла лошадь и уехала. Я бы поехала к океану, пробралась на корабль и никогда больше не вернулась бы на эту проклятую землю. Может, я так и сделаю!

Я повернулась к двери, но он схватил меня за плечо.

– Не сделаешь. А знаешь, почему? Ты хочешь убить короля больше всех. Вот почему ты вернулась.

Я обернулась и посмотрела на него, моя рука зудела от желания снять с него капюшон, чтобы увидеть его полностью.

Он был совершенно неподвижен, словно статуя, вырезанная из льда. Я открыла рот и закрыла его.

– Хочешь что-то сказать? – спросил он. – Скажи.

– Ты был там ночью, когда умерла моя мама? – спросила я напряженным голосом. – Ты был одним из солдат?

Подозрения давно роились в моей голове, но спросить об этом я осмелилась только сейчас, сильно расстроившись.

Его рука сжала мое плечо, лицо было всего в нескольких сантиметрах от моего.

– Ты хочешь это услышать? Чтобы ненавидеть меня еще сильнее?

Он опустил руку и сделал шаг назад, снимая плащ, под которым была тонкая туника.

– Можешь убить меня прямо сейчас, если тебе так хочется, – сказал он мягким и глубоким голосом. – Если хочешь, чтобы я страдал. Может, тебя развеселит, если ты поймешь, что я чувствую боль. Может, тебе станет легче, если я исчезну.

Я тяжело дышала, сердце пульсировало кипящим жаром.

– Ты был там? – спросила я тихо.

Сжав челюсти, он помолчал и, наконец, ответил:

– Нет, но ты ведь веришь только в то, во что хочешь. Зачем ты вообще сюда пришла?

Гнев угасал. Я покачала головой.

– Попросить прощения и... потому, что я хочу знать, кто ты.

Аркус издал длинный вдох.

– Правда, Руби, в том, что неважно, кто я, если ты проиграешь. Если я завтра умру, мир останется прежним – таким, как сейчас.

Он подошел ближе.

– Все зависит от тебя. Если ты потерпишь неудачу, для этого королевства не останется даже надежды. Ты понимаешь, что я имею виду.

Его рука поднялась, и замерла в воздухе, в сантиметре от моей щеки, как будто он не мог заставить себя прикоснуться ко мне.

– Мир останется прежним, – повторила я с горечью его слова. – Ты говоришь, что не нуждаешься в жалости, и теперь я знаю почему. У тебя её уже и так полно для себя любимого.

Его рука упала. Он отступил.

Я шагнула вперед, сжав кулаки от внезапной ярости от того, что его так легко оттолкнуть.

– Мне не все равно, если ты умрешь, глупый ты козел. Я буду скучать по тебе. Как скучала, когда ты ушел на несколько дней, и я не знала, где ты и когда вернешься.

Голос сорвался, меня накрыло волной гнева, боли и тоски. Я не могла помочь себе. Но на каком-то уровне я чувствовала, что и он одинок, как и я, и, может, ему не обязательно быть одному. Может, и *мне* не обязательно.

Я стояла достаточно близко, и тепло моего тела смешивалось с его холодом. Он пах мылом, соснами и дымом, и чем-то заманчивым, чем мог пахнуть только он.

Спонтанно я подняла руку к краю его капюшона. Когда я медленно потянула его назад, его

рука поднялась и схватила меня за запястье. Я замерла.

Его губы были слегка приоткрыты, дыхание было прохладным. Иногда я задумывалась, каково это – прижаться своими губами к его. Я спрашивала себя, будет ли больно или холодно, или наши губы просто сольются, как горячий и холодный воздух смешиваются в летнем бризе.

Я подняла указательный палец и прикоснулась к его губам. Он втянул воздух, но не отпрянул. Его губы были холодными, но не слишком. Я провела пальцем по верхней губе со шрамом и по гладкой нижней.

– Перестань, – прошептал он тяжело, почти болезненно. – Остановись.

На меня снова дохнуло холодом. Казалось, будто меня ударили, и по телу прошла боль.

Я опустила руку и обхватила себя, чтоб скрыть дрожь. В тени под капюшоном я пыталась найти хоть какой-то след эмоций, но он был холоден и неподвижен. Ледяная статуя была охвачена горячим ветром, но не оттаяла даже по краям.

– Грязная Огнекровная демонстрирует свои чувства, – съязвила я, пытаясь скрыть боль и горечь, судорожно сжавшуюся у меня в животе. – Придется тебе просить у Форса очищения.

Его губы сжались, но он ничего не сказал.

– Не волнуйся. Я скоро уйду, и ты сможешь вздохнуть спокойно.

Я повернулась и распахнула дверь, торопясь уйти прежде, чем разрыдаюсь. Едва я вышла в звездную ночь, как слезы горячим потоком хлынули из глаз и, скатываясь по щекам, с шипением падали на холодную землю.

Глава 13

Над аббатством сомкнулись облака, накрыв его бесконечно долгим проливным дождем. По молчаливому согласию мы с Аркусом избегали друг друга в течение следующих нескольких дней. Мне посчастливилось увидеть его лишь раз, через окно, когда он шел из конюшни в гостевой дом. С унынием в сердце я поняла, что он, вероятно, смутился, а, может, и обиделся, хотя сомневалась, что он мог расстроиться так же, как я после своей выходки. Я совершенно неправильно поняла его и выставила себя дурой, ведь он, по всей видимости, не испытывал ко мне тех же чувств.

Чтобы отвлечься от позора, я стала размышлять о том, что так ничего и не знаю о своем задании. Наконец, однажды вечером я решила, что больше не потерплю секретов.

Проверив трапезную, где обычно ели монахи, я нашла брата Тисла в доме для собраний. Он сидел, склонившись над своим столом, в большой квадратной комнате с двумя колоннами, поддерживающими сводчатый каменный потолок. Посредине комнаты стоял длинный общий стол и мягкие, обитые бархатом стулья. Вдоль облицованных камнем стен под высокими арочными окнами тянулись деревянные скамьи. Лучи солнца освещали выцветшие золотые листья, изображенные на колоннах. Эта комната сохранилась лучше, чем остальная часть разрушающегося аббатства, потому что ее использовали для проведения собраний, здесь старшие монахи встречали священников из Ордена Форса.

– Я должна была догадаться, что вы, как обычно, мучаетесь со своими расчетами, – сказала я, и моя тень слилась с тенью колонны, к которой я прислонилась.

Его рука скользнула по страницам, словно прикрывая слова.

– Руби, я не заметил вас.

– Зовете меня по имени. Должно быть, все совсем плохо. Уже пора продавать серебро?

Он откашлялся и встал.

– Пожалуй, скоро придется, но пока подождем.

– Как вы различаете цифры в такой темноте?

Я подошла к столу и зажгла свечу кончиком пальцев. Взгляд упал на черную книгу с золотыми буквами. *Боги и люди*.

– Я читала эту книгу пару дней назад.

Благодаря дождю у меня появилось столь редкое свободное время, и я проводила его в библиотеке. Я прочитала вслух строки на открытой странице.

– Свирепый восточный ветер будет дуть в тот день, когда родится дитя тьмы – дитя, которое откроет Врата света. И поскольку Набу решил, что во всем должен быть баланс, западный ветер будет дуть, когда родится дитя света – дитя, которое будет сражаться с тьмой и уничтожит ее навсегда.

– Садитесь, Руби, – сказал он, указывая на скамейку. – Вы слышали о пророчествах Дру?

Я присела на скамейку и подумала, что ответить. Я слышала, но многого не знала. Моя мама ненавидела пророчества. И, если бабушка вскользь упоминала об этом, мама сразу проявляла нетипичную для нее вспыльчивость и говорила, что не хочет об этом даже слышать, чтобы не забивать мою голову глупостями.

– При всем моем уважении, – наконец сказала я, – пророчества, как правило, бессмысленны. Сказки, созданные самопровозглашенными провидцами, чтобы заработать пару монет.

– Может быть. Но Дру была другой. Ее пророчества были рассказаны ее последователям около двух тысяч лет назад в ее доме на Серых островах в Коралловом море. И они, как известно, сбываются. Некоторые из них описаны в этой книге, – он указал на свой стол. – Некоторые – в других. Я много лет посвятил исследованиям, искал подсказки, исключая ложные или искаженные записи, находил утерянные документы. Поэтому позвольте мне вас заверить, что я пришел к таким выводам не просто так.

Моя нога отбивала ритм по каменному полу.

– Не томите меня. Что вы узнали?

– Вы слышали о боге Эвресе?

– Хитрый и умный бог восточного ветра, который завидовал Форсу и Сюд из-за того, что они создали Ледокровных и Огнекровных, и рассердился, когда его сестра Циррус запечатала его Минаксов под землей.

Брат Тисл кивнул.

– В книге говорится, что Эврус отомстил за это проклятием, и только мощный дар Огненной крови когда-нибудь избавит королевство от него.

– Что за проклятие? – спросила я.

Хотя я не верила в мифы и легенды, мне хотелось услышать подробности, мне нравилось слушать увлекательные истории.

– Если вы читали эту книгу, возможно, вы знаете о тронах Темпезии и Сюдезии.

– Да, один был создан Форсом – «трон сделан из льда, что дарует великую силу». А Сюд создала трон из охлажденной расплавленной породы. Дайте подумать... «все ещё светящийся прожилками лавы».

Я несколько раз прочитала эту часть, зачарованная мыслями об огненном троне.

– Это не просто сказка, Руби. Многие люди в Темпезии все еще верят, что трон Ледяного Короля был создан Форсом, чтобы помочь побеждать в войнах. Они считают, что это дает ему огромную власть, еще больше укрепляя его и без того сильную родословную.

– Вы говорите о мифах.

– Для меня и моего ордена, эти так называемые мифы так же реальны, как то, что ты сидишь передо мной. Несмотря ни на что, в некоторых из прочитанных мной записей говорится, что Эврус испортил оба трона, прокляв семьи, которые их занимали со времён древних войн между Огнекровными и Ледокровными.

– Непрерывная линия правления не кажется мне проклятием.

– Пока ты не узнаешь, что все правители погибли при трагических обстоятельствах после весьма недолгого правления.

Я пожала плечами.

– Трагически погибли и короли, и крестьяне.

– Речь не только об этом. Правители часто сходили с ума, слышали голоса, совершали ужасные поступки. Король Ульрик утопил своего первого внука. Королева Эклин убила мужа в приступе гнева. Король Аскабар уничтожил целую провинцию, потому что барон оскорбил его любовницу, и это привело к гражданской войне. Есть очень много историй о безумных и странных смертях. Их так много, что обо всех и не рассказать.

– Ужасные истории, – сказала я, потирая мурашки на руках.

– Думаю, некоторые правители были достаточно сильны, чтобы противостоять проклятью, и тогда и Темпезия, и Сюдезия наслаждались относительным спокойствием. Но это им удавалось лишь потому, что проклятие дремало.

– И вы думаете, оно пробудилось?

– Да. После продолжительного затишья король Акур начал проявлять признаки того, что им овладела тьма. Спокойный король, который заботился о своих людях, вдруг отправил войска на южную границу и начал уничтожать Огнекровных. Когда Акур умер, его старший сын занял трон и попытался восстановить мир, но он правил только год, а потом его убили. И теперь второй сын Акура, Расмус правит с такой открытой ненавистью к миру и справедливости, что все королевство трепещет.

Я помолчала минуту, подумав.

– Но ведь это не означает проклятие. Люди часто делают ужасные вещи. Они принимают

решения, которые не имеют никакого смысла.

Брат Тисл указал на книгу.

– В тексте говорится, что свирепый восточный ветер будет дуть, когда родится дитя тьмы – дитя, которое откроет Врата света. Когда я был молод, над Сюдезией и Темпезией пронеслась ужасная буря, чудовищный ураган, который уничтожил поселки и города вдоль всего побережья. А вскоре Король Акур начал проявлять признаки безумия.

Мне понадобилась секунда, чтобы понять смысл его слов.

– Вы думаете, родился ребенок тьмы и проклятье пробудилось?

– Именно так. И примерно семнадцать лет назад такая же буря налетела с запада. И в книге говорится, что западный ветер будет дуть, когда родится дитя света, могущественный Огнекровный, который будет сражаться с тьмой и уничтожит ее навсегда.

Воздух в комнате пульсировал странной энергией.

– Значит, если вы верите в пророчества, вам следует искать это дитя света.

Он положил руки на колени и откинулся на спинку стула.

– Всю свою жизнь я именно этим и занимаюсь. И я думаю, что нашел ее.

Мне потребовался время, чтобы обрести голос.

– Я очень люблю вас, Брат Тисл. Но если вы намекаете на то, что дитя света – это я, то должна сказать вам откровенно: думаю, вы тронулись умом.

Он мягко улыбнулся.

– Я знаю, принять это будет очень трудно...

– Невозможно.

– Почему?

– Мои способности ненадежны. У меня скверный характер, и я причиняю людям боль. Скорее я – дитя тьмы, а не света.

Он плотнее завернулся в свою рясу.

– Не говорите так. Вы не такая.

– Думаю, мне пора спать, – сказала я, поднимаясь.

У меня не было сил, чтобы справиться еще и с этим. Поверить в то, что я последний человек Огненной крови в королевстве, было проще. Но мысль о том, что мне каким-то образом суждено спасти мир от проклятия бога, была слишком невероятна. Все, что я должна была сделать, – это убить короля, но и это казалось невозможным.

– Не убегайте от правды, Руби. Приближается летнее солнцестояние – время, когда сила ваша возрастет. У нас осталось мало времени... пришла пора рассказать, что именно мы от вас хотим.

Сердце стукнуло о ребра. Ладони стали влажными.

– Я все еще изучаю троны и их связь с правящими семьями, но я уверен в этом: сначала вам нужно уничтожить трон. Он защищает короля и дает ему власть. Если бы его можно было превзойти по силе, кто-нибудь уже давно собрал бы армию и сделал это.

Я подняла бровь.

– А захотят ли люди сражаться? Перед угрозой пыток и смерти, если они проиграют?

– Земля умирает. Люди умирают. Им нечего терять.

– Итак, вы говорите, что мне сначала нужно уничтожить трон, чтобы убить короля. Как?

Его светло-голубые глаза впились в мои.

– Вы должны призвать всю свою силу. Всю, Руби. Вы понимаете? Не может быть никаких оговорок. Вы должны направить весь свой жар на трон. Растопить его. Уничтожить.

Я кивнула.

– А если я окажусь недостаточно сильной?

– У вас нет выбора.

Страх сжал желудок. Все вдруг показалось таким сложным, но отчетливо реальным. Ибо все зависит от меня... это было невозможно представить. Я не была сильной. Я была неустойчивой. Недисциплинированной. У меня не было силы, не было контроля.

Я уставилась в окно. Закатное солнце оставляло пурпурные пятна, покидая небо. Я потеряла руки, попытавшись вытянуть тепло из моего сердца.

– А если мне удастся убить короля, не разрушив трон? – спросила я. – Что тогда?

– Другой правитель займет место короля – кто-то, кто будет сильнее трона и его темных желаний.

– А если нет?

– Проклятие продолжит действовать, и новый правитель станет таким же, как и нынешний.

Я скрестила руки и выдохнула.

– Вы говорите, что, если я не разрушу трон, королевство будет не лучше, чем сейчас.

– Скорее всего, да.

Я встала и начала расхаживать по комнате.

– Зачем вы это делаете? Зачем рисковать аббатством и... тратить время, чтобы тренировать меня? Что это значит для вас?

– Я считаю, что пришел на эту землю не просто так. Я не могу смотреть, как разрушается королевство. Даже ты, несмотря на то, через что тебе пришлось пройти, вряд ли полностью понимаешь, как велики страдания вокруг нас.

Я вернулась на скамейку и села. Уставившись на кристаллы льда под стулом брата Тисла, дрожа, я пыталась разобраться в своих чувствах – смеси надежды и страха. Когда холодная рука накрыла мою, я вскочила так резко, что ударилась головой об окно позади меня. Брат Тисл убрал руку, но я почувствовала его взгляд. Лицо его выражало отчаяние.

– До того, как я узнал тебя, мне было намного легче это планировать, – сказал он. – Ты была всего лишь инструментом, который можно было использовать как оружие по нашему выбору. В конце концов, ты бы все равно погибла. И если бы ты умерла, выполнив наш план, это было бы достойной жертвой. Но теперь... пожалуйста, поверь, мне очень тяжело. Ты добрая, смелая, упрямая, импульсивная, щедрая девочка. Я привык к тебе, и ты мне очень нравишься.

– Довольно большой список достоинств и пороков.

– Достоинств все же больше, – сказал он с грустной улыбкой. – Теперь мне гораздо сложнее отправить тебя навстречу опасности. И, поверь мне, Аркусу еще сложнее.

Я резко рассмеялась.

– Сомневаюсь.

– Ты не знаешь его так, как знаю я. Он не только одарен большой силой, но и очень хорошо умеет скрывать свои чувства. Я знаю его лучше, чем кто-либо. Чем больше он чувствует, тем более непробиваемым он кажется.

– В самом деле? И как он показывает, что он непробиваем? Полагаю, становится вспыльчивым?

– Руби...

– Что произойдет, когда трон уничтожат? – спросила я, не желая больше слышать об Аркусе и его чувствах.

– Я убежден, что, как только ты уничтожишь трон, будет уничтожено и проклятие. Тогда король может измениться.

– Как измениться?

– Он находится под действием проклятия много лет, но если уничтожить трон, король может стать самим собой и понять, как далеко он зашел.

– Или он будет в ярости из-за того, что я уничтожила источник его силы.

– Возможно. Но я надеюсь, что, уничтожив трон, ты его вылечишь.

– Вылечу? Его? Но планировалось, что убью его!

– Что ж, – сказал он, внимательно глядя на меня из-под белых бровей, – однажды я сказал тебе, что причина, по которой мы искали тебя, состояла в том, что твоя мать была целителем. У меня есть основания полагать, что тебе не нужно убивать короля. Ты могла бы спасти его.

Я говорила медленно и осторожно, изо всех сил пытаясь сдерживать себя.

– Я тренировалась больше двух месяцев, чтобы убить Ледяного Короля, и теперь вы предлагаете, чтобы я этого не делала?

Он развел руками.

– Я только предлагаю тебе другой путь.

– Я не хочу другого пути! Моя мать была добра ко всем, и они убили ее у меня на глазах! Можете вы это понять...

Слова замерли у меня на губах, горло перехватило. Я заговорила только когда успокоилась.

– Нет. Я собираюсь убить короля. Это моя цель. Это... всё, ради чего я живу.

– Это всё? Это действительно всё, что нужно тебе для жизни?

Мы надолго замолчали. Часть моего разума говорила мне, что я нашла друзей, я нашла людей, которые заботятся обо мне. В моей жизни появились другие чувства, кроме ненависти. Но другая часть говорила, что мира в моей душе не будет никогда. Я сжала руки на коленях, мой разум был в смятении. Брат Тисл наклонился вперед и откашлялся.

– Летнее солнцестояние всего через три недели, Руби. Вы скоро оставите нас, чтобы попытаться выполнить задачу без уверенности в успехе. Вам нужно решить, для чего вы сражаетесь. Кто вы на самом деле.

Ярость снова расцвела в моей груди ядовитым цветком. В груди и голове вскипал жар, накапливаясь, пока его не стало слишком много. Мне захотелось крикнуть и разнести все на мелкие кусочки.

– И вы говорите, что я *целитель*? – последнее слово я выплюнула. – После всего, что он со мной сделал, вы думаете... я должна попытаться исцелить его? Да я лучше убью себя.

Я подошла к двери и обнаружила, что путь перекрыт фигурой в капюшоне.

Аркус.

Мысль о том, что он прислушивался к разговору, молча соглашаясь с братом Тислом, заставила меня сжать кулаки. Я пошла прямо на него и задела его плечом, когда выскочила из комнаты.

Глава 14

Мое прерывистое дыхание заглушило все звуки, ноги тяжело ступали по земле. Мне ужасно захотелось снова обрести дом и забыть обо всем, что я здесь делаю. Они привезли меня сюда, чтобы использовать, и я согласилась, страстно желая умереть за них, потому что хотела мести. А теперь они хотят лишить меня и этого.

Солнце зашло, но оранжевые всполохи все еще горели в небе над лесом. Я мчалась к лесу, надеясь, что успокоюсь, вдохнув терпкие запахи сосен и влажной земли.

Звук, напоминающий раскат грома, сотряс воздух. Передо мной выросла стена льда, сбив меня с ног, выкручивая холодом лодыжку. От страха я закричала, оглядываясь по сторонам.

Возле аббатства стояла фигура в капюшоне. Аркус шел за мной.

Я повернулась и, прихрамывая, пошла к нему, остановившись в нескольких метрах. Отблески заката падали на нижнюю часть его лица, превращая его в медную маску с вмятинами и зазубринами на щеках и губе. Я вспомнила, что когда разговаривала с ним последний раз, кровь внутри меня кипела, словно в огонь подлили масла. Я коснулась его губ, положила свою любовь к его ногам, а он показал, как отвратительны ему мои прикосновения.

– Ты обещала не уходить, – сказал он, и мускулы его напряглись, готовые к борьбе.

Конечно, он подумал, что я снова сбегая. Я взмахнула рукой и хлопнула невидимым хлыстом. В воздухе пронесся огонь, пролившийся в нескольких сантиметрах от ног Аркуса в виде искр. Он даже не вздрогнул. Я снова подняла руку, на этот раз нацелившись ему в грудь.

Он был готов. Моя спираль расплавленного жара огня рассеялась от дыхания холода, превратившись в шипящий пар.

Сделав руками круг, я выпустила облако кипящего пара. Во время тренировок мне никак не удавался этот прием. Ветер подхватил облако и понес его к цели. Аркус поднял руки, но недостаточно быстро. Горячий воздух ударил его тараном, швырнув на землю. Он лежал на спине, без движения.

Я бросилась к нему, раздираемая противоречивыми чувствами. Я хотела причинить ему боль. И я хотела убедиться, что он невредим. Я хотела оставить его в грязи и убежать. И я хотела, чтобы он удержал меня.

Дрожа, я упала на колени и положила руку ему на грудь. Она поднималась и опускалась с каждым вдохом. На шее бился пульс. Мне захотелось прикоснуться к его щеке, к шрамам на лице, провести рукой по его волосам. Он застонал и открыл глаза.

Я облегченно вздохнула и взглянула в синь его глаз, но, не выдержав холода, отвернулась.

– Ты солгал мне, – сказала я.

– Когда я солгал? – спросил он.

Я пожала плечами.

– Возможно, не напрямую. Но ты позволил мне поверить, что моя задача – убить короля. Вот почему я все это делала. Думаешь, это было легко? Довериться двум Ледокровным, чтобы научиться управлять моим даром? Принять все это, сдерживать себя, контролировать, научиться успокаивать свой разум? Думаешь, это было легко?

– Нет. Думаю, нелегко.

Я отвернулась, чтобы он не видел боли, скрыть которую я не могла.

– Глупая, я думала, что добьюсь, чего хочу. Отомщу. А теперь я знаю, что все, что ты хотел, – чтобы я уничтожила трон. Ты знаешь, что думает брат Тисл? – Я фыркнула от отвращения. – Конечно, ты знаешь. Глупые, фантастические идеи. Я... я должна была сбежать посреди ночи и никогда не возвращаться. Я должна была отправиться в замок сама.

– Значит, ты хочешь умереть на арене, как и другие Огнекровные?

– А смерть, которую ты запланировал для меня, лучше? Если король убьет меня за уничтожение трона? И это при условии, что у меня хватит сил на трон. И при условии, что мы

сможем пройти мимо охранников замка. Ты, кстати, тоже будешь мертв, если нам это не удастся. Надеюсь, что награда, какой бы она ни была, стоит того.

Он медленно приподнялся на локтях.

– Если бы я мог позволить себе быть полным эгоистом, я бы не отпустил тебя к королю. Я бы схватил тебя в охапку и увез подальше отсюда, в безопасное место.

Мои ресницы затрепетали, по коже прошла волна приятного волнения. Пелена гнева перед глазами начала исчезать.

Я откинулась назад и обвила руками колени. *Я бы схватил тебя в охапку и увез подальше отсюда, в безопасное место.* Давно уже никто не пытался защитить меня. Часть меня жаждала свернуться в его объятиях и согреть его теплом так же, как его слова согревали меня. Но, когда я коснулась его в прошлый раз, он попросил меня остановиться.

Он перевел дыхание и, когда снова заговорил, его голос был ровным.

– Но я не могу думать только о себе. Ты знаешь, что происходит с моим народом. Ты знаешь, что случилось с тобой. Так больше не может продолжаться.

Я прижала ладони к земле и сосредоточенно смотрела вдаль.

– Почему я? Ты не веришь в пророчество. Ты сам сказал, что я просто еще одна вспыльчивая Огнекровная.

Он поднялся с земли и сел, опершись локтями о согнутые колени. Там, где не было шрамов, кожа его была гладкой и молодой, хотя по глазам было видно, как много он пережил, и поэтому казался старше.

– Разве есть ещё кто-нибудь, кроме тебя? – спросил он. – Еще один Огнекровный, кто сможет это сделать?

– А если я уничтожу трон? Когда все закончится, ты просто собираешься, – я махнула рукой, – исчезнуть? Раствориться в тумане?

– С того момента, как мы уйдем из аббатства, и до тех пор, пока не вернемся обратно, я буду защищать тебя даже ценой своей жизни.

Я посмотрела на Аркуса и вспомнила утверждение брата Тисла, что Ледокровные чувствуют намного больше, чем показывают. Биение моего сердца ослабло, и туман начал рассеиваться.

– А если я умру там? – спросила я. – Заберут ли мое тело? Или они просто повесят мою голову на столбе у ворот замка?

Он ударил кулаком по земле, оставив в ней вмятину.

– Ты должна верить, что сумеешь победить. Где твоя ярость? Твой огонь? Ты уже сдаешься?

– Я не сдаюсь! Но вы должны были рассказать мне все с самого начала, чтобы я знала, что меня ждет!

– Ты хочешь гарантий, – сказал он. – Гарантий, что все пройдет, как надо. Но ведь так не бывает, Руби.

Я пожала плечами. Он был прав. Уткнувшись носом в колени, я хотела стать невидимой.

– Пожалуйста, уходи, – пробормотала я. – Я хочу побыть одна.

Аркус тяжело вздохнул, но я не услышала, как он поднимается, чтобы уйти. Наконец, я подняла голову.

Он смотрел на дорогу, ведущую к аббатству с юга. У него был благородный профиль. Должно быть, он был очень красив до того, как его обожгли. По моей коже пробежали мурашки. Он и сейчас красив.

Я отвернулась. Я не хотела, чтобы у меня возникали такие мысли о нем, сейчас или когда-нибудь потом. Я дура, что позволяю им появляться. Он не виноват, что огонь в моей крови заставляет меня чувствовать то, чего не мог чувствовать он. Сейчас мне хотелось, чтобы моя кровь была немного прохладнее, больше похожа на его.

– Ты спрашивала меня, как я обжегся, – сказал он едва слышным шепотом. – Мастер Огненной крови пытался убить меня.

Я хотела остаться равнодушной, но мне это не удалось. В одно мгновение я поняла и первоначальный страх, и враждебность Аркуса ко мне. Я пригрозила обжечь его так сильно, что даже его любовница сбежит от него в ужасе. Впившись ногтями в ладони, я попыталась отогнать чувство вины.

– Он застал меня врасплох. Меня заманили в ловушку, где я оказался в одиночестве. Я был беспечным дураком. После всех тренировок с оружием и схваток я не успел нанести ни одного удара, очутился на земле, а горло сдавило так сильно, что я даже не мог кричать в агонии.

Мне потребовалось время, чтобы снова заговорить.

– Где ты жил?

– При дворе короля.

Моя голова дернулась, глаза расширились. В сумерках его силуэт казался выше.

– После смерти отца я взял его титул и обзавелся несколькими могущественными врагами. Людьюми, которые хотели избавиться от меня.

Мое сердце застучало в ушах от осознания того, что Аркус был титулованной особой.

– Почему?

Он слегка пожал широкими плечами.

– Я не оправдал их надежд. Они хотели, чтобы я был, как отец, а я был другим.

– И... ты думаешь, эти люди подослали к тебе убийцу?

Он кивнул.

– Я считаю, они полагали, что совершив убийство, они не просто избавятся от меня, но еще и разожгут ненависть к Огнекровным, потому что это выглядело как нападение.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Ты говорила, что я тебе ничего не рассказываю. Пытаюсь исправиться.

В груди у меня потеплело. Он, наконец, доверился мне.

– Зачем кому-то разжигать ненависть, когда её уже так много?

– В то время король планировал заключить мир с Огнекровными на южных равнинах. Но некоторые бароны претендовали на эти земли, независимо от того, кому они принадлежали. Убить или убрать с пути Огнекровных было им выгодно.

Меня затошнило.

– Это чудовищно.

– Да. Король тоже так думал.

– Так значит, он нас не ненавидел.

– У него были все основания. Его мать, как ты помнишь, была убита группой Огнекровных повстанцев. Но когда он был ребенком, его учили другим истинам. Огонь и лед раньше были союзниками. Давным-давно один из наших королей женился на королеве Огненной крови. Король Илайен и королева Розамунда. Слышала о них?

– Я думала, что это просто сказки моей бабушки.

В детстве я бы не за что не поверила, что Огнекровный может захотеть жить с Ледокровным.

– Это было очень давно, – сказал он. – Сотни лет назад. Никто не хочет вспоминать эти далекие мирные времена. Но король хотел вернуть мир. Он видел, что делал его отец, и считал, что тот был неправ. Он хотел изменить королевство. Но его убили, и трон занял

Расмус.

Я покачала головой.

– Ты знал их обоих?

– Я вырос в замке. Расмус не всегда был таким, как сейчас. Хотя он всегда был... неуравновешенным, но я убежден, что дело в троне.

– Значит, ты веришь в эти глупости про проклятие?

– Ну, вообще-то я в такое не верю. Но я читал книги и слышал доказательства брата Тисла, и теперь верю. Трон необходимо уничтожить, а короля можно исцелить.

В спине у меня снова возникло напряжение – *не убить короля, а исцелить его.*

– И почему брата Тисла это так заботит? Что такого сделал король, чтобы монах Ордена Форса отвернулся от него?

Аркус прочистил горло.

– Когда-то он был придворным Ледяного короля, воином, который сражался на равнинах Арис и был награжден. Когда он принял обет, король Акур назначил его официальным представителем ордена. Но, в конце концов, королю надоело спорить с братом Тислом из-за Огнекровных, и он отправил его в это аббатство, где брат Тисл посвятил себя изучению пророчества и обучению братьев и сестер. Он искренне верит, что человек Огненной Крови определит исход древнего соперничества между богами. И он еще больше утвердился в своей вере и божественном влиянии, когда здесь появился я.

– Как так?

– После нападения меня оставили умирать. Я чувствовал, как жизнь покидает меня. А потом... – Он махнул рукой в воздухе, и прохладный ветерок коснулся моего лица. – Это звучит странно. Но вдруг я увидел рядом с собой женщину с золотистыми волосами и янтарными глазами.

В голове у меня мелькнула мысль, что он описал женщину, которую видела и я, когда замерзала в лесу.

Аркус продолжил.

– Внезапно агония закончилась, и я оказался в аббатстве. Я не знаю, была ли она на самом деле, она ли привела меня сюда или я добрался сам... а её просто выдумал. Но ожоги стали заживать. Брат Гамут без устали лечил меня. На это ушло много месяцев.

Хотя его страдания привели меня в ужас, на душе потеплело, когда я подумала о нежных руках и добром сердце брата Гамута, а также о решимости брата Тисла и его обещании всегда помогать нуждающимся.

– Кто-нибудь здесь видел женщину? Она назвала тебе свое имя?

– Нет. Она сказала только одно.

Он замолчал.

– Что именно? – спросила я.

Вздохнув, он ответил.

– Она сказала, что ключом к миру станет девушка Огненной крови. Казалось, ей было очень больно просто произнести эти слова, как будто что-то душило ее. Я... я думаю, что это была Сейдж – та, которая наделена даром предвидения.

– Ты сказал, что не веришь в старые истории, – напомнила я ему.

– Я сказал, что не верю в пророчества. Я не верю, что все они сбываются. Я считаю, что у нас всегда есть выбор. Даже Сейдж не может сказать нам, что должно произойти. Она только предполагает, что может случиться. А иногда пророчества просто ошибочны.

– Вот почему ты забрал меня из тюрьмы.

– Это было частью плана.

Некоторое время я сидела молча, обдумывая его рассказ. Аркус не был наемником, он был изгнанным аристократом, который хотел исцелить короля, которого знал ещё ребенком. И его желание уничтожить трон и оставить в живых короля теперь обрело смысл.

Но это не значит, что я согласна с ним.

– Я не собиралась сбежать, – призналась я. – Просто была расстроена, и мне захотелось побыть одной. Я не собиралась нарушать свое обещание.

Я сменила позу и сдавленно охнула – моя лодыжка снова опухла и сильно болела.

– Тебе больно, – сказал Аркус, подходя ко мне. – Я отведу тебя к Брату Гамуту.

– Не надо!

Он не стал поднимать меня вверх. А подул на мою ногу, слегка заморозив лодыжку. Пульсирующая боль мгновенно ушла.

– Думаю, в тебе есть задатки лекаря, Аркус.

– Давай я отнесу тебя в лазарет, – сказал он, присаживаясь рядом со мной. – Я уже привык таскать вязанку трескучего хвороста.

От намёка на нежность в его тоне у меня слегка потеплело в груди, но я колебалась, борясь с гневом, горечью и чувством предательства. Он поделился со мной своим прошлым, хотя я и не надеялась на это. Но я не могла не чувствовать возникшую между нами близость.

Он подхватил меня на руки, стараясь не задеть лодыжку. На этот раз холод, который проникал из его тела в мое, меня не беспокоил.

– Проклятая лодыжка, – пробормотала я. – вечно доставляет хлопоты.

– Как и её хозяйка, – сыронизировал он.

Я открыла рот, чтобы парировать, но забыла все слова, когда почувствовала, как его губы мягко прижались к моему лбу.

Кожа вспыхнула жаром. Я сказала себе, что это ничего не значит. Это просто дружеский жест. Но удовольствие, которое я почувствовала, успокаивало меня так же хорошо, как и звук его шагов, и биение его сердца.

Он крепче прижал меня к груди, и я прикрыла свои внезапно отяжелевшие веки, пока он нёс меня назад в аббатство.

Глава 15

На следующее утро я отправилась в библиотеку, намереваясь погрузиться в мир пергаментов, красок и кистей. Сестра Пастель сказала, что я делаю успехи и, наверное, будет ждать меня.

Но вместо сестры Пастель я обнаружила сторбившуюся фигуру брата Лэка, который быстро писал что-то за одним из столов.

– Явились, чтобы устроить еще один пожар? – съязвил он, складывая лист бумаги и пряча его в карман рясы.

– Вы знаете, что не я его подожгла аббатство. Потому что это были вы.

Обвинение было рискованным, но подозрения у меня возникли еще в ночь пожара. Просто мне не хватало смелости произнести это вслух.

Мой риск окупился. Он испугался, и на его лице отразилось чувство вины.

– Как ты смеешь *подозревать* меня...

Увидев, что я ни капельки ему не верю, он вздрогнул и поднялся.

– Я просто хочу защитить мой орден, поскольку никто другой здесь не готов это сделать! Я видел, как смотрит на тебя воин Ледяной крови, как он тебе, Огнекровной, сочувствует. Это отвратительно. Ты вошла в его комнату, одна, а после, вчера вечером, я видел, как он нес тебя на руках, и этот глупый взгляд... *обожания* на его лице.

Дыхание мое участилось, ярость стала нарастать.

– Хотя это и не ваше дело, но я забочусь об Аркусе как о друге...

– И слушать не хочу твое вранье. Если бы ты действительно заботилась хоть о ком-то здесь, то давно бы ушла, избавив нас от своего опасного присутствия.

Я усмехнулась.

– Вы даже ничего не можете объяснить толком. Вы другой – не такой, как брат Тисл или Аркус, или брат Гамут. Вы предвзято ко мне относитесь из-за моего дара. Вы говорите, что опасна я, а ведь это ваши люди уничтожают нас.

– А что было раньше? Я жил на юге – там Огнекровные измывались над моим народом. И я не буду стоять здесь и слушать, как ты выворачиваешь все наизнанку, чтобы предстать жертвой. Прочь с дороги, – сказал он, задыхаясь от гнева.

– Нет, – я подошла ближе, чтобы перекрыть выход. – Что вы там строчили вместо того, чтобы быть на утренней молитве?

Я протянула руку и схватила письмо, торчавшее из кармана его рясы.

– Да как ты смеешь прикасаться ко мне своими грязными руками! – он поднял сжатую в кулак руку и двинулся на меня. Я уронила письмо и швырнула жаром в его руку, но как раз в этот момент он выбросил кулак вперед, попав мне по лицу. Я вылетела из комнаты и растянулась на полу в коридоре.

– Ты меня обожгла, – сказал он в шоке, держась за запястье. Лицо его покраснело. Он замахнулся ногой, намереваясь пнуть меня. Я успела сжаться в тугой комок, и тут же почувствовала, как острый носок сандалии врезался мне в спину.

Когда он занес ногу, чтобы пнуть меня еще раз, я схватила его за другую ногу и дернула на себя. Я использовала локти и колени, как показывал мне Аркус, когда учил ближнему бою, и наконец смогла повалить его на пол.

– Не заставляй меня применять полную силу, – сказала я, зажигая огонь на ладонях.

Глаза его округлились, когда он бросил взгляд на мои руки. Дрожа, он быстро поднялся с пола и убежал. Его сандалии стучали по каменному полу, когда он исчез за углом.

Несколько минут спустя я сидела на своей постели в лазарете, когда вошел Аркус. Глаза его мерцали, как выцветшие сапфиры. Он был в ярости.

– Он тебя ударил? – спросил он.

– Не сильно. Откуда ты знаешь?

– Сестра Агнес услышала шум и пришла ко мне за помощью.

Он упал на колени возле меня и осмотрел мою опухшую щеку, его ноздри раздувались от ярости. Я дрожала от приятной прохлады его близости. Он взял тряпицу, которой я пользовалась для обтираний, окунул ее в таз и подул на нее, чтобы охладить. Потом прижал её к опухшей щеке, и я вздохнула с облегчением.

– У брата Лэка было какое-то письмо, – сказала я ему. – Он не очень любезно отреагировал на мою попытку прочесть его. Мне кажется, он хочет сообщить в орден о том, что я здесь.

– Брат Тисл ищет его прямо сейчас, – ответил Аркус.

Он еще раз намочил салфетку и выжал её. Я взяла его за запястье, и он втянул в себя воздух. Я мгновенно отпустила его руку.

– Прости, – пробормотала я, сжимая руки на коленях. – Я обжигаю тебя, даже не желая того.

Он поднял руку с салфеткой и осторожно приложил ее к моей щеке.

– Да, твои прикосновения... в каком-то смысле обжигают. Но мне думается, что я не поранюсь, касаясь тебя.

Он глубоко вздохнул.

– Когда я стараюсь оставаться холодным, кажется, что тепло проникает прямо мне под кожу. Правда... После того, что произошло, стало немного легче.

Мне хотелось задать тысячу вопросов, но я не была уверена, что он ответит.

– Мои прикосновения опасны для тебя?

– Отчасти. Я привез тебя сюда, чтобы подготовить тебя к выполнению важной задачи, – сказал он, снова окуная салфетку в воду и прикладывая к щеке. – На тебе лежит огромная ответственность.

Я вздохнула, раздраженная напоминанием о важной задаче. Мне хотелось, чтобы для Аркуса я была самой важной – важнее всех тронов, которые я могла растопить.

– И теперь я задаюсь вопросом, имею ли я право отпустить тебя, – добавил он тихо.

Я всматривалась в его лицо, прикрытое капюшоном, думая, что я ослышалась. Воздух между нами был наполнен звенящей энергией, а его слова снова и снова звучали в моей голове.

– Но ведь это уже не имеет значения? Другого пути нет.

– Кто-то другой мог бы убить его, – сказал он, его голос был напряжен. – Я мог бы.

– И трон поработит следующего короля и следующего. Мы никогда не освободимся от его власти.

– Ты даже не представляешь себе, насколько ты права, – прошептал он, его пальцы прикоснулись к моей руке и сжали ее.

Рука у него была холодная, но я ощутила покалывание на коже, и мое сердце забилось сильнее. Мне не хотелось его обжигать, мне хотелось, чтобы он остался со мной.

– В чем дело, Аркус? – тихо спросила я. – У тебя так много секретов, поделись хотя бы парочкой.

С минуту он молчал, собираясь с силами.

– Подожди, – быстро добавила я, – Мне хочется видеть твои глаза, когда ты будешь говорить. Ты уже показал мне свое лицо.

– Я сделал это, чтобы напугать тебя, – сказал он, отстранившись. – Наказать тебя за то, что ты сделала. Но теперь я не хочу, чтобы ты меня боялась.

Я взглянула на него, на его напряженную позу, на сжатые челюсти.

– Я не боюсь твоих шрамов.

Он судорожно вздохнул, а я, наоборот, задержала дыхание в ожидании того, что он сделает. Он медленно поднял руки и, взявшись за край капюшона, опустил его. Теперь я видела его бездонные голубые глаза и изуродованную щеку. Мое сердце бешено стучало, эхом пульсируя в ушах. Он доверился мне. Позволил видеть его шрамы.

– Достаточно? – спросил он неуверенно.

Я кивнула, и он глубоко и с облегчением выдохнул.

– Ничто в тебе меня не пугает и не отталкивает, – я замолчала, и слова повисли в воздухе. – Но я понимаю, как ты себя чувствуешь.

Одна его рука вцепилась в одеяло на кровати, а другая рука сжимала мокрую салфетку, с которой тихо капала вода.

– Ты не представляешь себе, как твои слова действуют на меня, Огненная леди. Мне потребовались годы, чтобы создать эту ледяную броню. Ты ее растопишь, и я сломаюсь.

Он резко поднялся и стал ходить по комнате.

Я покачала головой.

– Как только я начинаю думать, что понимаю тебя, ты начинаешь говорить вещи, которые сбивают меня с толку. Сначала ты ненавидел меня, потом был добр ко мне. Потом ты вдруг говоришь, что желаешь мне смерти. А теперь боишься, что я сломаю тебя. Что все это значит?

Он остановился, а я перестала дышать, наполовину сожалея, что давила на него. Я сомневалась, что вынесу, если он снова оттолкнет меня.

– Я обещал поделиться секретом, – наконец произнес он, пламя свечей отражалось в его глазах. – И я не могу придумать способа лучше, чтобы сказать тебе это.

Он бросился ко мне, упал на колени и, взяв мое лицо руками, прижал свои губы к моим. Прикосновение к шраму на верхней губе было приятным. Его движения были робкими, но я почувствовала, как во мне нарастает острое желание, и я ответила на его поцелуй. Губы его были холоднее моих, но это меня не беспокоило. Должно быть, его температура тоже повысилась – ведь у меня внутри все горело.

Его руки скользнули по моей спине, прижимая меня к груди. Я обвила его шею руками, жадно запустив пальцы в волосы. Прижалась к нему еще сильнее. Его рука нырнула в копну моих волос, пальцами он перебирал растрепавшиеся пряди.

Он прервал поцелуй, чтобы прижаться губами к моему виску.

– Боги, как я мечтал прикоснуться к твоим волосам.

Его голос был низким, решительным и хриплым. И от этого голоса кожа моя вспыхнула огнем.

Наши глаза встретились, и я снова восхитилась множеству оттенков голубизны его глаз – здесь было и холодное зимнее утро, и вечер на берегу озера, свежий горный ручей и звезды на небе в конце лета.

– Я пугаю тебя? – спросил он резко, обхватив мои плечи. – Просто скажи мне, и я остановлюсь. Ты должна мне доверять, Руби, – никогда я не причиню тебе вреда.

– Я тебе доверяю, – вздохнула я, вновь притягивая его к себе.

Его щека скользнула по моей коже, слегка царапая её щетиной и шероховатыми шрамами. Я прижалась к ним щекой, чтобы еще раз почувствовать это. Издав тихий рык, он нашел мои губы и нежно коснулся их, словно пробуя меня на вкус.

Я с трудом верила в происходящее. Я мечтала об этом, но в реальности все оказалось намного лучше. Я и не думала, что его прикосновения заставят мое сердце прыгать от радости и желания. Мне хотелось показать ему, что я тоже хочу его.

Я страстно желала прикоснуться к его лицу, к каждому шраму, который он скрывал. Почему-

то они казались завораживающими, соблазняющими. Мне хотелось касаться их руками, утолить боль, убрать их одним касанием, если бы это было возможно. Я рискнула и провела рукой по его щеке, и он позволил мне это. Когда кончики моих пальцев приблизились к его изуродованному уху, он схватил меня за запястье.

- Клянусь Форсом, - выдохнул он, подрагивая. - Боги испытывают мою силу воли.

- И мою, - согласилась я, широко улыбаясь. - Но мы оба знаем, что этого совершенно недостаточно. Целую вечность я ждала, когда ты поцелуешь меня.

Он усмехнулся, а затем вздохнул, закрыв глаза и прижав свой лоб к моему.

- Я не должен был этого делать, - сказал он мягко.

- Ты должен был сделать это намного раньше, - поправила я.

Он улыбнулся. Я потянулась к нему за еще одним поцелуем, но дверь внезапно распахнулась, и вошел брат Тисл. Его рука, державшая трость, дрожала. Аркус отпрянул от меня.

- Брат Лэк ушел, - сказал брат Тисл. - Он заставил конюха оседлать одну из лошадей, и тот слышал, как брат Лэк бормотал угрозы. Что-то о Грейуотере...

- Гарнизон, - сказал Аркус.

Ужас охватил меня.

- Он писал письмо кому-то в библиотеке. Сказал, что больше не позволит мне развращать аббатство.

Брат Тисл повернулся к Аркусу.

- Тебе нужно найти его. Не думал я, что дойдет до этого. Но он фанатик и пойдет на что угодно ради защиты ордена.

Аркус взглянул на меня. На лице его промелькнула боль.

- Прости, - сказал он тихим голосом и вышел из комнаты.

Брат Тисл глубоко вздохнул, вокруг его ног хаотичным вихрем кружился иней. И хотя он смотрел в мою сторону, у меня было чувство, что его разум был где-то далеко отсюда.

- Этого не должно было случиться. Все наши тщательно разработанные планы...

Его глаза мерцали. Наконец он как будто вспомнил обо мне.

- У тебя синяк на лице. Больно?

Я вздохнула. Сейчас я не чувствовала даже синяков. Я хотела бежать за Аркусом и узнать, что происходит. Но я понимала, что моя лодыжка не позволит мне уйти далеко.

- Похоже, я уже привыкла.

- Я пришлю брата Гамута с чаем, - сказал Брат Тисл, поворачиваясь к двери. - Оставайся здесь.

Прошло довольно много времени, и я решила выйти, чтобы узнать, что происходит. В аббатстве было необычно тихо. Наконец я нашла брата Тисла в здании капитула. Опираясь на трость, он смотрел в окно.

- Есть новости? - спросила я.

Он покачал головой. Он был бледен, и на его старом лице, казалось, прибавилось морщин. Мы сели вместе, время тянулось бесконечно долго.

Солнце клонилось к закату, теплый вечер нагревал скамью у окна. По небу проплыло облако, закрыв солнце и заставив меня вздрогнуть.

Вдруг брат Тисл выпрямился, нахмурившись. Он наклонился вперед.

- Что это там? Кажется, лошадь, - он взволнованно постучал палкой по полу. - Ох, хвала

Темпусу, Аркус вернулся.

Хотя мне было жаль внезапно прерывать наш разговор, я выглянула из окна в надежде увидеть Аркуса. Вдали, по серой дороге, в направлении аббатства, двигалось темное пятно, колыхаясь среди подернутых дымкой деревьев. По мере приближения пятно разделилось на две, затем на три фигуры, затем их стало еще больше.

– Там не один всадник, брат Тисл, – я кожей ощутила тревогу, покрывшись мурашками. – Вы ждете гостей?

Он наклонился лицом к стеклу, всматриваясь в далёкие фигуры.

– Какого цвета у них одежда, дитя? – спросил он с неожиданной дрожью в голосе.

– Трудно разобрать, – покачала я головой, щурясь.

Когда всадники приблизились, рука брата Тисла прижалась к сердцу.

– О, Темпус, нет...

Под ярким закатным солнцем всадников стало хорошо видно. Синие туники с белой стрелой на груди.

Метка Ледяного Короля.

Мое сердце бешено заколотилось. Время на мгновение остановилось, а затем рванулось вперед.

Брат Тисл выругался себе под нос и вытащил из складок своего одеяния ключ.

– Отдай это сестре Пастель, – сказал он, вложив его в мою ладонь. – Она покажет тебе подземные туннели, ведущие в лес. Только старшие члены ордена знают, где выход из туннелей.

– Я не собираюсь скрываться, – возразила я, хотя мой голос дрожал.

Я была напугана, напугана даже больше, чем в тюрьме Блэк Крик. Но нужно было защитить моих друзей, и это перевешивало страх.

Он положил руку на мое плечо и на удивление сильно подтолкнул меня к выходу.

– Не время упрямиться, – сказал он с такой жесткостью в голосе, которой я никогда от него не слышала. – Если они найдут тебя здесь, неизвестно, что они сделают со всеми нами.

До меня, наконец, дошло, что может произойти. Оставшись, чтобы схватиться с солдатами, я могла причинить больше вреда, чем пользы. Нет, нельзя рисковать монахами и Аркусом, чтобы доказать всем, что я уже не та испуганная девушка из деревни. Но прятаться в темном углу, пока они будут драться с солдатами без меня, тоже казалось неправильным.

Брат Тисл был весьма решителен – он схватил меня за плечи и как следует встряхнул.

– Иди же! – крикнул он.

Кинув на него последний горький взгляд, я подчинилась.

Глава 16

Пока другие монахи готовились предстать перед солдатами с открытыми невинными лицами, сестра Пастель вела меня по крутым каменным ступенькам в недра аббатства. В склепах и на полках покоились кости и аккуратно сложенные грудные клетки, покрытые толстым слоем пыли. Я зажала рот, чтобы не вдыхать ужасный запах гниющих костей и сухожилий, витавший в воздухе.

Не успели мы спуститься, как у нас над головой раздалось бряцание стали и стук сапог.

– Ни звука, дитя, – прошептала она.

Мне не нужно было напоминать. Тишина в заполненных костями катакомбах была такой, что любой звук казался взрывом.

– Что же будет с другими? – тихо спросила я.

Сестра Пастель покачала головой.

– Если Темпус будет благосклонен, солдаты ничего не найдут и просто уйдут.

Ничего – значило меня.

– Сюда, – прошептала она, уводя меня от входа.

Стены катакомб были вырезаны в скалистой почве. Потолки были такими низкими, что даже я без конца задевала о них головой.

Через каждые несколько метров в стенах были устроены ниши, служившие последним пристанищем для кучки пыльных костей. Я не сводила глаз с факела. Вид останков тревожил меня, как будто я могла разбудить их звуком своих шагов.

Мы шли, и потолок опускался все ниже, костей больше не попадалось, был только темный кривой туннель, ведущий в небытие.

– Я не могу идти дальше, – сказала сестра Пастель, тяжело дыша из-за того, что ей пришлось сильно согнуться. – Если солдаты ищут тебя, они в конце концов обязательно найдут катакомбы. Ты должна дойти до конца и найти выход. Он скрыт в пещере, среди кучи камней, которые выглядят как естественный обвал у подножия холма. Оттуда иди на запад. Там есть тропа, ведущая в гору, и множество пещер, где можно спрятаться. Мы придем за тобой, как только все успокоится.

Когда я впервые приехала в аббатство, мне хотелось сбежать отсюда. А сейчас я привыкла к безопасности и уюту этого места. Мне хотелось по утрам тренироваться с братом Тислом, помогать сестре Клоув в конюшне и собирать травы для брата Пила. Мне нравилось сидеть в библиотеке с сестрой Пастель, когда полуденное солнце ласково освещает тонкий пергамент, заставляя его сиять. Мне хотелось, чтобы брат Гамут приносил мне вечером чай, чтобы я согрелась, пока мы будем обсуждать события дня.

И Аркус...

Вдруг его схватили солдаты? Вдруг я больше никогда его не увижу?

Но надо собраться. Горько-сладкая смесь благодарности и печали сдавила мне горло. Я протянула руки к испуганной сестре Пастель и быстро обняла ее.

– Спасибо вам за все, чему вы меня научили, – сказала я.

– Не нужно, дитя, – она похлопала меня по плечу. – Мы скоро увидимся снова. И тогда, я, может быть, позволю тебе поработать с разными цветами на бумаге.

– Это было бы замечательно. Пожалуйста, будьте осторожны.

– Буду. Теперь иди. Факел тебе не нужен, свод будет становиться все ниже. Впереди только один узкий проход, и там будет светлее, иди на свет – он приведет тебя к выходу.

Она была права, факел мне только мешал бы. Вскоре мне пришлось опуститься на колени и ползти по узкому черному проходу.

Казалось, что я уже несколько часов продираюсь сквозь безмолвие и пыль. Камни впивались в колени, штаны порвались. Из-за долгого пути опять заныла лодыжка. Я попыталась забыть о боли и сосредоточилась на том, что расстояние между мной и солдатами увеличивается сантиметр за сантиметром.

Туннель начал подниматься вверх, расширяясь. Сердце оживо.

Еще несколько изгибов и поворотов, и я увидела зернистый тусклый свет, прорезавшийся из-за стены. Повернув еще раз, я оказалась перед камнем, отвалившимся от скалы и перекрывшим выход из туннеля.

Мой выход.

Я карабкалась по камням, предвкушая глоток чистого лесного воздуха, но вдруг моя туника зацепилась об один из острых камней. Я хмыкнула и дернула, чтобы вытащить её. Раздался легкий треск, как будто туника разошлась по шву.

В ликовании я подтянулась кверху, чтобы вылезти из затхлого туннеля.

Но что-то остановило меня. В голове что-то щелкнуло. Мелькнуло чувство тревоги.

Я замерла, услышав даже не запах – намек на него – пот и лошадь.

Я поползла назад, чтобы спрятаться в прохладной темноте туннеля, но из ниоткуда появилась чья-то рука и, схватив меня за запястье, потащила вверх по камням.

Поднявшись на ноги, я резко откинула голову назад. Тот, кого я ударила головой в нос или подбородок, удивленно заворчал. Я ударила ещё раз, но уже ногой, и, услышав ругательства, поняла, что попала по голени, и тут же получила два удара тяжелым кулаком – сначала в плечо, затем в грудь. Упав, я ударилась о влажную землю.

– Грязная Огнекровная, – произнес мужской голос.

Снаружи в пещеру проникал свет. Меня окружили четверо солдат в синих туниках с белой стрелой на груди.

Сосредоточься. Найди огонь.

Зубами я, должно быть, порезала щеку. Металлический привкус крови на языке помог мне сосредоточиться. Я сглотнула и закрыла глаза, позволив давлению в груди нарастать, чтобы отправить волну огня.

– О, нет, не получится! – меня придавило к земле сапогом. – Лейте на нее воду!

Холодная вода выплеснулась на меня со всех сторон, я не была к этому готова и потеряла концентрацию. Вода текла по шее, смешиваясь с грязью под моими руками. Я закрыла глаза в ярости от того, что мое тепло сдалось так легко.

– Это она, капитан? – спросил один из солдат.

– Она, – произнес другой голос. – Монах хорошо её описал. Огнекровная девушка со жгуче-черными волосами, совсем как та, что сбежала из тюрьмы.

Я приподнялась вверх на локтях. Плотная сбитая фигура закрыла солнечный свет, проникающий из входа в пещеру.

– Я долго искал тебя, огненная дрянь, – мягко сказал он.

Я моргнула и ясно увидела его. Тупой нос, острые скулы и подбородок с бородой. Лицо, которое я заставляла себя вспоминать снова и снова с тех пор, как меня привезли в королевскую тюрьму. Тот, кого я воображала раненым, сожженным, напрасно умоляющим меня о милосердии.

Это был капитан, убивший мою мать.

– Последний раз, когда я тебя видел, ты лежала на полу в тюрьме Блэк Крик, мокрая и наполовину мертвая. Интересно, как ты сбежала?

Я задрожала, воспоминания о той страшной ночи возвращались ко мне волнами. Я попыталась сосредоточиться на своем тепле, но страх и холод ослабили меня.

Солдаты приближаются, жители деревни отступают. Мама и я окружены пылающими факелами...

Паника охватила меня. Я подняла руку и ударила горячим воздухом в лицо солдату. Он успел прикрыться кожаным рукавом, но ткань задымилась и обуглилась. Он зарычал, и мне на голову снова полилась вода.

– Я не та, кого ты помнишь, – предупредила я, вытирая капли воды с губ. – Той ночью ты схватил испуганную девчонку. Но я больше не боюсь.

Это была ложь. Желудок скрутило в тугой узел, а грудь ныла от частых ударов сердца.

Я прижала руки к земле, пустив жар по неровному грунту пещеры. Некоторые мужчины вскрикнули и стали поднимать ноги в комическом танце – тонкие, изношенные подошвы сапог не спасали от жалящего жара. Но у капитана были сапоги на толстой кожаной подошве.

Его рот скривился в улыбке. Схватив меня за волосы, он потянул голову назад, заставив меня стонать от боли. Меня снова окатили водой, и я меня охватила дрожь.

– Ты, Огнекровная, думаешь, что ты такая сильная, но, чтобы победить тебя, нам нужно лишь немного холодной воды.

Я впиалась в него глазами.

– Я убью вас всех своим последним вздохом.

Его улыбка потускнела, но он быстро пришел в себя.

– Как бы мне ни хотелось задушить эту ядовитую гадину, но у нас есть приказ. Всех сильнейших Огнекровных передают непосредственно королю. Он хочет сам решать судьбу таких, как ты.

Каждым мускулом своего тела, каждым диким всплеском жара в моей душе я жаждала поджечь его и наблюдать, как он будет кричать и извиваться от боли.

Но потом я вспомнила слова Аркуса: *«Разве есть ещё кто-нибудь, кроме тебя? Другой Огнекровный, кто сможет это сделать?»*

Если есть хоть малейшая вероятность, что я смогу выполнить свою задачу, надо попробовать. Я не знала, где сейчас Аркус, вернулся ли он или сам попал в плен. Без него у меня не было доступа к замку. А солдаты тем временем отвезут меня прямо к королю. Надо просто дать им возможность схватить меня – лучшее, что можно сделать в данной ситуации.

Я сделала вид, что сдаюсь. Капитан раскачивался на каблуках и ухмылялся, глядя на мою дрожащую фигуру. Он был уверен, что я напугана и побеждена.

– Его Величество был сильно расстроен, когда узнал, что Огнекровная сбежала из тюрьмы, – сказал он. – Если бы я не нашел тебя до солнцестояния, мне пришлось бы нелегко.

– Жаль, что нашел, – ответила я, глядя ему в глаза.

– Через несколько дней в замке ты будешь жалеть о том, что мы не убили тебя здесь и сейчас, – наклонившись, прошептал он мне на ухо.

Глава 17

Спуск с горы был почти таким же мучительным, как и подъем. Мне скрутили руки и привязали к спине лошади, обернув в несколько слоев мокрой ткани, чтобы я не могла согреться.

Как только гора осталась позади, я почувствовала тоску по аббатству – почти такую же, как по нашей уютной хижине у деревни. Я все поворачивалась и поворачивалась, чтобы оглянуться назад, надеясь увидеть, как скачет в погоне за нами Аркус. Теперь, когда наши отношения изменились, он не позволит им увезти меня. Но прошло два дня, гора Уна превратилась в туманный призрак, и я начала терять надежду.

Мы двигались на север – земля здесь была бесплодной, и многие дома были пусты. Лишь несколько человек выглянуло из окон, когда мы проезжали мимо. У них был землистый цвет лица и впалые, обтянутые кожей щеки. И я задалась вопросом, как же они находили силы сажать и собирать урожай, в котором так отчаянно нуждались.

Через неделю мы достигли скалистых холмов у подножия горы Форс, изрезанных извилистыми тропками. Солнце клонилось к закату, когда на вершине горы замаячил королевский замок, зубчатые башни которого напоминали сталагмиты. Небо на западе было окрашено несколькими небрежными мазками в цвета расплавленного золота и алого пурпура. Одна сторона замка была ярко освещена закатом, лучи которого отражались и преломлялись об лед, и это было ослепительное зрелище.

– Разве это не прекрасно, огненная дрянь? – спросил капитан, подъехав ко мне.

Я стиснула челюсти.

– Да, если любишь лед.

На нижней части горы ещё можно было увидеть деревья и кустарники, растущие между скал. Но чем выше мы поднимались, тем меньше оставалось зелени. Сначала лед встречался лишь в углублениях и на небольших участках земли, но постепенно льда становилось все больше, как будто кто-то наносил его толстой кистью щедрыми широкими мазками. Вскоре меня начал бить озноб, но не только от холода, а еще и от чувства, будто меня поместили в пространство, со всех сторон окруженное огромными прозрачными льдинами – словно дорогу вырезали во льду исполинским ножом.

Мы повернули за угол, и от открывшейся картины я почувствовала себя муравьем – по обе стороны дороги выстроились в ряд огромные ледяные статуи. Это были Ледяные гиганты, о которых я читала в старых мифах, симметричные и совершенные, сделанные из льда и наделенные жизнью Форсом. Но в этих статуях жизни не было совсем. Ни движения, ни звука, ни дыхания. Когда мы проезжали мимо, я почувствовало покалывание в шее, словно они наблюдали за мной из темниц своего ледяного плена.

Мы приблизились к огромным железным воротам на вершине горы. Солдаты выстроились вдоль стены и держали луки наготове. Но страшилась я не стрел, направленных на меня, а снежно-белых волков с поднявшейся дыбом шерстью, которые стояли на краю парапета. Я слышала рассказы об этих опасных остромордых существах, выведенных специально для охоты на Огнекровных.

Один из волков вдруг резко поднял вверх морду, втягивая воздух черным носом, и повернулся ко мне. Он смотрел на меня ледяными глазами с расширившимися зрачками, в которых не было ничего, кроме голода, и затем принялся отчаянно лаять, как гончая собака. Услышав его, другие волки тоже начали обнюхивать воздух и завывали в ответ, выражая свою ярость, потому что я была слишком далеко, и они не могли кинуться и разорвать меня на части, насытившись горячей кровью.

Вой и лай привлек внимание охранников, и они подошли к воротам с поднятыми мечами.

– Кто вы? – спросил один из солдат в стальном шлеме.

Вся наша колонна остановилась, капитан выехал вперед.

– Капитан Дрейк, бывший командор гарнизона Блэк Крика. У нас есть Огнекровная для короля.

Охранник оглядел меня с неприкрытой ненавистью. Может, подумала я, он участвовал в

приграничных войнах и потерял много людей из-за Огнекровных. Я посмотрела на него с такой же враждебностью.

После тщательного досмотра охранник махнул рукой, пропуская нас на территорию замка. Мы пересекли каменный мост над широким рвом с плывущими по воде льдинами. Время от времени можно было увидеть чешуйчатый белый плавник. Я содрогнулась и стала смотреть вперед.

Мы въехали в широкий внутренний двор, заставленный ледяными статуями, спешили, и конюхи бросились к нам, чтобы забрать коней, но стараясь держаться подальше от меня. Когда мы пешком двинулись в сторону туннеля, ведущего к массивной двери, справа возникла суматоха.

– Убить Огнекровную! – раздался голос из толпы, наблюдавшей за нашим прибытием.

К нам кинулась женщина в простом выцветшем платье с диким взглядом и седой, покрытой платком головой. Ее изрезанное морщинами лицо выглядело как уродливая маска боли и злобы.

– Она убила моего Кэма, моего единственного сына!

Капитан шагнул вперед и осторожно остановил женщину, когда та попыталась сцапать меня своими длинными пальцами, как кошка мышь. Она перевела яростный взгляд на капитана.

– Как вы можете защищать убийцу? – закричала она.

– Я не убийца, – сказала я дрожащим голосом, взволнованная ее ненавистью.

Вероятно, ее сын погиб в битве, а я просто подвернулась под руку.

– Но ваш капитан – убийца.

Он ударил меня по лицу.

– Закрой свой рот, огненная дрянь.

Я прижала руку к пылающей щеке и сморгнула слезы, которые брызнули из глаз от боли.

Он повернулся к женщине и успокаивающе произнес:

– Она скоро умрет.

– Позволь мне уничтожить ее, – взмолилась она.

Увидев смесь ненависти и жажды мести в ее глазах, я вдруг поняла, что она напоминает мне меня саму, сошедшую с ума от горя. Это несколько привело меня в чувство.

– Король решит, как ее наказать, – ровно и убедительно произнес капитан. – Он обязательно накажет ее. Я обязательно накажу ее.

Она тяжело вздохнула несколько раз и, опустив плечи, бросила на меня последний враждебный взгляд.

– Желаю тебе медленной смерти, убийца! – сказала она достаточно громко, и эхо разнесло ее слова в воздухе. – Болезненной смерти.

Я спиной чувствовала ее взгляд, пока охранники вели меня по широким белым ступеням к массивной железной двери. Когда мы вошли внутрь, я запнулась и остановилась, сраженная грандиозностью этого места.

Внутри замок казался огромной ледяной пещерой. Тут и там по стенам стекал лед, покрывая пол и образуя гладкие колонны, которые выглядели как настоящий голубой мрамор. Потолок был холодно-голубого цвета с повторяющимся рисунком, но гладкой, как кожа жабы, поверхностью. Казалось, он излучал свет и, пропуская его через себя, создавал тысячи затейливых узоров на стенах. В центре потолок поднимался, образуя купол, с него свисала изящная люстра из переплетающихся между собой острых кристаллов сталактитов.

Кое-где под ледяным покровом проступали серые каменные стены. Видимо, изначально замок был построен из камня, а затем его расширили и укрыли льдом.

Внушительные размеры помещения, разнообразие и насыщенность синевы, изящество сталагмитов и сталактитов, которые сплетались друг с другом по углам, – все это произвело на меня сокрушительное впечатление, и у меня перехватило дыхание.

– Шевелись, – скомандовал капитан, толкая меня между лопаток.

Я споткнулась и сильно задрожала, руки и ноги заломило от холода, пока меня вели то по широким, то по узким коридорам из камня и льда к широкому сводчатому проходу.

Разноцветные камни на полу были сложены в замысловатый узор, образующий картины. Там были и птицы с ягодами в клювах, и лошади с развевающимися гривами, и снежно-белые волки, преследующие огненных лисиц, и фантастические существа, о которых я никогда не слышала, а еще боги, богини и простые смертные, разыгрывающие сценки из мифов, которые я раньше читала. Я так увлеклась разглядыванием картин, что не заметила, как мы остановились.

Оторвав взгляд от пола, примерно в двадцати шагах от себя я увидела огромный ледяной трон с высокой, чуть не до потолка, спинкой. От его основания по полу разбежался лед, а вверх по стенам, словно вены от сердца, тянулись чудовищные неуклюжие сосульки, торчащие частоколом, как заточенные мечи. У них были острые концы, но поверхность их была абсолютно гладкой, как будто кто-то старательно отшлифовал их, чтобы не осталось никаких зазубрин и неровностей. Все это ослепительно сияло в лучах заходящего солнца, лучи которого проникали через большое окно за троном.

Во льду струйками черного дыма змеились тени.

Это был не просто кусок льда. Это был созданный Форсом *трон*, внутри которого пульсировала темная сила.

Я почувствовала невыразимое волнение – вот он, этот трон. Если Брат Тисл прав, его уничтожение означало бы исцеление для королевства. Мой народ – те, кто еще остался в живых, могли бы вернуться в свои дома и перестать скрываться. Возможно, новый правитель создаст новый трон, который не будет проклят.

Но многое зависело от величественного мужчины, который сейчас восседал на троне. Его светлые волосы и бледную кожу, почти сливавшуюся цветом со льдом, оттеняла мантия темно-синего цвета. Глаза напоминали осколки отшлифованного оникса. Руки лежали на подлокотниках, на безымянном пальце руки сверкал большой сапфир.

Он был молод, намного моложе, чем я ожидала – старше меня всего на пару лет.

– Мы привезли вам Огнекровную, – сказал капитан, его низкий голос эхом прокатился по огромной комнате.

Казалось, какая-то невидимая сила овладела мной, как будто сам трон манил и отталкивал меня одновременно. Грубый толчок в спину заставил меня опуститься на колени, ладонями я глухо ударилась о холодный каменный пол.

Мельком я заметила нескольких человек возле короля, которые повернулись посмотреть на меня: высокий мужчина в красивой одежде справа от трона, молодая женщина в бархатном платье сливового цвета слева и еще несколько придворных, занятых разговорами.

Король взирал на нас с полнейшим равнодушием. Как будто я была частью инкрустации на полу – птицей с ягодой во рту или лисой, спасающейся от волка. Если бы не движение его глаз, я могла бы принять его за статую.

Изогнув светлую бровь, он произнес:

– Да это всего лишь какая-то тощая девка, – в голосе его явно слышалось презрение. – Вам было приказано привозить сильнейших.

Капитан кашлянул.

– Это та самая Огнекровная, которая сбежала из тюрьмы Блэк Крик. Она сожгла дюжину моих людей без особых усилий. Я не верю, что она слаба, Ваше Величество, – ему, казалось, было больно признать это.

– Где ты ее нашел? – спросил король.

– В аббатстве Форвинд на горе Уна. Мы не знаем, почему последователи Форса спрятали Огнекровную, но один из монахов остался верным Вашему Величеству и сообщил о ней в наш гарнизон. Мы допрашиваем настоятеля.

Горло мое сдавило от страха. Мысль о том, что брата Тисла пытаются, чтобы узнать обо мне, была невыносима. Я попыталась вскочить на ноги.

Прищурившись, король глянул на меня – по коже у меня побежали мурашки, а дыхание превратилось в пар. Одного взгляда короля было достаточно, чтобы наполовину заморозить меня. Я содрогнулась от его силы.

– Итак, ты переживаешь за монахов, – сказал он, задумчиво потирая подбородок. – Они, должно быть, были добры к тебе, а значит, они доброжелательные хозяева.

Слова вязли у меня на языке, когда я попыталась дать объяснение, которое могло бы его удовлетворить.

– Я назвалась беженкой. Они не знали, что я Огнекровная.

Капитан недоверчиво фыркнул.

– Монах по имени Лэк нам все рассказал. Они знали, и старый монах все равно исцелил тебя.

Старый монах. *Брат Гамут. Нет.*

Одно дело причинить боль мне, но этот добрый монах всю свою жизнь провел среди трав и растений и больше всего стремился овладеть мастерством лечения, как и моя мама. Кожа у меня начала нагреваться.

И я услышала голос брата Тисла в голове. *Хорошо. Теперь дайте гневу накопиться...*

Сконцентрировавшись на своем сердце, я вдруг с ужасом осознала, что чувствую только легкое тепло. Как будто весь мой жар вынули из тела, вылив ведро невидимой воды, превратив меня в холодное слабое существо. Мои глаза расширились, а горло сжалось.

Если я не смогу использовать свой дар, я уже проиграла – ведь только от него зависело уничтожение короля и трона.

– Что такое, Огнекровная? – спросил король, и глаза его превратились в темные точки, губы скривились. – Ты, наверное, немного замерзла.

Как только он произнес эти слова, мои конечности онемели. Я не могла сдвинуться с места – ноги до лодыжек сковало льдом. Сердце бешено билось, дыхание с трудом вырывалось из груди. Но когда я открыла рот, чтобы то ли молить о пощаде, то ли пригрозить, челюсть отяжелела, и я не смогла произнести ни слова. Слепая паника наполнила меня до краев. Целиком и полностью я зависела от милости короля.

– Ты привыкла к холоду – он на тебя почти не влияет, да? – он довольно улыбнулся, как сытый кот. – Но я не крестьянин. Свою силу я получаю от трона Форса. Он поглощает твой жар.

Холод добрался до талии и медленно поднимался к груди. Дыхание замедлилось, и все вокруг вдруг стало размытым. Так вот как король убивал Огнекровных. Словно сквозь туман я видела его улыбку, чувствовала его неприкрытое удовольствие от того, что он причинял мне боль.

Я пыталась выдавить слова из замороженного горла, перед глазами вспыхнули звезды.

Девушка в платье цвета сливы сделала шаг вперед. Она пристально посмотрела на меня своими фиалковыми глазами с густыми ресницами и повернулась к королю.

– Простите, Ваше Величество, – сказала она мягким мелодичным голосом, – но позвольте ей сразиться. Уже несколько недель мы не видели Огнекровных на арене. Может быть, этот бой поднимет дух ваших солдат, когда чемпион победит Огнекровную, и они вспомнят о наших великих победах. Прекрасное начало для летнего сезона игр.

В глазах короля мелькнуло раздражение, но взгляд девушки выражал терпение, любопытство и надежду. Её волосы пшеничного цвета, освещенные из окна за спиной, были заплетены в косу и уложены в элегантную прическу, которая очень шла ее тонким чертам. У меня возникло ощущение, что, если бы кто-то другой так обнаглел, то его заморозили бы на месте. Но над ее словами король, казалось, задумался.

– Моя арена для воинов и чемпионов, а она – никто, – ответил он. – Борьба – это привилегия, которую нужно заработать, продемонстрировав силу.

Он постучал пальцами по ледяному трону, сапфировое кольцо сверкнуло на свету. Тени во льду зашевелились.

– Надо ее испытать, – сказал чей-то голос, мучительно громко отозвавшись в моей голове звоном тысячи колоколов. Но, судя по всему, больше никто его не услышал. Голова короля слегка дернулась.

– Надо ее испытать, – повторил король.

Он поднял руку и небрежно махнул в мою сторону. Холод стремительно улетучился, я сгорбилась, будто из меня вынули позвоночник.

– Отведите ее к Гульзар. Если она выживет в логове у зверя, я, возможно, разрешу ей выступить на арене. Если нет, то, по крайней мере, у моего питомца будет горячая еда.

Капитан рассмеялся и низко поклонился, затем положил руку мне на шею и наклонил мою голову.

– Наш великодушный правитель только что пощадил тебя, огненная дрянь, – прошипел он мне на ухо. – Покажи, как ты благодарна.

Я уставилась на пол, крепко сжав рот. Во мне не было ни капли благодарности.

– Благодарю! – приказал он.

Единственное, чего мне хотелось больше всего на свете, – это швырнуть в капитана пламенем. Но мне все еще казалось, что мое тепло тихо вытекает из тела, капая на пол, словно кровь. Голова закружилась. Если я останусь здесь хоть чуточку дольше, то потеряю сознание. Король решит, что я слаба, и у меня не будет шанса проявить себя.

– Спасибо, – выдавила я сквозь зубы.

Меня резко дернули вверх и поволокли к выходу.

– В ней есть нечто особенное, – снова произнес голос, звеня тысячью колоколов. Я повернулась, чтобы посмотреть, кто говорит, но увидела только короля, глаза которого стали черными, как смола. Я отвернулась, но чувствовала, как он буравит мне спину взглядом, пока меня выводили из зала.

Глава 18

– У зверя длинные лапы, – сказал один из стражников, прижимая лицо к стальным прутьям над моей головой. – Лучше держаться подальше.

Меня швырнули в темное подземное помещение с каменными стенами. Одна стена была полностью покрыта льдом. Свет шел из единственного отверстия над головой, откуда, улыбаясь, на меня глазели придворные и стражники.

– От пасти тоже держаться подальше? – насмешливо спросила я, изо всех сил пытаюсь скрыть страх. – Или сделать реверанс и пригласить его отведать меня?

– Ты скорее подойдешь в качестве зубочистки, – сказал один стражник с широкой усмешкой.

Тепло, до которого я не могла добраться в тронном зале, поднялось на поверхность. Я подняла руку, создавая спираль из огня, чтобы поджарить его, как вдруг пол задрожал.

Затем послышался еще один звук, потише, но гораздо тревожней. Появились клубы холодного воздуха, словно их выдували из огромных кузнечных мехов.

Совсем рядом кто-то дышал, обнюхивая воздух, мягко ступая лапами.

Ужас обострил мои чувства. Я сгруппировалась и встала в позицию, как меня учил Брат Тисл. Я вспомнила, как он говорил, что борьба это – спокойствие и концентрация мысли. Я сделала несколько судорожных длинных вдохов.

Высоко на стене был крюк, с которого свисали длинные цепи. Я подбежала к ним и взобралась повыше, используя в качестве опоры стену. Мне удалось подняться на высоту нескольких метров. Я с облегчением выдохнула – здесь гораздо лучше, чем на полу.

И тут легкой тенью в туннеле за воротами появился зверь. Лохматое толстое тело, покрытое серой от грязи клочковатой шкурой, которая когда-то была белой. Тут и там причудливо торчат колтуны спутанной шерсти. Нос, не отрываясь от пола, вынюхивает добычу, спина выгнута дугой и почти достает до потолка. Мягко ступая огромными лапами, он оставлял за собой овальные следы сверкающего льда. Втянув носом воздух, зверь проследовал за невидимым запахом к тому месту, где только что стояла я, затем поднял свою огромную голову и посмотрел вокруг.

Не так уж и высоко я забралась. Даже потолок не спасет меня от этого чудища. Длинная лапа с когтями, острыми как лезвие бритвы, потянулась ко мне.

Над головой раздался грубый смешок.

– А я предупреждал тебя о лапах, – радостно сказал стражник.

– Заткнись, – прорычала я, оттолкнувшись ногами от стены, и полетела навстречу протянутой лапе зверя, держась за цепь. Это было все равно, что пинать валун. Я взвизгнула и упала на землю, постаравшись откатиться как можно дальше.

Зверь тяжело развернулся и двинулся ко мне, медленно, но целеустремленно, из его открытого рта вылетали клубы холода. Двигаться было некуда, негде было даже спрятаться хоть на мгновение, чтобы отдышаться и собраться с силами. Я попятилась к открытым воротам.

И вновь услышала голос стражника.

– Там ничего нет – ну, если только ты не мечтаешь превратиться в кучу костей.

Я ему поверила. Выхода не было.

Я окружила себя стеной из шипящего пламени. Зверь встал на задние лапы, его громкие вздохи смешивались с моим собственным неровным дыханием. Но на холодном каменном полу пламя быстро гасло. Мне надо вернуть контроль над собой и избавиться от этого дикого страха, иначе я погибну.

Образовав концентрические кольца жара вокруг сердца, я сосредоточилась, направляя тепло в руки, и швырнула спираль пламени в грудь зверю. Пламя растопило кусочки льда на шерсти животного, но не остановило его. Я бросила сноп искр ему в морду, стараясь попасть по носу.

Он взвыл от боли и несколько раз потрянул массивной головой, затем снова уставился на меня.

– Ты не хочешь меня есть, – тихо сказала я. – Я обожгу тебе желудок, тебе станет больно. Ты не хочешь меня.

Он наклонил свою гигантскую голову.

– Посмотри на меня – кожа да кости – есть нечего. Я застряну у тебя в горле костью, и ты задохнешься. Я обожгу тебе горло.

Он медленно двигался, останавливаясь каждый раз, когда я начинала говорить. Если я подберусь поближе к его берлоге, то, может, мне удастся загнать его туда и закрыть ворота. Я пошла к воротам, все время разговаривая, зверь медленно следовал за мной.

– Ну, это не смешно, – сказал один из стражников.

– Что бы придумать? – сказал другой. – Может, вылить на нее воду?

Сердце мое бешено колотилось. Не отрывая взгляда от зверя, я швырнула огненной стрелой вверх, в решетку.

Стражники вскрикнули.

– Ну, похоже, она не хочет развлекать нас. Пусть отдохнет. Утром ей станет лучше. Доброй ночи, огненная дрянь!

Я услышала скрип, и помещение стало погружаться в темноту. Стражник закрывал отверстие – единственный источник света.

– Нет, пожалуйста! – закричала я, всеми силами стараясь не показать охвативший меня ужас.

Приглушенный смех разнесся эхом под потолком. В комнате стало темно и тихо, лишь дыхание зверя слышалось в темноте.

Сердце мое заколотилось. Стало трудно дышать. Из горла вырвался крик, и я зажала рот рукой.

Стоп. Думай. Вспоминай, чему тебя учили.

Я перевела дух и попыталась найти покой в своем подсознании. Немного успокоившись, я вспомнила, что могло мне помочь: зверь был похож на Ледокровных. Я могла чувствовать его холод.

Часами я училась этому с повязкой на глазах. К тому же зверь не был таким бесшумным, как Аркус. В общем, у меня оставалось два чувства.

Тварь обнюхивала пол. Я слышала, как он фыркает, втягивает носом воздух, как стучат его когти о камень, как он приближается. Я почувствовала его холод, почувствовала холодное дыхание на лице, когда он открыл пасть.

Как только он приблизился, я нырнула вниз, прокатилась по полу и встала на ноги, прижавшись спиной к стене. Должно быть, это проход к его берлоге. Мне не хотелось попасть туда, и я отошла в сторону.

Снова фыркание, холодное дыхание.

Я бросилась вправо, почувствовав движение воздуха от прыгающей на меня твари, и ударила руками о стену. Холод – слева. Я двинулась вдоль стены вправо, скользя ладонями по камню. Замерла, все мои чувства были напряжены до предела, и я поняла, что фыркание прекратилось. Было тихо. Зверь не мог быть таким умным, чтобы сообразить, что я его слышу. Или мог?

Вихрь холода возник прямо передо мной. Я бросилась в сторону, но недостаточно быстро. Острый, как бритва, коготь порезал мне ногу, оставив глубокую рану на икре. Дыхание перехватило от боли, я продолжила отступать вправо. Зверь принялся и взревел, почуяв запах крови.

Я чувствовала, что он был в паре метров от меня, и он приближался. Я двигалась тихо, медленно, и он двигался вместе со мной. Я тихо злилась из-за крови, капающей с ноги. Теперь

зверь найдет меня, куда бы я ни двинулась.

Аркус говорил, что я всегда должна знать, что меня окружает, чтобы извлечь из этого пользу. Где эти проклятые цепи? Может, я смогу использовать их в качестве оружия, швырнув в глаза этой твари.

Пробираясь вдоль стены, я остановилась возле туннеля. Если я пропущу момент, когда зверь кинется ко мне, меня занесет именно туда, и я не смогу выбраться. Я колебалась, не зная, что делать.

Вдруг холод стал приближаться ко мне невероятно быстро. Я успела только сгруппироваться, как его зубы клацнули у меня за спиной, задев руку.

Не задумываясь, я вытянула вперед другую руку, разжигая в ней огонь, и ткнула ею прямо в пасть твари.

Что-то зашипело и хлопнуло, вокруг меня взорвалась холодная жидкость, как будто лопнул огромный мыльный пузырь. Щелкнули кости, тело чудовища обмякло и рухнуло на меня ужасающей волной холода. С минуту я не могла двинуться, опешившая от внезапности атаки и силы моей невольной реакции. Когда в голове у меня прояснилось, я выбралась из-под туши зверя, задыхаясь от холодной жидкости, пропитавшей мою одежду и струйками стекавшей по спине.

– Вытащите меня отсюда, вы, идиоты, – заорала я.

Чувство облегчения кружило мне голову, приведя в бездумное состояние.

– Я убила вашего зверя.

Засов скрипнул, и крышка поднялась, впуская лучи света.

– Ты еще жива, Зубочистка? – спросил один из стражников с недоверием.

– Вон, полюбуйтесь, – сказала я дрожащим голосом, кивнув на тело и щурясь от ударившего в глаза света.

Зрелище было отвратительным – клубящаяся куча обгоревшей дымящейся плоти. Но это было приятное зрелище.

– Ух ты! Будто тыква взорвалась, – радостно ответил он, указывая на темно-синюю кровь, стекающую со стены.

– О, Форс, она сделала это, – сказал другой стражник. – Ты сделала это, огненная дрянь. Но король не обрадуется тому, что ты убила его питомца.

Я перевела дух и уставилась на него.

– Я бы тоже не обрадовалась, оказавшись в его желудке.

Уголки губ стражника приподнялись в едва заметной улыбке.

От восторга и шока у меня онемели руки и ноги. Я сделала это. У меня не было шансов, но я победила зверя. Несмотря на браваду перед стражниками, я все ещё не могла в это поверить. Несколько мгновений я чувствовала себя непобедимой.

Во льду на дальней стене вдруг возникла смутная тень, струившаяся черным дымом. У нее были неясные очертания человеческой фигуры, украшенная рогами голова и прямые широкие плечи. По бокам плавали черные сгустки, напоминающие руки. По венам у меня пронесся холодный вихрь, гораздо холоднее, чем лед. Не успела я и глазом моргнуть, как тень исчезла.

Вверху показалось лицо капитана. Раздался его голос, приказывающий стражникам вернуться к работе. Он долго смотрел на меня через решетку.

Я вытерла руки о камень.

– Эта штука воняет почти так же плохо, как твои солдаты.

Его глаза сузились.

– Ничто не воняет хуже, чем Огнекровный.

Он отряхнул руки, прежде чем отвернуться, будто испачкался, разговаривая со мной.

Оставшись одна, я легла на пол, свернувшись клубком и закрыв глаза.

Мне было очень холодно. В моей голове кружили воспоминания. Одно из них задержалось чуть дольше, заставив мое сердце сжаться: взгляд Аркуса перед тем, как он поцеловал меня, его холодные губы, согретые моими, его глаза, как осколки синего льда, когда он смотрел на меня между поцелуями, и в его руках я чувствовала себя редкой, красивой, ценной.

Грудь моя наполнилась теплом. Я постаралась удержать это чувство, когда меня подняли наверх и отвели в тюремную камеру.

Глава 19

Камера, в которую меня привели, напоминала тюрьму Блэк Крик. Тот же каменный пол, кровать из соломы в углу, небольшое оконце. Через некоторое время в камеру вошел старик в грязном, вонючем балахоне и перевязал мне рану на ноге. Движения его рук были грубыми, и он не использовал целебные травы – он сильно отличался от брата Гамута с его мягкими прикосновениями и чудесным чаем.

Я закрыла глаза и попросила Сюд защитить тех, кто мне дорог: Аркуса, брата Тисла, брата Гамута, сестру Пастель и всех монахов, имена которых я смогла вспомнить, повторяя их снова и снова, пока не заснула.

Утром мне дали таз для умывания и чистую одежду: коричневую тунику и штаны. Потом пришли стражники и повели меня к королю. Когда я вошла в тронный зал, я почувствовала, как нечто опять захватило мое тепло, крепко удерживая его в невидимом кулаке. Я вздрогнула, пытаюсь сохранить лицо и контроль над собой.

Король был в великолепной мантии глубокого синего цвета с золотой отделкой. Сапфир на его руке сиял, повторяя цвет его глаз, которые накануне казались темнее. Из окна за его спиной лился яркий свет солнечного утра. Он сидел, непринужденно развалившись на троне. Как только я остановилась, в его глазах загорелись искры, блеснула надежда, делая его ещё моложе. Если бы это был кто-то другой, я бы сочла его привлекательным.

Сегодня трон был чист и прозрачен. Никаких теней не колыхалось в его глубинах.

Те же бородатый мужчина и девушка стояли справа от короля. Скользнув взглядом по златовласой девушке, которая сегодня была в бирюзовом платье с длинным рукавом, я поняла, что она примерно моего возраста или чуть старше. Она тоже посмотрела на меня, и на ее щеках появились ямочки, будто она сдерживала улыбку, но не насмешливую, а теплую, почти дружескую. Удивленно моргнув, я отвела глаза.

– Ты убила моего зверя, – сказал король, и его голос эхом заметался между сосульками, свисающими с потолка. – Семь человек были убиты и еще семь покалечены, пока доставляли это существо с горы Саркасса. И теперь ты уничтожила его.

Казалось, он ждал ответа. Я постаралась, чтобы в моем голосе не было ненависти. Мне не хотелось быть казненной за дерзость.

– Но ведь вы велели мне сделать именно это, Ваше Величество.

– Тем не менее ты уничтожила мой источник удовольствия, моего любимца на арене. Интересно, какую компенсацию ты можешь предложить за эту потерю.

Хотя слова обвиняли, тон его голоса был почти игривым.

Я закрыла глаза, пытаюсь приспособиться к изменениям в его поведении со вчерашнего дня.

– Вы находите удовольствие в том, как ваших чемпионов убивают?

– Мне нравится смотреть, как сражаются два могущественных существа, и моим людям тоже. Правда, лорд Устатиус?

Бородатый мужчина шагнул вперед, высокомерно подняв подбородок.

– Именно так, Ваше Величество. Очень интересно наблюдать за тем, кто победит. Чемпион может быть жестоким или дисциплинированным, безжалостным или принципиальным, но, в конце концов, все они умирают. А значит можно сделать важный вывод: безопасности не существует, но существует сила. Сила побеждает всегда.

Король почти рефлекторно кивнул, будто он привык соглашаться с этим придворным. Это напомнило мне, что король был намного моложе, чем казался из-за холодных жестоких глаз.

– Да, важна только сила, – согласился король. – Все остальные качества – лишь украшение.

В их глазах такие люди, как моя мать, – добрые, нежные, посвятившие себя исцелению других, – не имели никакого значения. В груди у меня вспыхнуло тепло, но трон быстро

поглотил его, и от этого я чуть не взвыла от боли. Я изо всех сил удерживалась, чтобы не прижать руку к груди.

– Значит, – сказала я, – по вашим меркам я ценный человек, ведь я победила вашего зверя. У меня есть сила, и я снова могу выиграть.

Он долго смотрел на меня, слегка прищурившись.

– Вчера я был уверен, что ты слаба, – снова пауза. – А мне не нравится, когда я ошибаюсь.

– Никто не любит быть неправым, – ответила я, забыв скрыть обжигавшее горло презрение.

Что-то промелькнуло в его глазах. Животный страх проник мне в позвоночник и обострил чувства. Но я выдержала взгляд короля. Казалось, комната уменьшилась в размерах, и в ней остались только мы вдвоем.

– Думай, что говоришь, безрассудная Огнекровная, – сказал он тихим голосом. – Я все же могу убить тебя, почти не прилагая усилий.

Во время этих слов тени в троне ожили, закручиваясь за спиной короля в густое дымчатое облако. Внезапно он стал выглядеть старше, сильнее. Глаза его потемнели.

У меня нет ничего, чтобы торговаться, никаких рычагов воздействия на него. Мне нужно было доказать, что я представляю ценность для него. Ведь он ценил только одно – силу.

– Конечно, можете, – сказала я. – Но тогда вы никогда не узнаете, насколько я сильна.

Лицо девушки осветилось улыбкой. Бородатый мужчина рядом с королем сделал шаг вперед.

– Это будет совсем не то, что сражение с безмозглым зверем. Чемпионы Его Величества в боях пробивали себе путь на арену и не остановятся ни перед чем, чтобы убить тебя.

– Тебе не выстоять против моих чемпионов, – согласился король.

Тон его был пренебрежительным, он был так убежден в этом, будто сражение уже свершилось.

Я изменила тактику и храбро ответила беспечным тоном:

– Если вы убьете меня сейчас, то упустите удовольствие наблюдать за тем, как я проиграю на вашей арене. Моя смерть может стать самой зрелищной из всех, что вы видели. Уверена, вы не сможете устоять перед возможностью лицезреть, как моя кровь проливается ради вашего развлечения.

Что-то темное мелькнуло в его лице. В пронзительной тишине его взгляд пронзил меня насквозь.

Если я хочу уничтожить трон, я должна остаться в живых. Чтобы выжить, я должна победить. Чтобы победить, я должна получить шанс участвовать в бою. Я ждала, затаив дыхание.

Девушка с пшеничными волосами тихо рассмеялась, растопив повисшее напряжение.

– В логике ей не откажешь, Ваше Величество. Нет ничего хуже, чем быстрая скучная смерть на арене. Я уверена, она заставит чемпионов попотеть.

Король явно расслабился, глаза его от радости заблестели синевой, и он снова стал выглядеть моложе. Он обратился к стражнику.

– Разместите ее в комнате для претендентов.

Я напрягла все мускулы, чтобы скрыть облегчение, хотя знала, что мне придется сразиться с опытными и беспощадными врагами. Сколько бы я не тренировалась в аббатстве, выйти против бойцов такого уровня я была не готова.

– Ах да, Огнекровная, – добавил король с блеском в глазах, – я буду держать тебя здесь до тех пор, пока ты не исполнишь обещание о зрелищной смерти. Не сдавайся слишком быстро. Удовольствие состоит в наблюдении за борьбой.

Я присела в реверансе.

– Сделаю все возможное, чтобы умереть медленно в угоду Вашему Величеству.

Когда стражники выводили меня из комнаты, вслед мне раздался его злобный смех.

Стражник привел меня в комнату без окон, с простой деревянной кроватью и умывальником. Итак, еще одна тюрьма, только более комфортная. Когда дверь за мной закрылась, я повернулась и постучала по ней, проверяя. Она была толстой, но была сделана из дерева. Я могу сжечь ее, чтобы сбежать. Но опять же, даже если мне удастся сбежать и каким-то образом пробраться мимо стражи, мне все равно надо будет уничтожить трон. А я понятия не имела, как это сделать.

Я легла на набитый соломой тюфяк и уставилась в каменный потолок, пытаюсь вспомнить все, что брат Тисл рассказывал мне о троне. Но он не говорил, что трон может красть мою силу, и я не знала, как это преодолеть. Может быть, брат Тисл не знал об этом.

Дверь распахнулась, и в комнату вошли двое стражников. Один поставил на пол поднос с едой, и они удалились. На подносе стояла большая деревянная чашка с густой похлебкой и куском хлеба на краю. Я накинулась на еду, закрыв глаза от удовольствия, еда была очень горячей.

Поев, я вернулась на соломенный тюфяк. Но когда дверь снова открылась, я соскользнула с кровати и встала в стойку для защиты – колени согнуты, кулаки подняты, ноги и руки двигались рефлекторно.

В комнату вошла девушка, её пышные сатиновые юбки прошуршали о дверь, прежде чем она закрыла ее за собой. Глаза ее расширились, а золотисто-пшеничные брови приподнялись в удивлении, когда она увидела меня в боевой стойке.

– Готова к бою, я вижу, – сказала она своим мелодичным голосом. – Это хорошо. Но побереги силы для арены. Они тебе понадобятся.

Это была девушка из тронного зала, которая помогла убедить короля, чтобы тот позволил мне сражаться. Я расслабила мышцы и опустила кулаки.

– Кто ты?

Она окинула комнату взглядом.

– Немного простовато, конечно. Но если ты выиграешь достаточно поединков, они найдут для тебя что-нибудь получше. Это стимул. Кроме того, ты будешь жить. Ведь быть живой и сражаться гораздо лучше, чем быть мертвой.

– Я думала, ты хочешь, чтобы я эффектно умерла на глазах у восхищенной публики.

– Именно это я и сказала, – она помолчала, разглядывая меня. – Меня зовут Марелла. Мой отец, Лорд Устатиус – тот, который тоже говорил сегодня, – самый верный советник короля, точнее трех королей подряд. Вот увидишь, я ценный союзник.

Заносчивый старик, который все твердил о силе – единственном, что имеет значение. Но мне было непонятно, как я, в моем нынешнем положении полнейшего бесправия, могу пригодиться ему или его дочери.

– И что же я должна сделать, чтобы заработать твою... – я замялась, не зная, как назвать то, что предложила эта девушка.

– Дружбу? – спросила она. – Это просто. Ты должна оставаться в живых. Выигрывать битвы. Стать быстрее и сильнее своих противников.

Я подняла руки.

– Вряд ли буду сильнейшей.

– Я говорю не о силе мышц, но о силе твоего дара. Используй его в полной мере. Будь безжалостной.

– Не думала, что меня здесь будут поощрять безжалостно использовать дар огня, особенно против одного из ваших бойцов.

– Это единственная причина, по которой ты все еще жива, – сказала она. – Ты должна превратить бои в настоящее зрелище и убивать чемпионов короля. Если же ты собралась умереть сразу, то я зря рисковала.

– Рисковала? Чем же?

– Король мог разгневаться, когда я предложила ему попробовать тебя в бою.

– Неужели?

– Его характер изменчив и весьма непредсказуем. Он не в состоянии сам себя контролировать. Он слышит голоса... и уступает их воле... а они подталкивают его к кровожадности и жестокости. Скажешь что-то не так и окажешься в тюрьме или на арене. Или он сам убьет тебя собственными руками. Так что да, Руби. Это был большой риск.

Я немного вздрогнула при звуке моего имени. Она могла бы назвать меня Огнекровной, как король, или огненной дрянью, как нравится капитану, но вместо этого она произнесла мое имя.

– Ты осмеливаешься говорить такие вещи о короле? – спросила я едва слышным шепотом.

Ее брови поднялись.

– А ты собираешься кому-то об этом рассказывать?

Я покачала головой.

Уголки ее губ приподнялись в подобии улыбки.

– Конечно, нет. Ты же умная. И мы обе хотим одного и того же. Чтобы ты была жива.

– Тебя-то почему это волнует? Что значит для тебя Огнекровный?

– У нас много общего, гораздо больше, чем ты думаешь. Я хочу быть если не другом, то хотя бы союзником. Если ты не можешь думать обо мне так, то пусть я буду врагом, с которым у тебя общая цель.

– И эта цель?

Она развела руками и улыбнулась.

– Пока у тебя одна цель – остаться в живых. Это будет довольно сложно.

– И это все, что ты хочешь от меня?

Она задумалась.

– Еще мне хочется получить ответы на несколько вопросов. Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

Глаза ее торжествующе засветились.

– Брат Тисл, должно быть, был в восторге, когда нашел тебя.

Я чувствовала, как кровь отливает от моего лица.

– Ты его знаешь?

– Конечно. Он служил здесь, в замке, до того, как его отправили в аббатство на горе Уна. И, если говорить об аббатстве, кто тот таинственный молодой человек, который жил там с тобой? Тот, что всегда в капюшоне?

Я едва удержалась, чтобы не спросить, откуда она знает об Аркусе. Но потом вспомнила, что он вырос здесь, при королевском дворе. Марелла, должно быть, знала его. Как мне хотелось расспросить ее о нем: каким он был в детстве, что с ним случилось. Но я не могла рисковать, открывшись этой незнакомке.

– Все монахи ходят в капюшонах, – сказала я.

– Он не монах. Красивый молодой человек, со шрамами. Ледокровный с очень сильным даром, равных которому нет, ну кроме дара короля конечно. Знаешь его?

Я покачала головой, мой пульс стучал в ушах.

– Нет.

Ее губы снова слегка изогнулись в улыбке.

– Очень хорошо. Доверие строится медленно. Я терпелива.

Она подошла к двери и постучала. Стражник немедленно открыл.

– Помни, Руби, – сказала она обернувшись. – Не мешкай завтра, у тебя есть все шансы победить.

Она изящно выплыла из комнаты, как молодая лань, оставляя за собой аромат экзотических цветов.

Тысячи вопросов замелькали в моей голове, налетая друг на друга, как штормовые волны. Чего хотят Марелла и ее отец? Откуда она знает об Аркусе и брате Тисле? Каковы ее намерения в отношении короля? У нее точно было много планов, а меня она рассматривала в качестве средства для их воплощения. Что она попросит за то, что спасла меня от смерти в тронном зале? Какую помощь ещё предложит?

Я снова улеглась на кровать. У меня был один день, чтобы отдохнуть. Завтра я буду драться. Марелла хотела помочь мне здесь. А на арене я буду стоять одна.

Я вспомнила, что ответил мне брат Тисл, когда я спросила его и Аркуса, становились ли люди Огненной Крови чемпионами.

Мы никогда не слышали о том, чтобы Огнекровный остался в живых.

Глава 20

На следующее утро пришла служанка и принесла мне одежду. Сама она была в простом коричневом платье и такого же цвета платок покрывал ее каштановые волосы, заплетенные в косу на спине. Она была на несколько лет старше меня: стройная фигура, нежное круглое лицо, большие испуганные глаза.

– Я должна помочь вам одеться, – сказала она слегка дрожащим голосом.

– Как тебя зовут? – спросила я, сжав руки, чтобы было не так видно, как они трясутся. Спала я ужасно.

– Дор... Дорина, – ответила она, быстро взглянув на меня и снова уставившись на потертые деревянные половицы. – Я обслуживаю чемпионов.

Я вздохнула.

– Ты боишься всех Огнекровных или только меня?

Ее круглые глаза стали еще больше.

– Простите, миледи. Я не хотела вас обидеть.

– Ты меня не обидела, – ответила я. – И никогда в жизни меня не называли «миледи». Зови меня Руби.

Она покачала головой.

– Я не могу, миледи.

Трясущимися руками она положила на кровать тунику и кожаные доспехи. Было странно осознавать, что пока я боюсь предстоящей схватки, служанка боится меня. Уверена, она слышала тысячи историй, где Огнекровные предстают беспощадными убийцами или вроде того.

Я стала болтать, отчасти чтобы успокоить ее, а отчасти потому что из-за ее нервозности мне делалось еще хуже. Я рассказывала о моей деревне и о том, как странно находиться в таком грандиозном месте, когда всю жизнь прожила в хижине с соломенной крышей, и что я никогда в жизни не носила доспехи, и без нее я бы понятия не имела, как их надеть. Я говорила обо всем подряд, чтобы казаться ей безобидной.

Она молчала, но, когда она протянула мне кроваво-красную тунику, руки ее уже не дрожали. Ее движения были очень осторожны – она старалась не касаться меня.

Поправив тунику, я решила, что и сама уже устала от звука собственного голоса и задала ей вопрос.

– Ты сказал, что обслуживаешь чемпионов, Дорина?

Она кивнула.

– А не сможешь ли подсказать мне что-нибудь, что поможет на арене? Хотя что-нибудь?

Взяв кожаные доспехи, она на несколько минут задумалась и потом ответила.

– У вас будет больше шансов, если вы заполучите в союзники толпу, – сказала она тихим голосом.

Она приподняла доспехи, и я просунула в них руки. У меня немного закружилась голова, когда я ощутила их грубое прикосновение. Латы приблизили меня к предстоящей битве, мысль о том, что они должны защитить меня от ударов и клинков, становилась реальностью.

– Неужели хоть одному Огнекровному удалось завоевать толпу? – я поморщилась, когда она стянула ремни за спиной. – Ай, слишком туго.

Она ослабила ремни, а затем встала передо мной, осматривая мою экипировку, ее похожие на розовый бутон губы сжались.

– Я никогда не слышала, чтобы толпе нравились Огнекровные. Возможно, вы станете первой.

Это казалось нереальным. Ледокровные пришли посмотреть, как я умру, расплатившись своей жизнью за смерть их родных и детей, которых они потеряли в войнах с моим народом. А ведь нас почти полностью истребили. Мой страх и гнев, наверное, проявились на моем лице, потому что Дорина отступила.

– Откуда ты столько знаешь? – спросила я с вынужденной улыбкой.

– Я обслуживаю чемпионов уже два года. Я слышу, о чем они говорят.

– Может, ты слышала еще что-нибудь полезное для меня? Может, ты посоветуешь что-то?

Она моргнула от удивления, закусив губу, потом ответила.

– Трудно сказать – ведь я не знаю, с кем вам придется сразиться. Но думаю, у всех есть свои слабости. Постарайтесь их найти. У многих чемпионов есть травмы – некоторые части тела они защищают или оберегают. Если вы обнаружите их слабые места, атакуйте их. И еще... ну, вы маленькая. Держите дистанцию. Если они схватят вас, шансов не будет.

Если бы я так не нервничала, я бы рассмеялась.

– Ну, по крайней мере, честно.

– Да уж, мне часто говорят, что я чересчур честная. Возможно, мне не стоило болтать.

– Нет, я благодарна тебе за советы.

Она взяла кусок мягкой телячьей кожи, окрашенной в черный цвет.

– Ваша маска.

В ней были отверстия для глаз, носа и рта. Она напомнила мне маску, которую носил Аркус во время тренировок.

Думать о нем было очень больно, но еще ужасней было воспоминание о том, как я подожгла его капюшон и маску, и он закричал от шока. Горло мое сжалось, и я часто заморгала.

Прогнав воспоминания, я сосредоточилась на том, о чем он тогда говорил: что я самый опасный человек из всех, кого он знал. Мой единственный шанс на выживание зависел от моей способности быть смертельно опасной.

Дорина надела на меня маску, которая закрыла все лицо, кроме глаз, маленького треугольника под носом и рта. И я сразу же возненавидела её. Меня душила сама мысль о том, что я стала безликим телом, отправленном на смерть ради развлечения короля. Я сняла её и бросила на пол.

– Извини, – сказала я Дорине, и ее наивный взгляд заставил меня смутиться из-за моего внезапного гнева. – Я не могу дышать в этом.

– Либо маска, либо шлем, – сказала она, скрестив пальцы. – Лицо должно быть закрыто. Это традиция – противники встречаются на равных, независимо от того кто они – дворяне или крестьяне. Маску снимают только с мертвецов.

Да уж, ободряющая мысль.

– Хорошо, но тогда найди мне маску, в которой я смогу дышать, – эту я не надену. А шлем слишком тяжел для меня.

Она кивнула.

– Конечно, найду вам что-нибудь.

Через некоторое время она вернулась с маской, которая закрывала только глаза. Она была обильно украшена красными перьями и мелкими жемчужинами. Когда я спросила, где она ее нашла, Дорина покраснела до корней волос.

– Это маска жены одного из придворных, – ответила она. – У неё была одна тайна, которую надо было сохранить, и я сохранила. Поэтому она мне обязана.

– Что за тайна? – спросила я из желания узнать, что могло заставить ее так зардеться.

– Аристократкам иногда хочется провести ночь с чемпионом. А меня ценят за благоразумие и умение молчать.

Я улыbnулась, взглянув на нее по-новому.

– Ты мне нравишься, Дорина. Ты умеешь выживать.

– Надеюсь, что и вы тоже, миледи.

Я шла в ногу со стражниками, и звук наших шагов звучал в ритме боевого марша, переключаясь со стуком сердца у меня в ушах. Мы вышли из замка во внутренний двор, затем прошли по туннелю, который вел к большой арене. Стражники оставили меня в помещении, предназначенном для тех, кто готовился выйти на арену.

Мое сердце стучало так сильно, что все вокруг казалось размытым. Закрыв глаза, я глубоко вдохнула и заставила себя оценить окружающую обстановку.

Каких только бойцов здесь не было! В основном, конечно, мужчины: кто-то в рванье, кто-то в стальной кольчуге, у кого-то из украшенных ножен торчали блестящие рукояти мечей, у некоторых оружия не было вовсе. Женщин было мало, и я не сразу поняла, что это женщины – широкоплечие, в доспехах, они выглядели так же внушительно, как и мужчины. Мне стало интересно, как они попали сюда и что за жизнь вели, раз, в конце концов, оказались здесь.

Я никогда не видела так много людей в одном месте. Арена была возведена из льда, круглые гладкие сводчатые стены напоминали огромную чашу. За барьером вокруг ринга ряд за рядом вырастали зрительские места. Ледяной дворец гудел, как огромный улей, тысячью возбужденных голосов – тревожно, громко и бессвязно.

Среди рядов были обустроены балконы. Там сидела изящно одетая публика, выдыхавшая целые клубы морозного воздуха. Струйки морозного воздуха вились и над людьми, сидевшими на обычных местах. По-видимому, аристократы чаще рождались с даром ледяной крови, чем обычные люди.

Перед тем как удалиться, стражники указали на женщину по имени Брака, высокую, широкоплечую, с серыми, цвета стали глазами – она переходила от бойца к бойцу, раздавая указания и произнося слова поддержки. С ее металлических наплечников и густых серебристых волос, заплетенных во множество косичек, свисали сосульки. Я догадалась, что она отвечала за подготовку ледокровных чемпионов, хотя мне ничего такого не предложили. Но я и не надеялась. Руки мои дрожали, я сжала их в кулаки и спрятала за спиной.

Пока я думала, что мне делать дальше и где следует находиться, в центр арены шагнул пухлый мужчина с коротко стриженными седыми волосами, в мантии цвета насыщенного индиго.

– Добрые люди Форса! – прорычал он, перекрывая гул толпы. Он поднял руки, и шум утих. – Сегодня, вам в назидание и для удовольствия, мы представляем самых разных бойцов – мелких воришек и предателей и любимых чемпионов. Мы привезли вам удивительных зверей, экзотических животных из ближних и далеких стран. И, как всегда, вы насладитесь зрелищным действием, восхититесь силой и смелостью, затаите дыхание от восторга! Подбадривая чемпионов и проклиная врагов, вы чтите своего короля! Пусть смерть будет достойной, а битвы кровавыми!

Мне хотелось сбежать, но ноги подкашивались от страха. Я приложила ладони к ледяной стене, надеясь, что проникающий через руки холод поможет мне сосредоточиться. Но от этого мне стало еще хуже – прижав руки к животу, я старалась восстановить сбившееся дыхание, едва держась на ногах.

Земля задрожала от стука копыт. Из широкого проема на другом краю арены выезжали всадники на белых лошадях, и утреннее солнце отражалось в их начищенных доспехах. На головах у них были блестящие шлемы, в руках – длинные острые копья, покрытые иглами льда. За всадниками под восторженные крики толпы шли чемпионы. Затем под присмотром мускулистых погонщиков гнали животных – рычавшие снежные волки, неуклюжие белые медведи, тигр с широкой мордой и бело-голубыми полосками и даже огромный белый бык с серыми рогами и ярмом на шее, которого удерживали двое мужчин.

Следующее животное было очень странным. Это была большая птица с малиновыми перьями, длинными лапами и маленькими крыльями. Ее клюв выглядел убийственно острым. Она дергалась, прижималась к своим погонщикам и вдруг вытянула голову из упряжи идохнула огнем. Я ахнула вместе с толпой.

Существо огня – здесь, в городе Форса.

Птица была прекрасна – дикая и изящная. Она выглядела опасно и совершенно невероятно – ничего подобного я в своей жизни не видела. Мне больно было видеть такую удивительную красоту в путах – она была как будто из другого мира. Птица так сильно вырывалась, что я боялась, что укротители свернут ей шею.

Мне захотелось кинуться к ней и освободить, но мгновение спустя животных увели. На арене остались только снежные волки, выдыхавшие клубы морозного тумана, которые танцевали в солнечном свете.

Двое стражников вывели на арену мужчину со связанными руками. Глашатай в пурпурной накидке представил его как предателя королевства. Толпа ответила яростными криками. Укротители снежных волков дали команду, и все волки сели. Тела их дрожали от нетерпения, пока укротители снимали поводки и покидали арену. Узник медленно попятился к краю ринга.

Находясь в дверном проеме, один из укротителей выкрикнул команду, и волки бросились вперед, как стрелы из лука. Они неслись так стремительно, что невозможно было различить лапы. Узник закричал, и я закричала вместе с ним. В мгновение ока он скрылся из виду, когда волки кучей накинлись на него. Крики мужчины были почти заглушены ревом толпы. Почти, но не совсем. Я забилась в темный угол, и меня вырвало несколько раз, пока в желудке не осталось совсем ничего.

Глашатай призвал выпустить на ринг следующих животных и предателей. Еще больше криков боли, рычания, лязга зубов и возгласов одобрения. У меня кружилась голова, меня тошнило, и я уже ничего не понимала. Когда я снова взглянула на ринг, тигр с сине-белыми полосками поднял свою окровавленную морду над лежавшим телом, и укротитель набросил на него сбрую, чтобы вывести с арены.

– А теперь, добрые люди, – весело и четко произнес глашатай, – наши самые опасные чемпионы сойдутся в бою с редкой огненной птицей.

На ринг вышли шесть воинов в доспехах. Птицу выволокли два укротителя, изо всех сил стараясь удержать её. Глаза несчастного существа закатились, когтями она пыталась вцепиться в землю и увернуться от поводка. Наконец укротители выпустили её и убежали с арены. Птица стряхнула с себя поводок и выдохнула облако огня, по льду затанцевали оранжевые блики пламени.

Чемпионы подняли свои щиты и ответили потоком холодного воздуха. Перья птицы покрыл лед. Она еще раз дохнула огнем, который обратился в облако дыма. Мужчины отступили.

По арене во все стороны летели лед и огонь, тепло и холод. Чемпионы продолжали отступать. Они явно боялись огня. У меня в груди затеплилась надежда. Птица была стремительной. Она быстро двигалась по рингу, извергая тонкие струи пламени, направленные прямо в лица людей. Казалось, у нее никогда не закончатся ни энергия, ни огонь.

Но мои надежды не оправдались. Чемпионы образовали широкий круг вокруг птицы. Пока она направляла пламя на одного человека, другой швырял льдом ей в спину, который она не успевала вовремя отразить. Птица была умной и уворачивалась от холода, но людей было намного больше, и, в конце концов, они ударили разом, со всех сторон, и она упала. Воины бросились на нее всей толпой. Шесть рук взметнулись вверх, шесть копий одновременно вонзились в птицу, которая в ответ извергла столб пламени. Второе облако огня было намного меньше, а затем все окутало дымом. Копья поднимались и опускались, толпа редела от восторга. Когда чемпионы покинули арену, и осела пыль, птица все еще была жива. Она показалась совсем маленькой, тонкий клюв и нелепо яркие перья на серой земле. Ее длинная шея была изогнута под странным углом, и я вспомнила о другой изогнутой шее в ореоле темных волос.

Все мои чувства внезапно обострились. Боль и страдания животного глубоко тронули меня.

Огненную птицу выволокли с арены, битвы продолжались, и каждая последующая была намного ожесточеннее предыдущей. Сначала между собой бились мужчины в лохмотьях с короткими мечами или ножами. Когда крови становилось слишком много, я закрывала глаза, но все равно слышала восторженные вопли толпы и крики боли, когда острый металл пронзал плоть. Дочь целительницы внутри меня плакала от бездушной ярости, жестокости и бессмысленного кровопролития.

К началу третьей битвы я стояла, прислонившись к стене, ног я больше не чувствовала. Наконец, я позволила себе опуститься на пол и поняла, что лицо мое мокро от слез.

– Вставай, девочка, – сказал суровый голос. Я посмотрела на Браку и ее ледяные косы. – Теперь твоя очередь. Там нет места для слез.

– Ты видела, что они сделали с птицей? – спросила я хриплым голосом. – Со мной сделают то же самое?

– Тебе выпала честь сразиться с одним из чемпионов, – сказала она, и ее взгляд был так же тверд, как и голос. – У тебя столько же шансов, как и у любого другого бойца. Не позволяй им видеть, как ты плачешь. Ты должна выйти на арену как воин, даже если ты им не являешься.

Когда Брака ушла, я, собрав всю свою волю, встала и прислонилась к стене. Я хотела сказать ей, что меня не волнует честь, но вместо этого обратилась с молитвой к Сюд и вернулась к дверному проему наблюдать за бойцами – крестьянами в рванье и воинами в кожаных доспехах со сверкающими мечами.

Наиболее захватывающими были схватки без оружия между двумя Ледокровными – только их руки и лед. Я пыталась запомнить, как они атакуют друг друга, как парируют удары, в надежде, что это хоть как-то поможет мне. Когда один из Ледокровных, наконец, поскользнулся и упал, другой прикончил его, перерезав ему горло осколком льда. Я отвернулась, пока чемпион наслаждался восхищением толпы.

– Ты следующая, Огнекровная, – сказала Брака низким голосом. – Имена названы, твой противник, Гравнах... один из самых любимых чемпионов.

С противоположной стороны арены открылась деревянная дверь, и из нее вышел человек, похожий на медведя. Он был одет в черную кожу с блестящими стальными доспехами, закрывавшими одну руку от плеча до запястья. И вот тут я поняла, что имела в виду Дорина, когда говорила, что надо завоевать толпу. Этот человек знал, как это делать. Он шел широкими кругами, останавливаясь, чтобы театрально поднять руки и зареветь. Толпа отвечала дикими возгласами.

– Бой начинается по звуку гонга, – сказала Брака. – Перерыва не будет. Бой закончится с твоей смертью. Умри с честью, Огнекровная.

От меня не ускользнуло, что она больше не говорила о моих шансах. Я повернулась, чтобы посмотреть ей в глаза, решив проявить характер.

– Ты хотела сказать, со смертью Гравнаха.

Она улыбнулась, продемонстрировав отсутствие зуба, слегка кивнула и отвернулась.

Я прошла под навесом арочного выхода на арену. Сердце, казалось, остановилось, время потянулось бесконечно, превратив минуты в мучительную вечность ожидания. Наконец прозвучал гонг.

Я вышла на арену и зажмурилась от ослепительного блеска льда. Крики толпы слились в хор насмешек и издевательств. У меня сильно закружилась голова. Борясь с головокружением, я подавляла желание бежать.

Пока я испуганным взглядом окидывала толпу, я заметила яркие блики солнца на одном из ледяных балконов с ажурными перилами: там сидел король и смотрел на меня. На нем была золотая корона с сапфирами. Если бы не жгучий холод в темных глазах, я бы сочла его красивым, теплым, золотым идиолом, сидевшим среди бесчисленных оттенков синего. На лице у него была маска ленивого ожидания, словно он не был уверен, стоит ли все это его внимания.

Я подняла подбородок. Мне показалось, я уловила намек на насмешливый оскал в ответ.

Рядом с ним стояла Марелла – брови нахмурены, челюсти сжаты. Когда наши глаза встретились, ее лоб разгладился, и она слегка улыбнулась. Я прочла по ее губам лишь одно слово – «выиграй». По крайней мере, один человек верит в меня.

На одной из трибун толпа начала скандировать:

– Гравнах! Гравнах! Гравнах!

Остальные подхватили, волна прокатилась по всей арене, пульсировавшей от этого звука, как от ударов.

Мощный Гравнах повернулся ко мне спиной, как будто присутствие противника его не волновало. Выкрики звенели у меня в голове, мешая сосредоточиться. Мне надо было что-то сделать, чтобы избавиться от парализовавшего меня страха. Подняв руки, я послала струю огня по земле. Когда она добралась до ног Гравнаха, тот подпрыгнул и развернулся. Толпа зашипела и крикнула:

– Убей Огнекровную!

Я была готова к ненависти, но ее сила меня потрясла.

Толпа исчезла из вида, когда Гравнах стал быстро приближаться ко мне. Я ждала, что он остановится, и мы будем ходить по кругу, как другие бойцы. Но вместо этого он продолжал быстро надвигаться на меня, как огромное бревно, катившееся вниз с горы, и я была всего лишь жалким сорняком на его пути. Мне очень хотелось убежать.

Когда он подошел достаточно близко – так, что я видела белки его глаз – я отскочила в сторону и бросила в него спираль огня. Он заблокировал его двумя поднятыми локтями и взрывом холода, ужалившим мое лицо.

Задержав дыхание и разозлившись, я бросила в него несколько стрел, целясь в незащищенные участки тела. Большинство из них с шипением отскочили от него, но некоторые достигли цели, попав в маску и на кожу. Он сделал шаг назад, и на миг я восторжествовала.

Затем он крикнул и направил волну льда по земле, которая проникла мне под ноги. Я поскользнулась и упала на спину. Чувство уязвимости было ужасным. На секунду я застыла, но когда он бросился ко мне, сгруппировалась и откатилась в сторону, вскочив на ноги. Швырнув пламенем за спину, я выиграла немного времени, затем развернулась и снова столкнулась с ним. *Не останавливайся, двигайся*, сказала я себе. *Не думай, просто двигайся*.

Крики становились все громче.

– Гравнах, Гравнах, Гравнах!

Слова били по моим нервам снова и снова, словно молот кузнеца.

Мой противник медленно обошел меня. Его черные глазки под маской были полны раздражения. Я не просила о пощаде, как большинство противников через нескольких секунд с начала схватки. Я сказала себе: я сильнее всех прочих. Я выиграю.

Для такого крупного человека он двигался очень быстро. Шагнув вперед, он махнул руками, и с обеих сторон от меня выросли две изогнутые стены льда. Вытянув руки вперед, я выпустила спирали огня, отступая назад по мере его приближения. Бросив в меня тонкие струи льда, он воздвиг вокруг меня ледяную клетку. Должно быть, на лице у меня отразился испуг, потому что он улыбнулся мне через ледяные барьеры.

Не думай, двигайся.

Я подняла руку и пробила в клетке дыру. Когда я выскользнула, он бросился вперед, пробивая собой ледяную стену, и ударил меня холодным кнутом. Я сделала шаг назад и врезалась в стену, которую он создал, прежде чем кинуться на меня.

Это была игра. Он играл со мной, устраивая мне маленькие испытания. Он был огромным пауком, плетущим липкие сети для своей жертвы. А я была мухой, быстрой и ловкой, рвала его паутину и улетала. Но с каждым разом движения мои становились все медленнее – я устала. В конце концов я бы попалась.

Подняв руку вверх, я начала двигать ею вперед и назад, создавая огромный хвост дракона. Брату Тислу он бы понравился. Концом этого хвоста я ударила Гравнаха ниже живота, заставив его согнуться пополам. Он остановился, швыряя в меня стрелами льдистого холода, но мне удалось отбить все атаки огненными стрелами или увернуться от них.

В толпе все еще скандировали, но большая часть зрителей приумолкла. Нарастала тяжелая тишина, в которой чувствовалось возбуждение и предвкушение. Наконец-то у их чемпиона появился противник, который бился по-настоящему. Уверенность огнем вспыхнула в моей груди, как сухие лучины в костре. Я вертелась волчком, и вокруг меня танцевало пламя. Гравнах стоял на коленях, укрывшись за щитом изо льда.

Задыхаясь от усталости, я никак не могла поверить, что одержала верх. Мой взгляд скользнул к королевской ложе: король сидел все в той же расслабленной позе, но теперь его руки сжимали подлокотники кресла. Да! Я собиралась победить, и он это знал. Если я смогу сделать это, я смогу сделать что угодно.

Повернувшись к Гравнаху, я окружила его огненной стеной и смотрела на него сквозь пламя. У меня не было выбора. Если не убью я, то убьют меня. Я собрала весь огонь для последнего окончательного удара.

Но он с поразительной скоростью ответил льдом на огонь, и мой мир заледенел. Сначала лед покрыл мое лицо, перекрыв дыхание, потом спустился ниже к рукам. Паника пронзила меня, когда я поняла, что попала в ловушку, в сплетенную им паутину. Я бросилась на землю, разбивая лед. Освободив одну руку, я излила тепло, превратив свой страх в огонь. Но льда становилось все больше, и он слой за слоем покрывал меня, перекрывая доступ воздуха к легким. Я теряла энергию, все плыло перед глазами. Бой проигран.

Нет, я не могу умереть.

– Поганая Огнекровная, – прорычал Гравнах. – Я не позволю тебе умереть быстро.

Он поднял меч изо льда над головой и опустил его на мою руку. В отчаянии я послала волну тепла, растопившую лед, и откатилась в сторону прежде, чем лезвие вонзилось в землю рядом со мной.

Но, не успев воспользоваться преимуществом и освободиться, я снова попала. Разум мне затуманило чувство поражения.

– Ты не сможешь победить, – грубо прорычал Гравнах. – Думаешь, убила зверя и сможешь убить меня? Я – Гравнах! – он ударил себя кулаком в грудь. – Я не боюсь ни льда, ни огня.

Он вытянул руки вперед, и сотни острых ледяных стрел полетели в меня. Моя рука инстинктивно поднялась, создав щит из огня.

Он заковал льдом мои руки и послал в меня новое облако стрел. Они били мне в лицо, таяли и сбежали по щекам, как слезы. Одна стрела оцарапала мне веко, и глаз залило кровью.

Он смеялся и слал стрелы снова и снова, пока у меня на лице не осталось живого места.

– А теперь твои драгоценные пальчики, – крикнул он. – Никогда больше они не смогут разжигать огонь.

Он поднял свой меч и опустил его с тщательно выверенной точностью. Когда сталь вошла в плоть моего мизинца, я закричала. Он рассмеялся и вытащил клинок.

– Лучше я заморожу пальцы, – сказал он, – и сломаю их по одному как сосульки.

Пронизывающий холод коснулся моих пальцев, и они онемели. Страх охватил мой разум, беспомощный безотчетный ужас пойманной жертвы. Толпа завывала, жажда моей крови. Я была слаба, избита, в полной власти этого монстра, но они хотели большего. Я ненавидела их в тот момент. Если бы я могла, я бы сожгла их всех.

По мере того, как во мне разрасталась ненависть, нечто темное, извилистое проникло в меня и змеей свернулось в сердце. Я забыла о толпе и сосредоточилась на себе. Нечто странное проникло сквозь кожу. Это был не жар и не холод. Это было ничто. Мрак. Осязаемое небытие. Оно росло внутри меня, покрывая каждый миллиметр кожи.

Сбитая с толку, я открыла глаза. Все вокруг переменялось. Мир стал черно-белым с оттенками серого – остальные цвета исчезли. Только своего противника я видела четко – он откинул голову назад, упиваясь моими страданиями. Затем он взглянул на меня сверху вниз.

– Что ты чувствуешь, Огнекровная? Боль? – спросил он, склонившись надо мной. – Твоя боль – мое наслаждение.

Я почти не слышала его. Мое сознание перешло в измененное состояние – это было не то чтобы спокойствие, но освобождение от суеты. Это было не похоже на концентрацию разума, которому учил меня Брат Тисл. Было в этом тихом пространстве нечто, не поддающееся контролю, и оно забрало мысли, заботы и вопросы, которые обычно теснились в моей голове.

Все стало намного проще. Черное и белое. Я или он. Жизнь или смерть.

– Нет, прошептала я, – это я убью тебя, – слова шли как будто извне, произносимые кем-то другим.

Время остановилось.

Станным образом я чувствовала, как бьется его сердце, выталкивая кровь, пульсируя жизнью. Казалось, один удар длится вечность. И вдруг я ощутила невероятную силу, которая заструилась по венам, подавляя меня.

– Сжечь его, – сказал голос, и я знала, что должна подчиниться. Голос был мной, и я была голосом.

И я извергла пламя такой силы и концентрации, какого у меня никогда раньше не получалось. Огонь прожег его кожаный нагрудник.

Глаза Гравнаха широко раскрылись. Из горла вырвался странный звук, по телу прошла судорога. Он упал лицом вниз и, несколько раз дернувшись, замер.

Я уставилась на тело, затихшее и неживое. Вокруг головы, лежащей в пыли, натекала лужа темно-синей крови.

Я не чувствовала ни триумфа, ни раскаяния. Только интерес. Это существо, причинявшее мне боль, теперь мертво.

Я посмотрела на притихшую толпу. Всплыла еще одна мысль. Я могу сделать то же самое со всеми. Могу сжечь их сердца. Нужно ли мне это?

Моя рука поднялась, чтобы накрыть тьмой всю толпу, но внутри что-то щелкнуло, как будто порвалась нить, натянутая слишком сильно.

В один миг ко мне вернулись чувства и цвета и, содрогнувшись, я ахнула. На грудь навалилась тяжесть всех одновременно возникших ощущений. Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, где я и что происходит.

Нет. Не думай. Не чувствуй. Вставай. Уходи.

Почти весь лед вокруг меня растаял. Я поднялась, стряхивая с себя капли и дрожа.

Я посмотрела на свою руку. Один палец свисал под странным углом. Ошеломляющий ужас заполнил меня, когда я смотрела, как ярко-красная кровь капала на припорошенную снегом землю, напоминая мне о ягодах, рассыпавшихся по полу нашей хижины в ночь, когда пришли солдаты. Голова закружилась, и я споткнулась.

В нескольких метрах от меня двигалась фигура. Еще один противник? Нет. Это была нечеловечески огромная черная тень с острыми плечами. Ее края дрожали, расплываясь, как будто в мареве раскаленного воздуха в разгар лета. Пока я смотрела на нее, она обретала форму, приобрели четкость руки с вытянутыми длинными пальцами.

Я подняла здоровую руку, чтобы послать на нее огонь.

Но, моргнув, увидела только светловолосого глашатая в ярко-синей накидке, такой неуместной на фоне крови и пыли. Он остановился в центре и обратился к толпе.

– Добрые люди Темпезии, я представляю вам Огнекровную, которая впервые победила Ледокровного на этой арене. Приветствуем чемпиона Огненной крови!

Они не радовались. Несколько человек завопили и начали ругаться. Некоторые подняли руки и стали бросаться едой. Другие, подбежав к краю, плевать на землю.

Поддерживая раненную руку, я захромала в сторону выхода, все еще ошеломленная. Я победила Гравнаха не только своим огнем. Что-то проникло в мой разум и в сердце. Моя темная сторона, о которой я раньше не знала, хотя и приняла ее как старого друга. Незнакомец внутри меня.

Я взглянула на королевское ложе, наши глаза встретились. Он смотрел с интересом, из-за чего внутри у меня все переворачивалось. Марелла выглядела довольной, возможно, даже торжествовала.

Король Расмус встал и подошел к перилам, обводя взглядом потрясенную толпу.

– Сегодня мы стали свидетелями великолепного зрелища, как и обещал наш дорогой Лорд Альбус, несравненный судья игр.

Толпа слабо зааплодировала.

– Но, возможно, вы удивлены, что Огнекровный выиграл в *нашем* городе. В сердце нашей земли. На *моей* арене. Не бойтесь. Уверяю вас, это ничего не значит. Ее сила – всего лишь слабый огонь свечи в метели, который легко задуть.

Холодный ветер вырвался из его руки, направившись в мою сторону. Ледяное облако окутал меня мягкой ватой, слой за слоем, пока не покрыло меня полностью так, что мне стало трудно дышать. От страха я взвизгнула, и некоторые зрители рассмеялись.

– Будьте уверены, добрые люди Форса, – сказал король, – холод всегда будет властвовать. А тот, кто бросит нам вызов, умоется кровью и слезами.

Несмотря на то, что я застыла, его слова меня разозлили, и кожа стала нагреваться. Его холод был невероятно силен, но мне, наконец, удалось освободиться при помощи струек огня. Отвернувшись, я пошла прочь, пока толпа заворожённо смотрела на своего короля.

Когда я добралась до навеса, чья-то рука легла мне на плечо, заставив меня подпрыгнуть.

– Сегодня ты убила великого чемпиона, Огнекровная, – сказала Брака. – Как воин, я приветствую тебя.

Похвала меня напугала, я стряхнула ее руку и, прихрамывая, прошла в темноту туннеля.

Глава 21

– Вы ничего не перепутали? – сердце бешено колотилось, когда до меня дошел смысл его слов.

Лицо стражника было каменным, он не смотрел мне в глаза.

– Ничего. Король повелел, чтобы вы поужинали с ним.

После боя все тело мое словно оцепенело, я чувствовала себя больной и несчастной. Я почти не понимала, кто я, не говоря уже о том, что я делаю в замке Ледяного Короля, в той же тунике и штанах, в которых была на арене. Что-то завладело мной, я как будто переродилась... стала совсем другим человеком, и теперь бродила в собственном сознании в поисках меня настоящей.

Но как только стражник упомянул короля, я вновь обрела цель, оцепенение исчезло, и руки задрожали.

Уничтожь трон. Убей короля. Отомсти.

Наконец, обретя контроль над своим расстроенным сознанием, я кивнула и последовала за стражником в коридор. Он не касался меня, но шагал рядом, пока мы шли через лабиринт коридоров в большую ванную комнату. Пол и стены были покрыты яркой фарфоровой плиткой. В центре находился бассейн с фонтаном горячей воды, благоухающей розами, лавандой и цитрусами.

Можно было подумать, что я в раю, если бы не пятеро солдат, выстроившихся вдоль стены с мечами, направленными в мою сторону.

– Считайте это наградой за победу в схватке, – сказал стражник. – Тепло придаст вам сил, но если вы попытаетесь сделать что-нибудь подозрительное, мы убьем вас. В этом помещении нет ничего, что можно поджечь.

– Кроме вас, – поправила я.

Он дернул головой и заморгал.

– Если вы попытаетесь бежать, мы пустим в ход мечи, – сказал он, слегка вытащив меч из ножен.

Было бы здорово улизнуть из дворца. Но трон все еще проклят, а король жив, и, что самое главное, мою маму не вернуть, а я за нее еще не отомстила. Нет, бежать сейчас невозможно, как невозможно отрастить крылья и улететь.

Когда они ушли, появился придворный целитель в белой мантии и со зловещей точностью зашил мой палец, а затем смазал порезы на лице. Порез на пальце был глубокий, но не такой опасный, как я боялась. Я подождала, пока за спиной целителя захлопнется дверь, затем разделась и осторожно погрузилась в горячую воду, от которой поднимался пар, стараясь не намочить перевязанную руку.

Я постаралась отогнать от себя все мысли, но все равно была переполнена ужасом. Я зажала рукой рот, чтобы не разрыдаться, и плескала водой в лицо снова и снова, пока не восстановилось дыхание. Здоровой рукой я вымыла волосы и тело, затем вышла из бассейна и завернулась в полотенце.

Небольшой покрытый кафелем коридор привел меня в комнатку размером со шкаф, с большим зеркалом во всю стену. Я подошла к нему и сняла полотенце. Кожу покрывали фиолетово-желтые синяки, но я больше не напоминала скелет, который когда-то вынесли из тюрьмы. У меня появились мышцы на руках и ногах и характерные женские изгибы. Я не могла вспомнить, когда я в последний раз смотрелась в зеркало. Но сейчас у меня было такое чувство, что на меня смотрит незнакомка.

В углу на сундуке лежало красивое белье и корсет. Я надела на себя и то, и другое, как сумела, и поняла, что они подходят друг другу. Я все еще раздумывала над непривычностью всего этого, когда в стене открылась почти незаметная дверь.

Сжав кулаки, я быстро развернулась. В комнату вошла Марелла со свертком в руках. Положив его на стул, она закрыла за собой дверь.

– Всегда готова к бою, да? Ты победила, и я знала, что так и будет.

Я опустила руки, на несколько секунд потеряв дар речи. Я могла бы рассказать ей, что со мной случилось, что мной овладело нечто, но я не могла ей настолько довериться. Мне нужно узнать, почему она помогает мне.

– Я почти проиграла, – сказала я. – Я была... слишком уверена в себе.

– Гравнаху нравилось играть со своими жертвами. Именно это сделало его любимцем.

– Толпы или короля?

– Обоих.

– И твоим?

Она пренебрежительно пожала плечами.

– Я смотрю схватки, потому что должна, а не потому, что мне нравится. Мой отец никогда не позволит мне остаться в стороне. Мы должны демонстрировать поддержку королю.

– И ты поддерживаешь его?

– А ты смелая! Конечно, да, – она сделала паузу. – Почти во всем, кроме того, что касается Огнекровных. Но пусть это останется нашей тайной.

Я кивнула. Доверять ей или кому-то другому в этом месте было нельзя, но я была благодарна ей за заботу. И за очевидную поддержку моего народа.

– Спасибо, что... – я неловко сжала губы. – Там, на арене мне помогло, что хотя бы один человек был за меня.

Она слегка улыбнулась и окинула меня взглядом.

– Похоже, с размерами я не ошиблась. Ну что, начнем одеваться?

– Начнем? Я... Ты же леди. А где Дорина?

– Я сказала ей, что помогу тебе. Мне хотелось поговорить. Повернись, чтобы я могла зашнуровать корсет.

Я повернулась, и она туго затянула его на мне.

– Вдохни, – сказала она, потянув за шнурки.

Я ахнула.

– Дышать не обязательно, а вот выглядеть красивой – необходимо.

Она улыбнулась, чтобы смягчить свои слова, но у меня было чувство, что она именно это и хотела сказать. Сама она была невероятно хороша: шелковые пряди золотистых волос были уложены в замысловатую прическу и закреплены перламутровыми шпильками. На ней было атласное платье кораллового цвета с белым кружевом у локтей, корсет подчеркивал ее нежную, как персик, кожу, а стройную талию перетягивала черная бархатная лента.

Она повернулась и, подняв свёрток, который она принесла с собой, достала платье вишнёвого цвета, расшитое бисером. Расстегнув его, она жестом показала, что мне можно его надеть.

Я покачала головой.

– Нет, я лучше надену то, что было на мне на арене. Оно мне больше подходит. А это платье... Никогда в жизни я не надевала ничего столь прекрасного.

Она рассмеялась.

– Да, замечательная была бы картина. Король и его любимые придворные ужинают с девушкой в кровавых лохмотьях. Думаю, не стоит рисковать. Кроме того, ту одежду или постирали, или выбросили. Надевай.

Она нетерпеливо тряхнула платьем.

Деваться было некуда, и я послушалась. Закончив застегивать пуговицы на спине, она достала из ящика расческу и приподняла часть моих волос.

– Не надо, – сухо сказала я. – Это не важно.

– Это важно для меня. Я не могу иметь протезе, которая выглядит как оборванка.

– Протезе? – спросила я, и меня опять пронзило чувство тревоги.

Эти слова словно вернули меня в аббатство. Брат Тисл говорил, что сначала видел во мне инструмент, оружие, которое он мог бы использовать в своих целях. Чем же я была для Мареллы?

Она медленно заговорила, не забывая при этом укладывать мои волосы, тщательно разглаживая пряди.

– Ты – мой шанс. Когда Огнекровные убили мать короля Расмуса, то отношение к твоему народу стало враждебным. Когда убили его старшего брата, враждебность превратилась в ненависть. И король Расмус использует эту ненависть, чтобы оправдывать уничтожение твоего народа. Любой, кто не согласен, будет либо изгнан, либо убит. Ни одна живая душа не посмеет выступить против его решения истребить Огнекровных.

– Кроме тебя?

Она усмехнулась.

– Я не дура. Меня бы изгнали или еще что похуже, – она взяла несколько прядей моих волос и скрутила их. – Мы все страдаем от диких перепадов настроения Расмуса и опасных решений, которые за ними следуют. Но я не теряла времени даром. Я строила планы и ждала своего часа – ждала Огнекровного, достаточно сильного, чтобы помочь мне их воплотить. И тут появилась ты.

Я попыталась повернуться, чтобы посмотреть ей в глаза, но она удержала мою голову, зажав ее ладонями.

– Не вертись! Мне нужно закрепить сзади.

– И что ты хочешь, чтобы я сделала? – слова прозвучали жестче, чем мне хотелось.

– Ничего особенного. Продолжай выигрывать. Пусть Расмус смотрит на тебя. Завоеешь его доверие, получишь больше свободы в замке, а это будет полезно нам обеим.

– И почему я должна тебе верить?

– Потому что я – единственный человек здесь и, возможно, во всем королевстве, который не хочет, чтобы ты умерла.

Я невольно едва заметно покачала головой и увидела, как изменилось ее лицо в зеркале.

– Что? Кто-то еще хочет, чтобы ты осталась живой? Монахи, с которыми ты жила? Тот, кто помог тебе сбежать из тюрьмы?

Я сжала губы.

– Молодой человек? – тихо спросила она.

Я почувствовала, как распахнулись мои глаза, прежде чем мне удалось скрыть свое удивление.

Ее отражение улыбнулось мне.

– Мой отец рассказывает мне все. Я знаю о монахах. Наверное, молодой человек в капюшоне – твой возлюбленный. Как его зовут?

Я решительно смотрела перед собой, но я не могла не думать об Аркусе. Мне хотелось знать, что он в безопасности, и я в сотый раз пожелала, чтобы он был со мной, чтобы защищал и руководил моими действиями, как и планировалось.

– Когда-нибудь ты скажешь мне, – заявила Марелла с полной уверенностью. – И чтобы ты мне доверяла, я тебе кое-что расскажу. Когда-то я была обручена с королем.

Я уставилась на ее отражение в зеркале.

– Ты и король Расмус?

Она покачала головой, взяв маленькую баночку с яркими румянами, потерла их пальцем и нанесла румяна мне на щеки. Затем, нахмурившись, схватила салфетку, чтобы вытереть их.

– Нет, румяна тебе не нужны. У тебя естественный румянец. Как мило.

– И что было дальше? – спросила я.

– Я должна была выйти за его брата, короля Арелиуса. Наши отцы договорились об этом браке, когда мы были совсем маленькими. Мы выросли, зная, что когда-нибудь поженимся. Когда король Акур умер, и Арелиуса короновали, была назначена дата свадьбы. По нашим обычаям королю нужна сильная королева. Он – источник силы, она – мост между королем и его народом. Так отец всегда говорит мне. Но Арелиус был убит, и свадьба не состоялась.

– Мне жаль, – искренне сказала я, понимая, что она не упомянула, что его убил Огнекровный. Было удивительно, что она не испытывала ко мне ненависти, как все остальные. – Твой отец устроил еще одну помолвку?

Ее губы скривились в самоуничижительной улыбке.

– Он попытался. Но король Расмус настаивает, что выберет невесту сам, когда будет готов. Мой отец много раз пытался навязать ему меня, и Расмус теперь с трудом меня выносит. К счастью, наша семья занимает высокое положение среди Ледокровной знати, у нас много связей и союзников, поэтому король не решится нанести оскорбление. Вот почему я сопровождаю его во время таких важных событий, как бои на арене. Своего рода заместительница королевы, которая однажды будет сидеть рядом с ним.

– Но если твоя семья так знатна, почему вы не можете противостоять королю? Или организовать сопротивление?

– Осторожно, – тихо сказала она. – Даже каменные стены могут быть тонкими, как бумага, когда дело касается измены. И король гораздо сильнее, чем ты думаешь.

– Только из-за трона.

Ее глаза вспыхнули от удивления, и, пока она смотрела на меня, во взгляде мелькнул намек на удовлетворение, но потом она отвернулась.

Она нанесла мне на лицо ещё немного какого-то порошка, одобрительно кивнула и жестом предложила мне встать перед зеркалом в полный рост. Платье с пышными юбками было роскошным. Румянец, вспыхнувший на моих щеках, оттенил мои янтарные глаза, заставив их блистать золотом. Никогда в жизни я не носила ничего более прекрасного.

Но я ненавидела и это платье, и эту незнакомку в зеркале. Они не входили в мои планы.

– Неужели мне обязательно нужно выглядеть так, словно я заезжая принцесса? – Я попыталась подтянуть лиф платья повыше. – Может, король собирается убить меня за ужином?

– Он не убьет тебя. Теперь ты – одна из его чемпионов. Докажи, что достойна этого звания. Не проявляй слабость и держи себя в руках. Он хочет снова увидеть тебя на арене. В этом я уверена.

Меня чуть не стошнило при мысли, что он желает сделать из меня убийцу. Но, если жестокая игра – единственный способ остаться в живых и уничтожить трон, я сделаю это.

Перед уходом Марелла предупредила меня, чтобы я никому не рассказывала о нашем разговоре. Меня удивляло такое доверие, но, с другой стороны, она знала, что у меня нет причин предавать ее. Я буду душой, если потеряю своего единственного союзника. И я не могла не восхищаться ее смелостью и честностью. Она даже начала мне нравиться.

И все же Марелла напоминала мне экзотические растения, которые я видела в книгах матери: красивый цветок безвреден, пока вы не трогаете лепестки, но смертельно опасен, если вы потревожите его покой. Она хранила свои секреты внутри бутона, но если бутон распустится, кто знает, что за сладкий яд выпустит он наружу?

Несколько минут спустя двое стражников вели меня по длинным коридорам. Стук сердца отдавался у меня в ушах, когда мы подошли к огромной двойной двери, на которой были вырезаны два дракона, смотревшие друг на друга, сжимая в когтях ледяные стрелы. Слуги в белых перчатках нажали на блестящие ручки, и из дверей с силой вырвалась волна ледяного воздуха.

Зал был огромным и очень холодным, с ледяными стенами и несколькими гобеленами, сотканными в прохладных, приглушенных тонах. Пол покрыт плиткой прозрачного голубого и сияющего белого цвета. В бра на стенах горели свечи. Со сводчатого потолка свисала хрустальная люстра, украшенная сосульками, и от них по залу разбегались радужные блики по комнате.

В центре стоял стол, вырезанный из стекла, и прозрачные стулья, покрытые белыми шкурами. Вокруг стола сидели дамы в элегантных ярких платьях и мужчины в темных фраках. Как только я вошла, все разговоры стихли и взгляды устремились на меня.

Я судорожно сглотнула и медленно подошла к столу. Высокий человек со светлыми волосами встал из-за стола, и остальные мужчины последовали его примеру. Он указал на стул, но не в дальнем конце стола, как я надеялась, а по правую руку от себя.

При виде короля мои мышцы напряглись, в любой момент готовые к защите и бою. Холод усилился, когда я приблизилась к нему, закручиваясь в невидимых потоках, касавшихся моей шеи, лица и обнаженных плеч. Это был не легкий ветерок, а демонстрация силы, которая забирала и подавляла мое тепло. Я напустила на себя безразличие, решив не проявлять ни малейшей слабости, но это было похоже на прогулку в метели. Когда я подошла к стулу, мое дыхание ускорилося.

Я положила руку на стол для поддержки и быстро убрала ее. Стол был не из стекла, а из чистого прозрачного льда.

Подобрав юбки, я села на мягкий белый мех, руки дрожали от страха, совладать с которым я не могла. На стуле короля не было меха, как будто он упивался холодом. На столе стояли серебряные тарелки, бокалы и столовые приборы на белых салфетках. Кристаллы, висевшие над моей головой, отражались в моей тарелке, как крошечные мечи.

Высоко подняв подбородок, я оглядела присутствующих. Одни отвели взгляд, другие открыто рассматривали меня.

– Ты должна простить моих гостей за то, что они так смотрят на тебя, – сказал король. – Ты, в некотором роде, – достопримечательность. Первый чемпион Огненной крови.

Все их внимание было направлено на меня, пока они ждали моего ответа. Я не знала, что сказать, и промолчала.

– Похвальное достижение, – произнес один из мужчин.

Он был среднего возраста с густыми бакенбардами, тяжелыми чертами лица и оценивающим взглядом.

– Хотя я никогда не буду открыто поддерживать вас на арене, позвольте мне поздравить вас сейчас. Без сомнения, это будет моя единственная возможность сделать это.

Он улыбнулся, хотя улыбка не отразилась в его глазах.

– Не сбрасывайте ее со счетов так легко, лорд Блэдинг, – сказал другой голос. И я вдруг узнала его. Я слишком нервничала, чтобы внимательно присмотреться к каждому гостю, а этот сейчас выглядел так же, как все, – в мундире, идеально скроенном синем жакете поверх накрахмаленной белой рубашки; темно-русые волосы аккуратно зачесаны назад.

– Она сожгла половину моего полка и сбежала из тюрьмы Блэк Крик. Она весьма коварна и изворотлива. Понадобились месяцы, чтобы найти ее.

Я взглянула на короля. Он тоже смотрел на меня – его холодные, темные глаза сияли, как пустые льдины в замерзшем море. Я видела много жестокости, но ужин с капитаном, убившим мою мать, – что может быть хуже? Если бы я могла убить взглядом, я бы сожгла его, их обоих. Лицо короля было бесстрастным, но в его взгляде мелькнуло холодное наслаждение, когда он заговорил.

– Действительно. И теперь ты привел ее к нам. Признаюсь, я очень недоволен потерей горного

зверя и моего любимого чемпиона. Но я надеюсь, что в возмещение утраты она долго будет развлекать нас.

Прежде чем я успела ответить, двери открылись, и в комнату вплыла Марелла в сверкающих бронзой шелках с тонкой кружевной отделкой. С улыбкой она окинула взглядом стол, когда мужчины поднялись, и села напротив меня.

– Я снова опоздала? Никак не могла вспомнить, в какое время мы ужинаем.

Король холодно взглянул на нее полуприкрытыми глазами. Мужчина в темно-зеленом облачении слева от Мареллы, лорд Устатиус, принялся укорять ее.

– Возможно, если бы ты спала по ночам и вставала утром, как это делает большинство людей, – сказал он, – стрелки твоих часов двигались бы в унисон с остальным миром.

– Но тогда я бы не смогла созерцать звезды, отец! Ведь мы оба знаем, что благодаря звездам можно найти ответы на все наши вопросы.

– Если бы ты проводила хоть немного времени в обществе, а не в этой проклятой обсерватории, ты бы уже себе нашла мужа.

В ее глазах вспыхнуло раздражение.

– Но муж никогда не позволит мне утолить страсть к знаниям, как ты. Лучше уж я останусь незамужней.

– Мое терпение на исходе. Вот возьму и установлю тебе срок. Например, – он помахал рукой, – велю выйти замуж до зимнего солнцестояния, в противном случае отправлю тебя к Безмолвным сестрам на остров Нимбус.

Ее губы скривились, глаза на мгновение потемнели от ярости. – Безмолвные сестры – часть ордена Циррус, – сказала она тихим голосом. – Я скорее сброшусь с восточной скалы.

За столом воцарилась тишина. Я была благодарна Марелле, что она отвлекла от меня внимание.

Явно обеспокоенный, отец похлопал ее по руке.

– Я только шучу, дочь. Я уверен, ты найдешь себе мужа в Форсии.

Она откинулась на спинку стула и сделала глоток из своего бокала, явно пытаясь взять себя в руки.

– Я уверена, что ты прав. Я отдам свою руку только какому-нибудь старому маразматiku, который спит до полудня, как и я. Или человеку, который любит азартные игры и бордели настолько, что его не будет волновать, как я провожу свое время.

Смех прервал затянувшееся молчание. Капитан наклонился вперед с лихой ухмылкой и окинул Мареллу пылким взглядом, задержавшимся на ее груди.

– Мне нравятся азартные игры и публичные дома.

Марелла улыбнулась в ответ, показав очаровательную ямочку.

– Разве вы не женаты, капитан Дрейк?

– Женат, – он почти подмигивал ей. – Но моя жена все понимает. – Его губы насмешливо скривились. – А вот дочь не дает мне покоя. Она считает, что лучше пусть меня повесят, чем я обижу ее мать.

– Так и должно быть, – сказала Марелла.

Я сжала руки так, что ногти впились в ладони. У него есть жена и дочь. Я подумала, что он почувствует, если увидит, как они умирают у него на глазах. Я изо всех сил старалась удерживать ненависть внутри.

Капитан продолжал насмешливо смотреть на Мареллу.

– В последнее время она требует, чтобы я оставлял ей большую часть своих денег. Она слишком умна. Я скучаю по тем дням, когда все, что ей было нужно, это кукла, которую я

привозил ей в подарок.

– Сколько ей лет? – спросила женщина, сидевшая напротив лорда Бландинга.

– Двенадцать. Но ведет себя так, будто ей пятьдесят, – достает меня своими придирками. Когда-нибудь она станет очень сильной женщиной. Боюсь только, что все будут недостаточно хороши для нее.

За столом, казалось, все расслабились, когда разговор зашел о детях и женщинах. Марелла смотрела с полунасмешливой улыбкой, лишь изредка вставляя короткие замечания. Я почувствовала на себе взгляд короля и повернулась, вновь поразившись тому, что он лишь немногим старше меня. Как такой молодой король может быть настолько бесчувственным? Аркус рассказывал мне, что Расмус не всегда был жестоким.

– Ты удивительно красива, Огнекровная, – сказал он низким голосом. – Несмотря на порезы и синяки.

Его рука поднялась, словно он хотел коснуться синяка на моей ключице. Я быстро отстранилась.

Я хотела сказать, что *порезы и синяки – это ерунда*. Он приказал своим солдатам совершить налет на мою деревню, мою мать убили, и теперь я была вынуждена сидеть за одним столом с ее убийцей. Он бросил меня к зверю, а затем выставил перед садистом, который хотел сломать мне пальцы. И после всего этого он отпускал мне комплименты.

Мой страх перед ним растворился в облаке гнева. Тепло, о котором я бы и не подумала в этом холодном пространстве, поднялось во мне, расходясь волнами вокруг. Капельки воды соскользнули с края стола.

Он провел рукой по краю стола, стряхивая на пол воду, мгновенно превратившуюся в лед под его рукой.

– Успокойся. Я позвал тебя сюда не для того, чтобы обсуждать твою красоту.

Я посмотрела на него спокойно, холодно и... безразлично.

– Тогда зачем? Чтобы я поела с твоими шакалами?

Он, казалось, не обратил внимания на оскорбление.

– Это традиция, праздник в честь моего нового чемпиона.

– Даже Огненной крови?

– Огнекровные никогда не выигрывали раньше. Ты победила великого воина. Как ты это сделала?

Шорох привлек мое внимание к другим гостям, которые, казалось, подслушивали наш разговор, наклонившись поближе. Особенно сильно напрягся отец Мареллы, взгляд его серых глаз в беспокойстве метался под густыми белыми бровями.

У меня в ушах стучал пульс.

– Я почти не помню. Все было как в тумане.

Улыбка тронула уголки его губ.

– Тогда нам придется повторить, и в следующий раз ты расскажешь мне, как ты выиграла. У меня большие планы на тебя, Огнекровная.

– Я думала, что ты собираешь убить меня, так или иначе.

Марелла рассмеялась.

– Ну, тогда у нас не было бы никакой возможности увидеть тебя на арене. Мы бы много потеряли, да, Рас?

Я обратила внимание на то, как дружески она назвала короля Расмуса. Король же не отводил взгляда от меня.

– Я не собираюсь убивать тебя. Теперь ты – мой чемпион и мой гость.

Вперед вышел лакей с графином и налил вина в кубок короля. Двери открылись, и вошли трое мужчин с подносами, заставленными тарелками с ветчиной, говядиной, жареной рыбой, картофелем с маслом и овощами.

Гости принялись за угощение, а я сидела, сложив руки на коленях.

– Ешь, – спокойно сказал король.

Я встретилась с ним взглядом. Что произойдет, если я откажусь?

Он наклонил голову, словно читал мои мысли.

– Я уже сказал, что не убью тебя, Руби.

– Не называй меня так. Не оскверняй своим языком имени, которое дала мне мать.

Он улыбнулся и сделал глоток вина.

– Полагаю, я могу говорить, как хочу.

Впервые взгляд его слегка потеплел. Я отвернулась, от дискомфорта у меня по коже бежали мурашки. Я сделала глоток из кубка, чтобы скрыть свое замешательство.

Он барабанил пальцами по кубку, заставляя его звенеть.

– Я знаю, что твое самое заветное желание – убить меня.

В смятении я повернулась к нему.

– Да, – сказал он. – Совершенно очевидно, что ты меня ненавидишь. Огонь и лед – естественные враги, и я знаю твою историю. Знаю, что случилось с твоей деревней. Твоей матерью, – он откинулся на спинку стула. – Здесь осталось не так много Огнекровных. Когда человек сбегает из тюрьмы, на это сразу обращают внимание. Особенно в аббатстве, которое поклоняется Форсу. Интересно, кто тебя привел туда? Боюсь, твои монахи были не особо откровенными.

– Где они? – закричала я, отодвигая стул и вскакивая.

Я представила монахов в тюрьме Блэк Крик, под ногами бегают крысы, пока они спят, и их старые кости ноют из-за того, что лежать приходится на твердом каменном полу.

Гул разговоров за столом внезапно стих.

Король указал мне на место.

– Сядь, Огнекровная. Твои монахи не пострадали. Они в своем аббатстве, продолжают жить, как обычно.

Я пристально посмотрела на него, желая прочесть правду в этих пустых глазах.

– Я тебе не верю.

Над столом нависла тишина, все уставились на меня. Стараясь успокоиться, я снова заняла свое место, и разговоры возобновились.

– Ты думаешь, что они здесь, в плену? – тихо спросил он. – Подвергаются пыткам за то, что прятали тебя?

– Ты можешь держать их где угодно. Тюрьма Блэк Крик находится недалеко от аббатства.

Король отпил немного вина, затем спокойно поставил свой кубок на стол.

– Хорошо, что ты понимаешь всю степень опасности для тех, кого любишь, Огнекровная.

Мне вдруг захотелось, чтобы я никогда не знала никаких бед и забот, чтобы я освободилась от всех чувств, как было когда-то в тюрьме, где моим единственным чувством была ненависть.

– Расскажи мне, что случилось на арене, – мягко попросил он.

Я уставилась на свои колени, вцепившись в платье так, что побелели костяшки пальцев. Все, что я ему скажу, он потом сможет использовать против меня, и это помешает уничтожить трон.

Король вздохнул в ответ мое молчание и откинулся на спинку стула.

– Ты считаешь меня врагом, – сказал он. – Но, когда я смотрю на тебя, я не вижу врага. Я вижу потенциал.

Я покачала головой. Еще один человек хочет использовать меня, и на этот раз тот самый человек, которого мне нужно уничтожить.

Он играл со своим кубком.

– Что-то случилось с тобой на арене... перед тем, как ты нанесла смертельный удар. Твои глаза потемнели.

И тут мне вспомнилась старая сказочница из леса. Она говорила, что Минакс проникает под кожу, делает глаза и кровь черными, превращает тебя в злобное и кровожадное существо, жаждущее делать зло для Минакса в обмен на блаженное забвение во тьме.

Я сделала глоток из кубка, проклиная дрожащие руки.

– Ты знаешь, что там с тобой произошло. Однажды ты доверишься мне и все расскажешь. Но для начала – жест доброй воли. Я сделаю кое-что для тебя, а ты сделаешь кое-что для меня.

– Что ты сделаешь для меня?

Он замолчал, надеясь полностью завладеть моим вниманием.

– Я дам тебе шанс встретиться с капитаном, который убил твою мать. Убей его, если хочешь.

Я резко вдохнула. Как мог он так говорить о человеке, сидевшем всего в нескольких метрах от него?

– Капитан, который выполнял *твой* приказ? И *ты* отдашь его мне?

– Да.

– Почему? – я почувствовала, как у меня на шее дернулась мышца. – Зачем тебе это?

– Я сказал тебе, зачем. Чтобы доказать, что ты можешь мне доверять. Если ты дашь мне то, что я хочу, и я награжу тебя. Мы можем стать полезными друг другу.

Он застиг меня врасплох, я была смущена и сбита с толку. Я сняла всю защиту и сидела и говорила с королем, как будто я была его желанным гостем, а он моим радушным хозяином. В моей груди вспыхнул гнев на себя и на него, нуждаясь в выходе. Я взмахнула рукой и послала тонкую струю пламени на стол. Оно зашипело, а затем исчезло, оставив после себя след. Вниз от центра стола до самого края побежала трещина.

Над столом нависла густая тишина, я взглянула ему прямо в глаза, тяжело дыша. Он обдал меня темным леденящим кровью взглядом. Если он думает, что я испугаюсь и начну извиняться, он ошибается. Я была рада испортить стол. Мне хотелось разбить его вдребезги.

Он поднял руку. Я приготовилась к удару, но он положил её на стол, наполнив тонкими линиями льда трещину, и мгновенно запечатал ее. Затем он схватил меня за руку и притянул ее к столу, чтобы мое тепло растопило поверхность. Кожу покалывало от его прикосновения.

Я отдернула руку, и король снова дотронулся до стола, замораживая воду. Поверхность была ровной и совершенной, как будто ничего не произошло.

– Видишь? – сказал король. – Лед и огонь могут работать вместе. Считай это уроком.

Я смотрела на стол, на трещину, которая так легко исчезла. Мне стало интересно, можно ли будет и меня уничтожить так же легко, если я стану бесполезной.

– Раз ты не голодна, то можешь идти, Огнекровная.

Не говоря ни слова, я встала и подошла к стражникам, игнорируя взгляды, которыми меня провожали. Когда двери открылись, король произнес:

– Ты снова сражаешься через три дня.

Глава 22

– Я должна поблагодарить вас, – сказала Дорина тихим голосом. – Вы уничтожили убийцу моего брата.

Прошло три дня, которые показались мне вечностью. Я все время сидела в своей комнате, и только визиты Дорины изредка нарушали монотонность моего существования. Сегодня я опять должна была выйти на арену, и она пришла помочь мне одеться в красную тунику – ее постирали, и она больше не пахла потом и кровью. Каким-то образом ей удалось найти маску, в которой я была в прошлый раз. На левую руку я надела перчатку из кожи со стальными пластинами, чтобы защитить ещё не заживший палец.

– Ты про что? – спросила я.

Она судорожно сглотнула.

– Гравнах убил моего брата. Ему было всего четырнадцать – слишком молод для арены. Но наша семья была так бедна, что Лорк был готов на все, чтобы выиграть призовые деньги. Он... – прежде чем продолжить, Дорина прижала ладонь ко рту и закрыла глаза. – Он был самым младшим в семье. Мама сошла с ума от горя. Из-за этого монстра я лишилась и матери, и брата. А теперь вы убили его, и я вам очень благодарна.

Меня тронула ее признательность, хотя я ее и не заслуживала. Я просто пыталась выжить. И я очень хорошо понимала, что ей хотелось отомстить, но говорить об этом не могла.

Она умоляюще посмотрела на меня.

– Обычно я ничего такого не говорю, но я чувствовала, что должна поблагодарить вас. Если вы кому-нибудь расскажете, что я плохо говорила о чемпионе, меня накажут.

– Да мне бы такое и в голову не пришло, Дорина. И я рада, что его смерть принесла покой твоей душе. Но я сделала только то, что была вынуждена делать. У меня ведь не было выбора.

Когда я оделась, Дорина не стала заплетать мне косы, оставив волосы струиться по спине. Она встала и решительно посмотрела на меня.

– Я буду болеть за вас, миледи, независимо от того, что думают все остальные.

Несколько минут спустя стражники провели меня через двор. От меня нервными волнами исходило тепло, пока я шла, стараясь не обращать внимания на несшиеся со всех сторон крики.

– Умри, Огнекровная, умри!

Теперь я знала, чего ждать на арене, но повезет ли мне выжить и на этот раз, было неизвестно. Тварь, проникшая мне под кожу, могла появиться снова. Нервно, я рассеянно, почти лихорадочно бродила туда-сюда под навесом; другие бойцы сторонились меня, так что у меня была возможность успокоиться.

– Осторожно, Огнекровная, – сказала Брака, – а то сгоришь, не выходя на арену.

Я остановилась и повернулась к ней. Мысли о брате Дорины заполнили все мои мысли. Если мальчика выпустили на арену один раз, значит, последует и второй, и третий. Убить ребенка? Даже думать об этом было страшно.

– Тебе когда-нибудь приходилось сражаться с людьми, которые вообще ни в чем не виноваты? – спросила я. – С теми, о ком ты точно знала, что им нечего делать на ринге? Ведь ты же была чемпионом когда-то.

Она покачала головой, сосульки в ее волосах тонко звякнули.

– Я сражалась много лет назад, при короле Акуре. Тогда все было по-другому. На ринг выходили только опытные воины.

Она открыла рот и снова закрыла его, возможно, не желая продолжать. Я почувствовала ее расположение – она, как и Дорина, не испытывала ко мне ненависти за мою Огненную кровь.

– Сегодня тебе положен меч, – наконец произнесла она, протянув мне меч в кожаном чехле.

Я с отвращением взглянула на оружие: мне будет неприятно касаться холодной стали – врага моего естественного тепла.

– У меня почти нет навыков боя с мечом.

Она пожала плечами.

– Выбор короля.

Я вытащила клинок, пробуя его на вес. Не большой и не слишком тяжелый, он удобно лег мне в руки.

– Зрителей приветствует чемпион, – сказала Брака. – Это традиция – выходи!

Я следовала за процессией по сумрачным коридорам, которые, видимо, располагались по всему периметру арены. Через несколько минут мы оказались у выхода с противоположной стороны, откуда бойцы выходили в прошлый раз. Там группами стояли люди: мужчины с копьями, державшие за поводья белых лошадей; погонщики, пытавшиеся успокоить животных, тянувших поводки в разные стороны; бойцы всех видов и размеров, включая оборванных мужчин и женщин в цепях и воинов в блестящих стальных кольчугах и шлемах.

Седовласый ведущий, пробившись сквозь наши ряды, размашистым шагом вышел в центр арены. Сегодня на нем была синяя мантия, украшенная вышивкой и подбитая белым мехом, а на шее и пальцах мерцали серебряные украшения. Он приветствовал толпу так же, как и в прошлый раз, напоминая людям, чтобы они почтили короля, подбадривая чемпионов и проклиная врагов. Когда он закончил говорить, на арене появились всадники с копьями на белых лошадях и начался парад. Чемпионы шли пешком, я замыкала шествие. За нами шли экзотические животные и их погонщики.

Под нашими ногами клубами взметалась пыль, танцуя в лучах солнечного света. Я обвела взглядом трибуны, посмотрела на балкон короля. Сегодня он был в белой мантии с золотой отделкой, сияющей на ярком солнце. Голова его медленно поворачивалась, словно он следил за каждым моим шагом. Краем глаза я увидела Мареллу в бирюзовом платье. Но мой взгляд как магнитом тянуло к королю. С каждым разом мне все труднее было отвести от него глаза.

– Сегодня для добрых людей Форса мы приготовили сюрприз, – сказал ведущий. – Зрелище, которого вы никогда не видели. Сегодня нашим чемпионам и их противникам придется быть вдвойне начеку. Мы выпускаем на арену редкого и опасного снежного тигра Сизара и быка-исполина Бракса – талисмана северных племен. Им все равно – чемпион перед ними или его противник!

И он с широкой улыбкой жестом указал на животных. Тигр метался туда-сюда, скалясь и рыком пугая толпу. Бык фыркал и бил копытом землю, дергая ярмо, которое с двух сторон удерживали погонщики.

– В каждой схватке, – сказал ведущий, – будут биться один чемпион, его противник и два зверя. Если животные выживут, они оба будут участвовать в следующем бою. Но живым с арены уйдет только один мужчина или женщина, или, возможно, животное.

Трибуны разразились овациями.

У меня кровь отхлынула от лица. Я задрожала и прислонилась к деревянной колонне в нише, пережидая приступ головокружения. Людям собирались вырвать горло ради удовольствия толпы. Мне захотелось оттолкнуть ведущего и броситься на толпу.

– Но наши звери голодны. Их надо покормить перед схваткой с чемпионами. И мы приготовили для них парочку предателей, – неплохо для перекуса, не правда ли?

Толпа снова взревела.

На арену поволокли двоих мужчин в цепях. Когда они проходили мимо, один показался мне знакомым.

– Клэй, – выдохнула я.

Мне не верилось, что это сын мясника из нашей деревни – тот самый, который подарил мне первый поцелуй, а потом сказал солдатам, что я Огнекровная, положив конец прежней жизни.

Казалось, с тех пор прошло лет сто, но это точно был Клэй. Я узнала его по сломанному в драке носу. Я помнила, как моя мама ругала его, что он не пришел раньше, когда кость еще не начала срастаться.

Я колебалась. Конечно, можно было подождать, пока он выйдет на арену, и я больше никогда его не увижу. Но он из моей деревни, и, независимо от того, что он сделал, он тоже оказался в этом ужасном месте, как и я.

– Подождите, – сказала я стражнику, который держал его цепь. – Пожалуйста, я его знаю.

– Это никого не волнует, Огнекровная. Прочь с дороги.

Брака отвернулась от бойца, с которым разговаривала, и подошла к нам, положив руки на бедра, уставившись на стражника ледяным взглядом.

– Чемпион короля обратился к вам с просьбой. Уделите ей минуту.

Стражник пристально посмотрел на нее, но первым отвел взгляд.

– Только минуту.

Я поблагодарила Браку и подошла к Клэю. Он сурово взглянул на меня, но потом глаза его в изумлении округлились.

– Руби?

– Что случилось? – спросила я ровным голосом. – Ты же так старался помочь им, сдав меня и мою мать, а теперь они называют тебя предателем.

Он покачал головой, взгляд оставался напряженным.

– Я не хотел предавать ни тебя, ни твою мать.

– Поэтому позвал солдат? Или сожаление настигло тебя позже?

– Не делал я этого, – быстро ответил он. – Но, когда они пришли, у меня не было выбора. Они пригрозили убить нас, одного за другим, если мы не скажем, где живет Огнекровная. Но я не знаю, как они узнали про тебя.

– Ты знал про меня. После того, как ты прикоснулся ко мне... об этом легко было догадаться. И я не убивала твоего брата. Я пыталась его спасти!

– Я знаю, но... Я не хотел, чтобы меня считали предателем. Моя семья пострадала бы, ты же понимаешь. Но, клянусь, они пришли не из-за меня.

– И все же ты здесь. Что случилось, Клэй?

Стражник потянул Клэя вперед.

– Послушай, Руби, – прошептал Клэй, наклонившись ко мне, пытаясь сопротивляться стражнику. – Тот день изменил меня. Я не смог забыть того, что случилось с тобой... из-за меня. Поэтому я ушел из деревни, нашел других людей, которые были сыты по горло жестокостью короля. И в прошлом году они собирали силы для борьбы, – он повернулся и плюнул на землю. – Вот что я думаю о Ледяном Короле, который сидит на троне.

Стражник ударил Клэя по голове, и тот споткнулся. Я протянула ему руку, чтоб он мог опереться.

– Хватит болтать, – сказал стражник.

И Клэя вытолкнули на арену.

Значит кто-то другой привел солдат в деревню. Он выдал меня, потому что у него не было выбора. Мне не хотелось его оправдывать, но в глубине души я понимала, что он оказался между молотом и наковальней, защищая людей, которых любил.

Погонщики зашли под навес, закрыв проход и укрывшись от животных. Когда тигра отпустили с поводка, я заметила, что руки Клэя и другого заключенного все ещё были в кандалах. У них не было ни одного шанса.

Тигр встряхнулся и зарычал на погонщиков за воротами, а затем, развернувшись, выскочил на арену. Другой заключенный побежал к навесу, но всадники, ощерившись частоколом копий, заставили его развернуться. Клэй просто стоял в центре арены – глаза закрыты, рот беззвучно двигался. Похоже, он молился.

Что-то всколыхнулось у меня в груди: гнев, горечь, боль, все закрутилось в тугую воронку, разливаясь жаром по рукам и ногам.

Обойдя весь ринг по краю, Тигр, наконец, заметил Клэя. Он медленно приблизился, обнюхивая воздух и рыча, а потом нанес пробный удар лапой. Полоснув когтями по оборванным штанам Клэя, он разодрал ему бедро. Запах крови одурманил животное. Он снова ударил, а затем бросился на Клэя с оскаленной пастью.

Не осознавая, что делаю, я выскочила на освещенную солнцем арену.

Глава 23

Клэй замахнулся на тигра, ударив его цепью. Когда я подбежала к нему, насмешки и ругательства слились в непрекращающийся гул. Выхватив меч из ножен, я резанула тигра по плечу, когда он снова кинулся на нас. Зарывчав, он отошел прочь, обнажая длинные, острые зубы. Я стояла спиной к Клэю, выставив вперед меч.

– Что ты делаешь? – прошипел он за моей спиной.

– Мы из одной деревни, – ответила я, пока тигр ходил взад-вперед, яростно сверкая голубыми глазами. – А это значит, что я сражаюсь с тобой.

Ответить он не успел – ведущий заговорил с балкона слева от меня.

– Похоже, Огнекровная не может дождаться своей очереди. Что скажете, если и мы выпустим ещё соперников? Вот это будет зрелище!

Толпа одобрительно взревела, и из ниши выбежал человек в шлеме, закрывающем лицо. Одновременно выпустили белого быка, ярмо свалилось на землю. Его изогнутая спина поднялась в воздух, а затем, ударив копытами, он бросился к заключенному, который пытался забраться наверх по отвесной ледяной стене на краю ринга. Люди на трибунах смеялись и бросали камни. Часть камней попала в быка, еще больше разъярив его. Острые рога животного вонзились в спину несчастного. Он упал и остался неподвижно лежать на земле.

Затем бык развернулся к человеку в шлеме. Тот стоял с мечом наготове, но в последний момент бросился в сторону и, направив меч вверх и направо, нанес точный удар в бок быку. Бык взревел от боли и ярости и повернулся к бойцу. Мышцы его напряглись, приготовившись к броску.

Тигр же рыскал возле нас. Каждые несколько секунд он двигался немного вперед и тут же отступал, ускоряя темп. Мне приходилось все время вертеться, бросаясь на него с мечом и защищая Клэя. Животное было так близко, что я могла сосчитать его ребра. Мне было жаль несчастного голодного зверя, такую же игрушку в руках короля.

Я повернулась и увидела, что бык уже повержен, и меч поднят над его головой. Я отвернулась, когда воин нанес смертельный удар. Толпа аплодировала.

– Ты не сможешь спасти меня, – сказал Клэй. – Только один человек покинет арену живым.

Я покачала головой, мысленно отвергая его слова.

Воин вытер свой окровавленный меч о белый мех быка и направился ко мне. Я изменила позицию, оттолкнув Клэя за свою спину, стараясь не выпустить из вида ни тигра, ни воина. Когда я направила меч на воина, тигр воспользовался преимуществом и бросился вперед.левой рукой я швырнула в животное огнем. Он отступил, и я создала линию огня между нами.

– Оставь и мне немного, – сказал мой противник.

Я узнала голос еще до того, как он снял свой шлем. Когда он показал свое лицо, толпа разразилась восторженными криками.

Капитан Дрейк.

Я подняла меч, а он спрятал свой в ножны и показал ладони. Я подождала, пока он вышел вперед и остановился в нескольких метрах от меня.

– Ты сожгла моих солдат, а затем заставила меня гоняться за тобой по всему королевству, – сказал он. – Некоторые из тех, кого ты украсила шрамами, сегодня здесь, на трибунах. Они будут счастливы, когда я отомщу за их боль.

– Ты убил мою мать, – сказала я, жар уже рвался наружу сквозь пальцы. – Сегодня ты заплатишь за это своей жизнью.

– Давай, попробуй, – сказал он, возвышая голос над гулом толпы.

Он сделал несколько плавных движений мечом, демонстрируя свою ловкость. Затем повернулся и низко поклонился женщине, стоявшей на трибуне за его спиной, и девочке, у которой были глаза капитана и волосы такого же песочного цвета. *Его жена и дочь*, подумала

я. Девочка, которой он хвастался за ужином у короля.

Тебе когда-нибудь приходилось сражаться с людьми, которые вообще ни в чем не виноваты? Об этом я спросила Браку. Но капитан был виновен. На его руках кровь бесчисленного множества людей. И все же... убить его на глазах жены и дочери. Этого мне не хотелось. Меня воспитывали так, чтобы я ценила жизнь и помогала сохранять ее. Я не хотела, чтобы дочь капитана страдала, наблюдая за смертью отца.

Мой отчаянный взгляд нашел короля на балконе, его украшенная золотом одежда и волосы сияли, как у божества. Поза была расслабленной, но взгляд темных глаз был тверд и непоколебим.

– Я не хочу этого, – четко произнесла я, и слова эхом прокатились по арене, заполненной затаившимся гомоном замершей в предвкушении толпы.

Губы короля приподнялись с одной стороны, и мне показалось, что он насмехается надо мной. *Ты очень хочешь этого*, говорил его взгляд, одновременно ласковый и торжествующий. *Ты просто не хочешь это признавать.*

Марелла сидела рядом с ним. Она слегка наклонилась вперед, руки вцепились в подлокотники кресла, фиалковые глаза были широко раскрыты. Она должна понимать, что это неправильно. Но у нее было странное выражение лица – ее тонкие черты заострились, словно... от напряжения? Предвкушения? Возбуждения?

Капитан рассмеялся.

– Умоляешь короля? Даже и не надейся... Неужели ты меня боишься, Огнекровная? Так я и думал. Тебе повезло с Гравнахом. У него просто не выдержало сердце, и ты тут не при чем.

– Я не хочу тебя убивать, – сказала я, стряхнув замешательство и повернувшись спиной к балкону короля.

– К счастью, меня не мучают никакие угрызения совести.

И он взмахнул клинком в мою сторону. Я подняла свой, чтобы заблокировать удар, но просчиталась, и он полоснул меня мечом по плечу. Зашипев от боли, я споткнулась.

Капитан улыбнулся, обнажая белые зубы.

– Ты не умеешь обращаться с мечом. Держишь его, будто разделяешь жаркое.

Прежде чем я успела перевести дух, он сделал ложный выпад вправо, а затем прыгнул влево, разрезав мечом кожаные ремни, державшие мои доспехи. Я прижала руку к ране, из которой по коже растекалась теплая кровь.

– Тебя так просто уничтожить, Огнекровная, – сказал капитан.

С молниеносной скоростью он срезал прядь моих волос, разлетевшихся по ветру, как тополиный пух. Толпа рассмеялась и заулюлюкала, приветствуя точность его ударов.

В отчаянии я бросила меч на землю и послала спираль огня на его штаны. Он закричал и выругался, стряхивая обгоревшую ткань.

Затем он направил клинок на меня, прямо в сердце, но я отпрыгнула в сторону. Стараясь держать его на расстоянии, я стреляла огненными стрелами, втыкавшимися в землю у его ног.

Толпа начала скандировать.

– Смерть Огнекровной!

Капитан кружил вокруг меня, и в его глазах сквозила жажда убийства. Он смотрел лениво, но предвкушал удовольствие – точно такой взгляд был у него перед тем, как он убил мою мать.

За его спиной появилась размытая тень. Я почти забыла о Клэе, пока не увидела его скованные цепью запястья, которыми он с силой ударил капитана по голове, заставив его упасть на колени.

– Это был мой дом, ты, сволочь, – сказал Клэй, плюнув на капитана.

– Клэй, нет! – я бросилась вперед, чтобы оттолкнуть его, но капитан отреагировал с

ошеломляющей скоростью. Все ещё стоя на коленях, но выкинул руку с мечом за спину и ткнул Клэя в живот – я и охнуть не успела. Широко открытыми глазами Клэй посмотрел на меня и упал на землю.

Я закричала, чувствуя его боль, как свою собственную. И в этот момент у меня в сердце опять всколыхнулась тьма, разжигая ярость и наполняя руки и ноги силой. Мои чувства обострились. Атаки стали более быстрыми и плавными.

Я использовала хвост дракона, на этот раз нацелившись на грудь капитана. Он огрел его, как хлыст, нагрев металлические доспехи. Я ударила ещё раз с другой стороны. Огненные стрелы и горячий вихрь подняли пыль на арене, забивая ей глаза. Я использовала все приемы, которые знала, один за другим, импровизировала, а затем повторяла снова. Он отступил, пошатываясь. Вытянув руку, я швырнула бурлящим жаром на его меч.

Он закричал и выронил оружие.

Вон он мой шанс. Я могла прикончить его. Убийца моей матери будет мертв, и я, наконец, освобожусь от него.

Вдруг краем глаза я увидела две прижавшиеся к барьеру фигуры: жена капитана – рот сжат, лицо напряжено, и дочь – с широко открытыми глазами, длинной косой через плечо.

Я остановилась. Его дочь станет такой же, как я, погрузится в скорбь, все ее мысли будут только о мести. Она навсегда возненавидит Огнекровных. И никогда не будет конца этой ненависти и мести.

– Притворись, что умираешь, – сказала я, поворачиваясь к капитану. – Я брошу в тебя огонь.

Он собьет тебя с ног. Когда они узнают, что ты жив, будет уже поздно. Я не убью тебя.

Пока я колебалась, он пришел в себя, подобрал свой меч и держал его с мрачным видом.

– Ты, наверное, сошла с ума, огненная дрянь. *Я убью тебя.*

– У тебя нет дара. Поэтому ты знаешь, что у тебя нет шансов. Послушай, – я указала на трибуны, все еще держась от него на расстоянии. – Твоя дочь здесь. Я не хочу убивать тебя у нее на глазах. Сглотив, я прошептала слова, о которых и подумать не могла. – Это не вернет мою мать.

В его глазах мелькнул расчет.

– Мне не нужен дар холода. Никакой дар не помог твоим драгоценным монахам, когда мы пришли в аббатство и перерезали их как овец.

Я покрылась холодным потом. Земля ускользала из-под ног.

– Я не верю тебе.

– Ты не веришь, потому что не хочешь. И вот еще что я тебе скажу, огненная дрянь. Я слышал твой разговор с деревенским парнем. Он говорил правду. Это не он послал за нами. Ты сама себя выдала.

– Теперь я точно знаю, что ты лжец.

– У нас был временный лагерь на горе Векс, к северо-западу от вашей вонючей деревни. Тебе нравилось ходить в лес и разводить огонь, ведь так? Ты там практиковалась.

– Ты не мог видеть.

– Двое моих людей видели тебя в лесу – ты опустила руки в костер, но они не горели.

Он бросился на меня, и я отпрыгнула назад, пытаюсь восстановить равновесие.

– Даже жители деревни не знали, что я Огнекровная, ублюдок.

– Парень знал. Ему щедро заплатили за признание. Но это ему не очень-то помогло.

Если его слова были правдой, все было даже хуже, чем я думала. Ведь это я, будучи Огнекровной, привлекла внимание солдат, пытаюсь спасти брата Клэя. Это была моя небрежность, мое стремление практиковаться, несмотря на то, что это угрожало всем вокруг,

включая мою мать – человеку, которого я больше всего любила. За мой эгоизм она заплатила жизнью.

Движение сбоку вернуло меня в реальность. Капитан отвлек меня, и огонь, отгораживающий нас от тигра, погас. Капитан метнулся в сторону, и тигр бросился на меня размытым потоком сине-белых полос. Я излила поток огня, но тигр был слишком быстр, и я не могла как следует прицелиться. Тяжелые лапы ударили меня по плечу, сбив с ног. Казалось, из легких вышел весь воздух, на лицо закапали слюны тигра. Его морда нависла над моей шеей, ярко-белые острые клыки несли смерть. Мне надо было действовать.

Но не успела я вызвать огонь, как шею животного пронзил меч. Хлынула кровь, и зверь, издав страшный рык, упал на меня и замер.

Я охнула и дернулась изо всех сил, пытаясь сбросить его тело. Пара рук оттолкнула тушу в сторону. Капитан стоял надо мной, освещенный солнцем.

– Хочу получить удовольствие, поэтому убью тебя сам, – сказал он, поднимая меч.

Время замедлилось. Тьма свернулась у меня в груди в плотную спираль, и мир стал черно-белым.

Я увидела маму, меч капитана над ее головой, его взгляд в тот момент, когда он опустил оружие. Услышала собственный крик, когда она рухнула на заснеженную землю. Я снова видела этот взгляд. Смертоносный взгляд. Он убьет меня. Я умру, и он будет рассказывать об этом за кружкой эля, окруженный теплом и заботой, в кругу семьи, которой у меня не будет никогда, потому что он забрал все.

Все переживания, все сомнения в том, правильно ли я поступаю, исчезли. Осталась только цель – его черное сердце и мой пылающий огонь. Не было ни страха, ни гнева, ни стыда, ни сожаления. Просто сила, наполняющая, пронизывающая меня насквозь. Мне казалось, что я вобрала в себя весь воздух с небес, а моя ярость превратила солнце в пепел. Я была всем и ничем, и никто не мог остановить меня. Я была тьмой во плоти.

Я подняла руку. Огонь вспыхнул за считанные секунды.

Капитан содрогнулся, его затрясло в спазмах, которые, казалось, длились вечно. Наконец, меч его упал на землю, и вокруг взметнулась пыль белыми зернами, в которых отразилось солнце.

Когда он медленно упал на землю, меня распирало от экстаза. Никогда я не чувствовала такого блаженства.

Я стояла и смотрела на толпу, черно-белые тела и лица людей медленно двигались, что-то скандируя. В груди бились черными пятнами их сердца.

Я обернулась и посмотрела на короля. Он был серым, но сердце его почернело. Пока я глядела на него, он потемнел, раздался в заострившихся плечах, а на голове выросли рога. Вместо короля из тьмы смотрел монстр – смотрел и звал меня. Мне захотелось стать его частью. Мне хотелось стать им. Я шагнула вперед.

И в этот момент с трибун чем-то швырнули мне в затылок. Я упала на колени, и мир снова стал прежним. Сразу же вернулись цвета. Тело болело и ныло. Сила исчезла. И из груди у меня вырвался страшный крик.

Страдание наполнило меня до краев, и мысль об утрате силы была невыносимой.

Где-то у края арены послышался голос ведущего.

– Огнекровная снова победила. Троекратное «ура» для нее!

Но никто не кричал мне «ура», толпа затихла, как волна, откатившаяся назад в море. Смутно я чувствовала их замешательство и потрясение от того, что снова выиграла Огнекровная.

Капитан лежал рядом, глаза были все еще широко открыты, изо рта струйкой стекала кровь. Я сделала это. Всего несколько мгновений назад он дышал и сражался, а теперь он мертв и неподвижен.

Я просмотрела на толпу. Жена капитана склонилась над барьером, сотрясаясь от рыданий. Его дочь, наоборот, стояла молча. В ее взгляде была лишь ненависть, не оставившая места для слез. Я превратила ее в себя.

– Он убил мою мать, – прошептала я, как будто это имело значение. Ее отец ушел навсегда. Жажда мести будет только расти, пожирая ее изнутри, как и меня.

– Огнекровная, – сказал король с балкона позади меня.

Я повернулась вовремя и увидела, как его руки поднялись вверх и послали в меня ледяные стрелы. Я бросилась в сторону, но огромная и острая, как меч, стрела пролетела по воздуху и воткнулась в землю в нескольких сантиметрах от моей головы.

Толпа зааплодировала.

Его лицо расплылось в широкой ухмылке.

– Такой грозный чемпион. И все же, все видят, ее сила не сравнится с моей. Даже самые совершенные и мощные воины Ледяной крови склоняются передо мной. Вот она – сила трона Форса!

Он широко раскрыл руки и с его рук побежали ледяные ленты, покрывая стены арены свежим слоем. Толпа ахнула и снова зааплодировала. Король взмахнул руками, и льдом покрылась вся арена. Затем из его рук пошел ледяной дождь, острые льдинки царапали меня, и мне пришлось присесть и закрыть лицо и голову руками. Несколько ледяных осколков разорвали мне тунику, порезав кожу.

И вновь во мне жгутом свернулась тьма, превратив мир в черно-белую картину. Я повернулась, чтобы увидеть короля, но не увидела его сердца – цели не было – только черное пятно вместо него.

Через несколько секунд ледяной дождь закончился, но толпа продолжала бесноваться.

Я встала и направилась к навесам, где ждала Брака. Когда наши взгляды встретились, она вздрогнула и отстранилась.

– Твои глаза...

– Что? – спросила я.

Она наклонила голову и моргнула.

– Я подумала... Нет, ничего.

Ошеломленная и дрожащая, я заковыляла под навес.

– Ты снова победила, Огнекровная, – сказала Брака. – Но я все равно не могу понять, как.

Я тоже не понимала. И я была напугана – никогда в жизни мне не было так страшно.

Глава 24

Стражники сопроводили меня обратно в мою комнату. Я прислонилась к закрытой двери.

Во рту у меня появился горький вкус. Я задержала дыхание и постаралась не дышать как можно дольше. Я знала, что, как только начну дышать снова, время ринется вперед, разрывая мне сердце острыми когтями скорби.

Я сползла на пол, поджав колени к груди.

Я потеряла Клэя, и это было похоже на потерю дома, как будто я снова и снова наблюдала, как горит деревня. Но еще хуже было узнать правду об аббатстве. Разграблено. Осквернено. Монахи убиты.

Почему они не защитили себя? Брат Тисл с его глупыми высокими идеалами и надеждами на пророчество. Он думал, что избежит гнева короля? Спас меня из тюрьмы и погиб за это. А где Аркус? Говорил, что защитит меня. Забыл обо мне?

Часть за частью, я теряла себя. Блаженство, которое я чувствовала после убийства капитана... Брака что-то заметила в моих глазах. Месть внезапно показалась мне абсолютно бесполезной, как пепел от сгоревших дров. Ощущение тьмы в этот раз было сильнее, острее. Если я продолжу сражаться на арене, если я продолжу убивать, я потеряю себя навсегда? Исчезну?

Не все ли равно, если все, кто был мне дорог, ушли?

Спотыкаясь, я поднялась с пола и сорвала маску, швырнув ее прочь, подошла к кровати и прямо в доспехах упала на нее.

Я услышала, как дверь открылась и закрылась.

– Не сейчас, Дорина, – сказала я.

– Это я.

С усилием я повернула голову.

– Тебя я тоже не хочу тебя видеть.

Марелла прошла в комнату, ее бирюзовое платье с пышной юбкой шуршало при каждом шаге. Я ощутила, как пахнет ее кожа – розовая вода и мыло – резкий контраст с запахом пота и крови, исходившим от меня. Я вдруг почувствовала, как сильное жжет руку, лодыжка пульсировала от боли. Проведя ладонью по плечу, я увидела, что из раны все еще идет кровь.

Она подняла юбку и осторожно обошла кровавые следы, которые я оставила на полу. Я свернулась калачиком, повернувшись к ней спиной.

– Ты опять победила, – наконец сказала она, и в ее голосе послышалась гордость. – Я говорила ему, что ты сильная.

– Победа... Именно это меня и убивает. Каждый раз, когда я побеждаю, я теряю часть себя. Я больше не могу это делать.

– Я понимаю, что ты скорбишь и чувствуешь себя потерянной. Но ты исцелишься и разумом, и телом.

– Тебе не понять.

– Конечно, ты права. Но ты слишком важна, чтобы сдаться, – сказала она, сжимая мое плечо, прежде чем отпустить руку. – Что у тебя на сердце, Руби? Только огонь? Или что-то еще?

Я открыла и закрыла рот несколько раз, прежде чем мне удалось говорить.

– Что ты имеешь в виду?

– Я думаю, ты знаешь. На арене. Что-то помогло тебе победить своих противников. И это что-то – ключ к нашим с тобой желаниям. Ты понимаешь, о чем я?

– Нет.

– Ты знаешь больше, чем говоришь. Но сейчас не время для секретов. Она наклонилась и подняла отброшенную мной маску. – Тебе не нужно носить маску, Руби. – Ее слова дразнили, но глаза оставались серьезными. – Я вижу тебя насквозь.

Она положила маску на кровать и ушла, изящно взмахнув юбками.

Меня разбудил шипящий звук. Тело мое затекло и словно окаменело. Я поняла, что заснула в доспехах. Я потерла глаза и повернула голову на подушке. В тонких лучах света под дверью танцевали тени, змеясь темными дымящимися струями и закручиваясь воронкой, словно черная вода заполняла прозрачный сосуд. Наконец, тени слились в темную плотную фигуру, стоявшую передо мной. Мне показалось, что, если я прикоснусь к ней, меня унесет в бесконечную пустоту. Это существо было гораздо больше человека, у него были широкие острые плечи, а над головой поднимались рога, которые постоянно меняли форму и иногда становились похожи на корону.

Я лежала на кровати, застыв от страха. Оно двинулось вперед, и каждый шаг сопровождался странным свистом, напоминающим низкое звучание флейты. Возле кровати оно остановилось и склонилось надо мной.

– Истинный сосуд, – произнесло оно так, будто одновременно ударили тысячи колоколов. – Мы с тобой соединимся, когда твое сердце будет кровоточить, когда в твоей душе не останется ни искры света. Ты почувствуешь такую свободу, какой не ощущала никогда.

Оно потянулось ко мне, я хотела закричать, но тут раздался стук в дверь. Вцепившись в одеяло, я оглядела комнату круглыми от ужаса глазами. Вокруг было пусто.

Дверь открылась, и мелкими шажками вошла Дорина – ее мягкие коричневые туфли не издавали звуков.

– Давайте я помогу вам снять доспехи?

Она вздохнула, увидев высохшую кровь, бормоча что-то о безответственности придворной целительницы, которая уже давно должна была прийти. Она быстро, но осторожно сняла доспехи. Я сидела неподвижно, не в силах выкинуть из головы образ навестившего меня существа. Было это на самом деле и просто привиделось?

– Что-то случилось, миледи? – спросила Дорина.

Осознав, что сижу с застывшим от ужаса лицом, я постаралась успокоиться и заверила ее, что просто устала. Одно присутствие этой тихой девушки изгнало сумрачные тени из моего сознания.

В конце концов, явилась целительница и с суровым видом осмотрела мою рану сбоку.

– Этот порез довольно глубок, – сказала она таким тоном, будто я нарочно поранила себя. – Надо накладывать швы.

Лекарство, которое она дала мне, чтобы облегчить боль, было горьким и не таким эффективным, как чай Брата Гамута, но оно сняло напряжение. Наложив швы и перевязав раны, она осмотрела мою лодыжку.

– Необходим отдых, как минимум, неделя. И нужен лед на лодыжку.

– Ну, в этом недостатка нет, – пробормотала я.

Я никак не ожидала, что мне разрешат отдыхать целую неделю, как предписала целительница. Дни тянулись медленно, полные скуки и растущего чувства безысходности. Мне хотелось исследовать замок, больше узнать о троне и разобраться, что делать дальше. Но вместо этого я лежала в постели, стараясь как можно меньше шевелиться, чтобы не разошлись швы.

Целительница приходила каждый день, чтобы сменить повязки, а Дорина приносила мне еду, иногда задерживаясь чуть дольше, чтобы поболтать, если у нее была свободная минутка. Иногда она приносила с собой одежду, которая нуждалась в починке, и, работая над ней, рассказывала мне новости дня. Сплетни быстро разносились по замку, распространяясь подобно болезни среди придворных и слуг.

Говорили, что короля посетили послы из Сафры, которые почти умоляли его о заключении мирного договора. Через несколько часов после их прибытия они покинули замок верхом на

лошадях, так и не достигнув цели. Очевидцы утверждали, что до подножия горы доехал только один сановник, а других король приказал наказать за безрассудство. Оставшийся в живых должен был передать королю Ремусу на востоке послание Ледяного Короля.

На одном из уроков брат Тисл рассказывал мне, что по крайней мере до начала войны у Сафры была довольно большая и хорошо подготовленная армия. Но, судя по всему, короля это не особо беспокоило. Его армия, возглавляемая генералами Ледяной крови, взяла под контроль главные ценности этого королевства – рудники и шахты для добычи полезных ископаемых на северо-западе – и теперь должна была просто удерживать эти земли.

Короля больше заботили сообщения о бунтах. В замке говорили, что он разослал еще больше доносчиков и начал проводить больше времени в командном пункте со своими советниками. Но Дорина сказала, что все эти слухи основаны на надежде, а не на фактах. Потому что, заметила она, разве кто-то осмелится восстать против Ледяного Короля?

К сожалению, она не могла рассказать мне ничего нового о троне. Когда я узнала, что она умеет читать, я попыталась убедить ее поискать в королевской библиотеке книги о троне, но она задрожала уже от самой просьбы. Я довольствовалась чтением тяжелых томов, которые принес слуга с приветом от короля: история военной славы Ледяных Королей за последнюю тысячу лет. Помимо прочего, они помогали мне заснуть.

Марелла не появлялась. Я задавалась вопросом, строит ли она еще какие планы или просто потеряла интерес ко мне, возможно, решив, что мои раны означают, что я не так сильна, как ей хотелось бы.

Неделя, наконец, прошла, и целительница, удовлетворенная ходом моего выздоровления, объявила, что я могу вернуться к обычным делам. Через несколько минут после ее ухода в комнату ворвался стражник.

– Стучаться не учили? – сухо спросила я, отрываясь от толстой книги по истории.

Он кисло посмотрел на меня.

– Король приглашает вас на ужин.

Пришла Дорина, чтобы помочь мне помыться и одеться. В этот раз мне принесли малиновое платье с белыми и синими лентами, которые крест-накрест пересекались под моей грудью и на талии. В ушах у меня красовались серьги филигранной работы с голубыми камнями. Завитые в локоны волосы свободно спадали по спине. Дорина размазывала на моих губах воск, чтобы сделать их блестящими.

– Вы прекрасно выглядите, – сказала Дорина. – Сегодня королю грозит опасность.

– Что ты хочешь сказать? – резко спросила я.

– Вы такая красавица, что он может влюбиться в вас.

Я вздрогнула.

– Типун тебе на язык.

Она слегка наклонила голову.

– Знаете, а такое уже бывало. Однажды король Ледокровных влюбился в Огнекровную.

Ее слова напомнили мне о разговоре с Аркусом в ту ночь, когда мы сидели бок о бок под полумесяцем – его едва заметный профиль в угасающем свете, его плащ, развевающийся на ветру, его взгляд, сверкающий в звездном свете всякий раз, когда он смотрел на меня. Именно тогда он в первый раз доверился мне и рассказал о своем прошлом. Он тоже рассказывал о Ледяном Короле, который полюбил Огнекровную. От воспоминаний у меня внутри все затрепетало.

– Я слышала историю об Огнекровной, которая стала королевой. А люди ее приняли?

– Ну... – Дорина посмотрела на меня и быстро отвела взгляд. – На самом деле все закончилось трагично. Королеву убили. Говорят, что дворянка, которая любила короля, ревновала и задумала убить королеву. Ее убили в первую годовщину их свадьбы.

У меня по позвоночнику прошла дрожь.

– Ужасная история.

Она задумчиво кивнула, нахмутив брови.

– Дела между огнем и льдом редко заканчиваются хорошо.

Я спокойно стояла, пока она заканчивала мою прическу, но не могла не думать о судьбе бедной королевы Огненной крови.

Когда стражник привел меня в зал, в ледяной люстре теплым светом горели свечи, мерцая от холода ледяных стен. В воздухе витал запах жареного мяса и специй.

На этот раз не было ни богато одетых женщин, ни придворных – только король во главе стола. В его волосах играли золотистые блики свечей. Мой взгляд остановился на стуле, на котором сидел капитан, когда я в последний раз была здесь. Я сидела всего через два места от него, желая, чтобы он умер. И он умер. Пал от моей руки.

Король был одет во все черное, и этот цвет резко оттенял его бледную кожу и светлые волосы, что снова напомнило мне о тех моментах на арене, когда мир становился черно-белым. Но свечи пока горели золотистым цветом, и блики на стенах были голубыми. Я глубоко вздохнула, прогоняя эти воспоминания из памяти.

И снова король указал на стул рядом с ним. Я медленно двинулась к нему. Сердце гулко стучало в ушах, когда я села на белый мех.

Он выглядел таким красивым и строгим. Руки у меня на коленях дрожали. В последний раз, когда я сидела здесь, он солгал мне о монахах. Мне хотелось вцепиться ему в горло. Или сжечь его на месте. Но даже вдали от трона он излучал силу, и он продемонстрировал это на арене. Моему огню не совладать с ним.

Он пристально разглядывал на меня, его губы слегка изогнулись в улыбке, но она не коснулась его глаз. У него были необычные глаза – почти полностью черные, с темно-синим ободком по краям.

– Ты замечательно выглядишь сегодня, Руби.

Я застыла при звуке своего имени.

Он расслабленно откинулся на спинку стула.

– Я выполнил свою часть нашей сделки, – сказал он ровным голосом. – Отдал тебе капитана. Разве ты не благодарна?

– Я не хотела его убивать. Во всяком случае не так.

– Не так, – повторил он с моей интонацией, пренебрежительно взмахнув рукой и не отрывая глаз от моей застывшей с прямой спиной фигуры. – Ты такая привередливая, Огнекровная. Ты хотела его убить и ты убила. Только это и имеет значение.

– Я убила его на глазах у жены и дочери, – прошептала я онемевшими губами. – И он сказал мне, что монахи уничтожены. По вашему приказу.

Он нахмурился и задумался, но затем его лицо разгладилось и приобрело обычное для него выражение безразличия.

– А, возможно, я забыл.

Я не была удивлена – он просто сбился со счета. Разве можно запомнить такое множество людей? Но небрежность, с которой он произнес эти слова, ошеломила меня.

Расмус сделал движение рукой, вышел слуга и наполнил его тарелку едой. Потом слуга сделал то же самое для меня. Сложив руки на коленях, я сидела и смотрела на него, пока он не ушел. А король долго смотрел на меня тяжелым взглядом, и мы оба по-прежнему молчали.

Потом он встал и схватил меня за запястье. Его холодная кожа обжигала меня сильнее, чем огонь.

– Вы делаете мне больно, – сказала я, пытаюсь вырваться.

– Мне тоже больно от твоих прикосновений, – ответил он, и его голос был таким же грубым,

как и его рука, тянувшая меня ближе. – Но мне нравится эта боль.

Однажды Аркус сказал мне, что мои прикосновения растапливают его лед, вызывая дискомфорт, потому что мое тепло проникает в его защиту и вынуждает его чувствовать то, что он не хотел бы чувствовать. Но сейчас было по-другому. Прикосновения короля причиняли боль мне, и я причиняла боль ему. Если ему это нравилось, значит он – извращенец.

Он подвел меня к стене напротив стола, затем нажал на едва заметную выемку в каменной стене, которая, видимо, запустила какой-то механизм. Распахнулась потайная дверь. Мы вошли в узкий туннель, освещенный факелами. Потолок был настолько низким, что ему пришлось наклонить голову.

– Это мой личный туннель, – сказал он, немного ослабив хватку на моем запястье, пока мы шли. Его голос тонул в узком пространстве. – Тебе невероятно повезло, что ты попала сюда. Открыв его тебе, я оказываю величайшее доверие.

Мое дыхание участилось. Я не сделала ничего, чтобы заслужить его доверие. И все же, если оно было, я должна использовать это в своих интересах.

Через минуту мы подошли к другой двери. Король толкнул ее, открыв тронный зал, задрапированный светом факелов и теней на фоне черной безлунной ночи. Трон был большим, и его присутствие угрожающе давило. Лед растекался от него в коридор, распространяясь по всему замку и попадая даже на арену. Когда я впервые увидела его, он напомнил мне сердце и идущие от него кровеносные сосуды. Теперь, когда на стенах дрожали тени, я поняла, что Минакс живет в троне, но передвигается по расползающемуся от него льду.

Я начала задыхаться, когда знакомая невидимая сила украла мой огонь.

– Что мы здесь делаем? – спросила я дрогнувшим голосом. – Я думала, мы будем ужинать.

– Ты же отказываешься есть. А я устал от игр. Тебе же хотелось сюда попасть. Поэтому ты здесь – это мой подарок тебе.

Он повел меня вперед, пока мы не остановились у трона, от которого исходили волны темной силы. Мне захотелось отодвинуться, сбежать, но в то же время меня тянуло к нему, словно бабочку к огню.

– Ты чувствуешь? – спросил он, прижимая мою руку к трону. – Чистая сила, мощь. Трон был создан самим Форсом в качестве дара народу Ледяной крови. Ты знала это?

– Да, – прошептала я, холод полз вверх по моей руке. – Но Форс – твой бог, а не мой. Он обжигает меня.

– Еще один дар был преподнесен его братом Эврусом. Некоторые называют этот дар проклятием ревнивого бога, который пытался уничтожить творение своего брата. Но это действительно дар – сила, которую могут чувствовать только избранные. Чтобы высвободить ее полностью, нужен правильный человек. Тот, кого создали носителем такой мощной силы.

– Дитя тьмы, – пробормотала я, сопротивляясь его хватке.

– Да. Когда я занял трон, он сказал мне, чтобы я нашел это дитя. Вместе с ней мы принесем на землю тьму. С ней я стану совершенством.

В глазах его горело волнение, которого я никогда раньше не видела. Я покачала головой, мой разум отказывался понимать смысл его слов.

– Но это не я. Я – не дитя тьмы.

Его ледяные пальцы коснулись моего подбородка, поднимая мое лицо, и наши взгляды встретились в мерцающем свете.

– Пророчество говорит, что дитя тьмы будет обладать мощным даром. Я испытал на арене всех самых сильных Ледокровных и Огнекровных. И только у тебя возникла связь с троном. Прекрати сопротивляться, Руби, и ты больше никогда не почувствуешь боли.

Я покачала головой.

– Но другие люди будут чувствовать боль. Люди страдают, а ты этого не видишь. Трон отнял у тебя сострадание. Ты стал монстром.

– Не монстром, – сказал он, поглаживая мою щеку пальцем. – Вместе мы – ты и я – будем подобны богам.

– Я не хочу быть богом! – я отшатнулась от него. – Я хочу быть целителем, как моя мама.

Это была правда, которой я не знала, пока не произнесла эти слова вслух. Мне хотелось научиться мягко касаться страждущих и мне хотелось научиться терпению. Но у меня были только яростные эмоции, сопровождавшиеся силой, способной только калечить и убивать.

– Хотя ты и отрицаешь, но убийство доставляет тебе удовольствие. Благодаря этому тьма проникает все глубже в тебя – с каждой смертью.

Он прижал меня к груди и нашел мои губы своими. Холод и тепло слились с тьмой, чтобы создать новое пламя. Его рот был тверд и холоден, но согрелся под моими губами, и внутри у меня спиралью вспыхнуло возбуждение. Его рука коснулась моего лица и запуталась в моих волосах, острый камень кольца врезался мне в щеку.

Его губы скользнули к подбородку, затем к ложбинке под шеей, опускаясь все ниже в прохладной ласке. На меня нахлынула целая смесь чувств – удовольствие и отвращение в равной степени. Мои руки нащупали его плечи, чтобы оттолкнуть, но вместо этого прижали к себе. Король оторвался от меня и улыбнулся.

– Моя кровожадная Огнекровная, – прошептал он, проводя подушечками пальцев по моим губам. – Думаю, еще один бой, и ты будешь готова. Как только ты позволишь Минаксу слиться с тобой, его сила увеличится в десятки раз, и вместе мы разделим её.

– Я не буду сливаться с ним.

– Но ты уже делала это у меня на арене. Неужели ты не чувствовала, что он помогает тебе? Он дает тебе силу убивать, ты убиваешь и этим укрепляешь его силу. Он испытывает полное блаженство.

Его слова напомнили мне сон, темное существо, которое говорило мне, что мы сольёмся, когда мое сердце станет черным.

– Но Минакс уже часть *тебя*, – сказала я.

Он слегка покачал головой.

– Он дает мне советы и придает силы, помогает мне. Да, благодаря моей короне, он делится со мной силой. Но слиться с ним полностью я не могу, а ты – можешь. Когда ты и Минакс объединитесь, мы создадим идеальную систему правления в идеальном королевстве. Никакие повстанцы не смогут противостоять нашей общей силе. Ни одна страна не сможет оспорить мою власть. И с ним внутри тебя мы не будем ограничены замком. Мы сможем отправиться, куда угодно, и везде его сила будет с нами.

Теперь я поняла, почему король заставил меня выйти на арену. Он так легко манипулировал мной, заставляя меня убивать и убивать, каждый раз расширяя трещины в душе, чтобы добавить тьмы. Кем я стану, если позволю ему превратить меня в это существо, которым он был так увлечен, даже возбужден? Это было похоже на то, как Эврус создавал свои тени – не думая о том, что правильно или неправильно, а только наслаждаясь актом творения, контролем над другим человеком.

Я попыталась вырваться, но почувствовала себя мошкой в куске застывшего янтаря. Его рука ласкала мне шею. Восхитительное удовольствие пронзило меня.

Огромная тень поднялась из трона, у него были широкие острые плечи и массивные рога, растущие прямо из головы. Сейчас Минакс выглядел более внушительно, чем на арене, – увеличившись в размерах, словно он становился все более материальным, пока я смотрела на него.

Зыбкая тень сформировалась в черную руку, которая протянулась и погладила кончик моего пальца. Я почувствовала покалывание в руке и груди. Из меня словно вытянули всю горечь и заменили ее головокружительной силой. Он забирал все болезненные ощущения, заменяя их пустым подобием радости. Мне хотелось броситься к нему в объятия. Мне хотелось все забыть. Я жаждала беспамятства.

Спустя несколько секунд я поняла, что ко мне вернулось мое тепло. Минакс вернул мне огонь.

В голове у меня шептал мечтательный голос.

– Давай сольемся воедино. Вместе мы освободимся.

У меня внезапно появилось непреодолимое желание направить весь огонь на трон, чтобы растопить эту глыбу льда, пока от него не останется только лужа.

Чтобы освободить Минакса.

Прежде чем я успела отреагировать, губы Расмуса прижались к моим более твердо, более настойчиво. Мой разум метался, искал опору, поддержку – мне нужно было ухватиться за что-то, чтобы противостоять этому вихрю темной силы. И в сознании вдруг возникло воспоминание – другие губы, холодные, но пылкие, целуют меня. На секунду мне показалось, что это Аркус. Я почувствовал его щеки под своими ладонями, шелковистые пряди волос у меня в руках. Я видела, как его губы касаются моих. Потом появились другие образы: его профиль в темноте, дрожь в голосе, когда он сказал мне, что не хочет меня отпускать, его убежденность в том, что я сильная.

Надежда и грусть росли, наполняя меня до краев, и тьма дрогнула и отступила. Но она могла вернуться в любой момент. Я воспользовалась передышкой, оттолкнула короля и кинулась к главным дверям, колотя по ним кулаками.

Вслед мне несли смех. Кто смеялся – король или темная тень, парящая над тронном, я не знаю.

По указанию короля стражники открыли двери, взяли меня под руки и повели в мою комнату.

Я сидела на кровати, обняв себя руками. Король заметил тьму внутри меня, и я не могла отрицать этого – она была. Я открыла себя и тьме, и королю – я не просто позволила ему целовать себя, но и ответила на поцелуй. Я закрыла глаза от волнения и стыда. Как бы мне ни хотелось это отрицать, но его поцелуй понравился мне почти так же, как мне нравилось убивать на арене. А теперь и Минакс говорил со мной, просил меня слиться с ним воедино. Я больше не могла считать это видение сном. Тьма набирала силу, становилась более мощной, более жестокой, и чем дольше я здесь нахожусь, тем больше буду убивать.

Раскачиваясь, я закрыла лицо руками. В кого я превратилась?

Даже сейчас я жаждала этой тьмы, ее заволаживающей ласки – как чая брата Гамута, который облегчал боль – только в тысячу раз сильнее. Я устала от боли – я хотела забвения, даже если это уничтожит меня.

Я ненавидела короля. Ненавидела его до глубины души. И все же что-то он пробуждал во мне: жажду бессмысленной власти, которую я не могла контролировать.

Я соскочила с кровати и стала шагать взад и вперед – от каменной стены до деревянной двери. Когда Брат Тисл объяснял мне этот план, вечернее солнце пробивалось сквозь окна здания капитула, а он выглядел таким уверенным. Я приеду в замок и разрушу трон.

Теперь, когда я была в замке, все было слишком сложно. Я не могла убить короля, потому что его защищал трон. Я не могла разрушить трон, потому что он отбирал у меня силу, исключая моменты, когда я соприкасалась с королем.

Часть меня была готова сдаться. Пусть следующий противник убьет меня. И я наконец-то смогу воссоединиться со своей матерью в загробном мире.

Если я действительно дитя тьмы, то для мира будет лучше, если я умру, а не стану непреодолимой силой в руках короля.

Мысли замерли, темные, тяжелые, неопровержимые.

К несчастью, тьма не позволит мне погибнуть. В двух прошлых схватках она проникла в меня и взяла под контроль, когда мне что-то угрожало. Каждый раз она была сильнее. Даже если я вступлю в борьбу с этой темной силой, я не знаю, смогу ли победить.

Тогда пусть тьма заберет меня. Король выиграл.

Внезапно стукнула ставня, и окно распахнулось, впуслав лучики дневного света, и мне вспомнился образ моей бабушки, как она рассказывала истории перед огнем. Я видела, как двигались ее губы, чувствовала ее руки на своей голове. Когда история заканчивалась, она всегда делала вывод.

«Во тьме всегда есть луч света. Он может быть крошечным, но он есть. Следуй за ним, и ты найдешь свой путь и обретешь свободу».

Впустив в себя тьму, я лишусь выбора. Конечно, я стану сильной. Я могла бы побороться с Минаксом и противостоять ему. Но я больше не буду убивать.

Я проиграю на арене, но выиграю битву против короля. Моя смерть разрушит его надежду найти сосуд для Минакса. И, возможно, другой Огнекровный, кто-то более сильный, более хитрый и стойкий, придет и разрушит трон.

Просто это просто буду не я.

– Я найду свет, бабушка, – прошептала я.

Глава 25

– Руби! – позвала Брака.

Я моргнула. С арены донеслись знакомые звуки боя. Я чувствовала себя больной и до смерти напуганной тем, что я хотела сделать.

– Ну что еще?

– Твой противник, – сказала она, взгляд ее серых глаз был серьезен. – Он называет себя Кейном. Говорят, что он опытный боец, вернувшийся с войны. Как и Гравнах, он не использует оружие – только свой дар. Держи дистанцию, выжидай момент, когда он будет без прикрытия, и сосредоточься на его слабых местах.

Мои брови поднялись в изумлении – ее искренние слова как будто вырвали меня из липкой мглы раздумий.

– Брака, неужели ты даешь мне советы? Будь осторожна, а то другие подумают, что я тебе нравлюсь.

Она улыбнулась, показав отсутствие зуба.

– Ты мне и правда нравишься, Огнекровная. Ты храбрая и дерзкая, и у тебя есть силы, которые, честно говоря, меня пугают. Я считаю, ты можешь выиграть любой бой. Рано или поздно, но и толпа перейдет на твою сторону.

Мои губы скривились.

– Ну, это вряд ли. Пока мы говорим, они уже готовятся закидать меня тухлыми помидорами.

Она хмыкнула.

– Что-то в тебе есть, – задумчиво сказала она, – что-то, что растет на человеке. Как сосульки.

Я улыбнулась.

– Ну, уж точно не сосульки.

Она задумалась.

– Тогда как грибок.

Я усмехнулся.

– Намного лучше.

Она жизнерадостно похлопала меня по спине.

– Не бойся, Огнекровная. Ты пока не проиграла.

Бой, который шел на арене, продолжался необычно долго. Сражались мужчина и женщина с даром Ледяной крови. Рост и телосложение противников были примерно одинаковы. Но у женщины было явное преимущество из-за ее более сильного дара, а мужчина частенько прибегал к грубой силе. Любой бой по-прежнему вызывал у меня болезненные ощущения. Но эта боль даже успокаивала меня. Это значит, что я все еще не привыкла к бессмысленным убийствам, по крайней мере, пока.

До меня донесся знакомый цветочный запах. Я повернулась и увидела Мареллу, стоявшую у меня за спиной. В серебристом платье с юбкой, расшитой цветами из шелка, она выглядела богиней. Такие же цветы были вплетены в ее искусно уложенные волосы. В ушах и на пальцах сверкали оправленные в серебро льдистые драгоценные камни, отражая лучи света с арены.

– Я пришла пожелать тебе удачи, – сказала она с ослепительной улыбкой.

– Очень признательна, – ответила я, поправляя маску, – но мне не нужна удача. Я не хочу ее.

– Ты права, – произнесла она с кривой улыбкой. – Удача для дураков. Ты вполне можешь уничтожить и этого противника так же, как ты отправила в небытие всех прочих.

От ее слов у меня по спине потек холодный пот.

– Я никого не собираюсь уничтожать. Я больше не могу этого делать.

Она нахмурилась.

– Ты не виновата, что тебе приходится убивать. У тебя нет выбора, Руби – либо убьешь ты, либо убьют тебя.

– Точно. Каждый раз, когда я убиваю, некая темная сила забирает часть меня. И я не могу ее контролировать. – Я помолчала. – Поэтому я приняла решение больше не убивать.

– Может, это просто чувство вины...

– Это не чувство вины. Мне кажется, это Минакс из трона.

Мне хотелось увидеть ее реакцию, но ее лицо даже не дрогнуло.

– Конечно, это звучит так, будто я сошла с ума, но...

– Я знаю о троне, – просто сказала она. – Я же просила тебя... не притворяться. Я предлагала довериться и позволить тебе помочь.

– Как ты мне поможешь?

– Я готовилась к этому дню всю свою жизнь, читала пыльные тома в библиотеке отца, исследовала трон, сбегаю по ночам, чтобы посоветоваться с учеными.

Она улыбнулась, увидев изумление на моем лице.

– Мой отец, может и старый нудный святоша, но его грандиозная коллекция книг стала моим единственным спасением. Я знаю старые легенды и уверена, что в них больше правды, чем считают многие.

Толпа взорвалась приветственными возгласами и аплодисментами, но я не повернулась посмотреть, что там происходит. Я попала на удочку откровений Мареллы.

– Во время своего правления король Акур сильно изменился, – сказала она. – Его жена и дети видели это. Мой отец и ближайшие члены совета тоже заметили изменения, как и королевский ученый, который считал трон настоящей причиной нашей войны с Огнекровными. Он говорил, что в троне пробудилось проклятие, усиливающееся с каждым днем. Он сказал королю, что преследования и войны не закончатся до тех пор, пока мы не заключим мир с народом Сюд. А затем убили жену короля Акура, и это убийство лишний раз подтвердило теорию брата Тисла. Его не казнили за изменнические заявления только потому, что в нем течет та же кровь, что и у крупнейшего землевладельца восточной провинции – лорда Триллана, двоюродного брата Тислы. Если бы он перестал поддерживать короля, это означало бы конец приграничных войн. Так что Тисла изгнали в старое разрушенное аббатство на горе Уна и забыли о нем и его предсказаниях.

– Почему ты не сказала мне раньше? – обвиняющим тоном спросила я. – Я бы рассказала тебе все.

– Я не знала, можно ли тебе доверять. У тебя есть связь с Расом. Он так смотрит на тебя... Никогда и ни на кого он так не смотрел.

В ее глазах на мгновение вспыхнули эмоции и тут же исчезли.

– Есть много причин, по которым ты могла бы предать меня, и я не хотела рисковать. Но сейчас ты говоришь, что решила умереть сегодня на арене, и этот риск намного страшнее... Для всех нас.

Я помолчала.

– Значит, ты думаешь, что я могу уничтожить трон?

Она взяла меня за руки, ее пальцы были прохладными, но не холодными.

– Я знаю, ты можешь, Руби. Сегодня – летнее солнцестояние, сегодня твоя сила максимальна. Если это и можно сделать, то только сегодня.

Солнцестояние. Я вспомнила, что Брат Тисл говорил, что до него осталось чуть больше трех недель... Время пролетело так быстро, что я и оглянуться не успела.

– Марелла, я боюсь, что не справлюсь, и я... я даже не хочу его уничтожать. Он сольется со мной, и что потом – кем стану я?

Ее пальцы сжали мои, и голос стал настойчивым.

– Слиться с ним – единственный способ уничтожить его. Разве ты не поняла? Если ты это сделаешь, то сможешь забрать его силу себе. Тебе нужен не только огонь. Это и есть твоя темная часть. Именно это и делает тебя особенной.

– Откуда ты знаешь?

– Я наблюдала, как бесчисленное множество Огнекровных сражались и умирали на этой арене, и я никогда не видела, чтобы кто-то из них был способен на то, что сделала ты. Минакс выбрал тебя.

– О, Сюд, помоги мне, – прошептала я, вырвав свои руки и прижав их к лицу.

– Ты уже знаешь, что это правда. Именно поэтому ты решила не сражаться сегодня. Ты боишься того, кем ты станешь. Но, верь мне, ты – сильнее его. Ты можешь слиться с Минаксом и контролировать его. Ты можешь это сделать, Руби.

– Ты *ошибаешься*. Я не буду рисковать.

Я отвернулась.

– Тогда позволь мне рассказать тебе кое-что. Может, ты передумаешь. Сегодня твой противник – Кейн. Он был среди тех солдат, кто уничтожил аббатство и монахов.

Я повернулась к ней.

– Что?

Она кивнула.

– Я специально расспросила о нем, чтобы узнать о его слабостях и рассказать тебе. На гору Уна его отправил капитан Дрейк. Я слышала, что он беспощаден. Это была бойня, Руби. И... молодой человек со шрамами тоже был убит.

– Аркус? – выдохнула я.

Она кивнула, ее глаза были полны печали.

– Яростный Ледокровный воин. Он сражался, как безумный, – до последнего вздоха, но у него не было шансов. Он уничтожил дюжину солдат, но лучники поразили его пылающими стрелами.

Глаза мои заволокло пеленой. Горящих стрел было бы мало, чтобы противостоять его дару, но он наверняка был в ужасе от пламени. И это сбilo его с ног, ослабило внимание. Я вдруг ясно представила себе тот момент, когда Аркус был сломлен.

Я поняла, что вся дрожу, когда почувствовала, как Марелла прижала меня к себе и крепко обняла.

– Мне очень жаль, Руби, – прошептала она мне в волосы. – Я не хотела тебе рассказывать. Но теперь ты знаешь, почему Кейн не должен покинуть арену. Он заслуживает смерти.

Почувствовав, что я распадаюсь на мириады частиц и не могу остановить это, я содрогнулась, дыхание перехватило.

– Ты можешь сделать это. Уничтожь Кейна. Уничтожь трон. Иначе тьме не будет конца.

Она еще раз крепко обняла меня и оттолкнула, с сожалением взглянув на арену. Я проследила за ее взглядом и увидела, что оба бойца лежали на земле, и ведущий поднимал безжизненную руку Ледокровной женщины в воздух. Толпа неистовствовала, вышли уборщики и потащили с арены тела, оставлявшие за собой следы блестящей голубой крови. Победила, видимо, Ледокровная женщина, заплатив за свою победу жизнью.

Ведущий дал сигнал. Я вышла на освещенную солнцем арену.

Как обычно, на меня дождем посыпались издевки и проклятия вперемежку с тухлыми яйцами и камнями. Но, как ни странно, я услышала несколько голосов, скандирующих «Давай, Огнекровная!». Но мне было все равно, как будто мой дух покинул тело и отошел в сторону, превратившись в прохожего, которого мало интересовало происходящее вокруг. Надеюсь, мне больше никогда не придется так чувствовать себя снова.

Я повернулась и нашла взглядом короля на балконе. Он был в мантии глубокого черного цвета с серебристой окантовкой. Марелла сидела слева от него, как раскрашенная кукла, ее серебристое платье вздымалось над ручками ледяного кресла. Я подумала, что она специально оделась так – в тон ему. Казалось, что таким утонченным способом она постоянно пытается привлечь его внимание. Я вспомнила, что она сказала о том, как он смотрит на меня, и я увидела это сейчас. Слегка наклонив голову, Расмус не отводил от меня напряженного взгляда, от которого у меня внутри все судорожно сжималось. Я пристально вглядывалась, но так и не смогла разглядеть тени, которые перемещались по льду сзади него, но я знала, что они там – просто затаились.

Как только я встала в центре ринга, двери на противоположной стороне арены открылись, выпустив моего противника. Он был в черных кожаных доспехах с металлическими вставками. Голову защищал стальной шлем с полумаской в виде прямоугольника, которая закрывала нос и щеки до подбородка, оставляя открытыми только глаза и рот. За спиной развевался черный плащ. Он был крупнее и шире, чем капитан, но все же меньше, чем Гравнах. Меча у него не было.

Брака говорила, что *он не использует оружие – только лед*. Я вздрогнула, вспомнив утверждение Мареллы, что мне придется слиться с Минаксом, чтобы уничтожить его. Я поклялась найти свет, даже если это будет значить смерть, но это было до того, как я узнала, что этот человек виновен в убийстве. Убийстве Аркуса. И ничто в этом мире не спасет его от смерти от моей руки.

Он остановился в десяти метрах от меня и поклонился. Я встала в боевую стойку, подняв в готовности кулаки. Он тоже поднял руки. Мы кружили друг против друга.

Через несколько секунд толпа начала скандировать: «Убей, Огнекровную! Убей!»

Но Ледокровный воин не двигался, возможно, оценивал, ожидая, как я проявлю силу. Я не была столь терпеливой, и к его ногам полетел испепеляющий удар пламени.

Он быстро отскочил в сторону и нанес удар льдом, который упал на землю передо мной, подняв облако пыли.

Я послала на него вихрь горячего воздуха. Он протянул руки, и воздух, шипя, рассеялся.

Из моих рук вырвались горящие сполохи. Он ударил каждый своими стальными запястьями и потушил холодным воздухом.

– Что, хочется немного поиграть и позабавиться? – спросила я, вращая руками, чтобы бросить в него двойным вихрем пламени, превращавшего влагу в воздухе в пар. Но вихрь не причинил ему вреда – он прошел через него, будто это был весенний ветерок.

– Только ты пока не знаешь, что тебе не уйти отсюда живым, – сказала я, выбросив облако бурлящего жара.

Моя грудь нагрелась, я провела серию атак – огненный вихрь, огненные стрелы и хвост дракона – все очень быстро. Он лениво отбил каждую. Толпа загоготала и начала скандировать.

– Кейн! Кейн! Кейн!

Во мне глухо поднималось раздражение. Его дар был сильнее, чем у Гравнаха.

Я швырнула в него вихрем огня, который, наконец, настиг его, заставив споткнуться. Тогда он направил порыв ледяного воздуха, чуть не сбивший меня с ног.

Наши атаки становились все быстрее. Я создала стену пламени. Он покрыл себя защитным льдом. Я расплавила лед нагретым воздухом, а затем создала еще один хвост дракона. Он заморозил землю под моими ногами, поймав меня в движении. Ноги у меня разъехались, я поскользнулась и упала. Я попыталась встать, но снова упала на землю.

Кейн подошел ко мне, заслонив собой солнце. Я повернула голову, чтобы увидеть, как король наклонился вперед на балконе, как напряглась рядом с ним Марелла. А между ними парил огромный темный силуэт – острые плечи и голова. Наверяд ли кто-то еще заметил его, но я чувствовала его присутствие даже с закрытыми глазами.

Почувствовав, как в меня начинает проникать тьма, я послала еще одну струю огня в Кейна. Солнцестояние или заполняющая меня тьма, или моя ненависть были тому виной, но я как будто сбросила все узы, сдерживавшие мой дар и, казалось, мое пламя горит ярче, чем когда-либо. Туника Кейна загорелась, но он потушил пламя льдом.

Он обрушил на меня целый поток льда, который, зашипев, превратился в безвредный пар, потом выстрелил ледяными стрелами, лишь слегка оцарапавшими меня – они растаяли в облаке нагретого воздуха, который щитом окружал меня.

Вся я пылала уже слишком сильно, ярко – как кусочек солнца. Я была уверена, что смогу уничтожить его только своим огнем. Но мне хотелось забвения, которое мог дать только Минакс.

– Тьма, приди – прошептала я. – Используй меня, чтобы убить этого монстра.

Ледокровный остановился в нескольких метрах и заговорил.

– Так это правда. Я потерял тебя.

Но его слова показались мне бессмысленными – меня уже закружило в восхитительном гуле мощи. И неважно, хватит ли мне силы, чтобы потом контролировать Минакса. Я хотела только одного – раствориться в мести.

Мир вокруг меня изменился, окрасившись в уже знакомые черно-белые цвета. Звуки исчезли, лишь сердце билось в такт с дыханием моего противника. Побег тьмы цвета оникса вырывался из моего сознания в судорожных поисках антрацитовых опухолей в груди.

– Не заставляй меня делать тебе больно, – сказал воин, и его слова прозвучали где-то далеко от меня, как будто капли дождя скатились по стеклу.

Я послала поток огня, и он встретил его стеной льда. Между тем, извилистые тени, кружа по спирали, все ближе подбирались к его сердцу.

– Руби, пожалуйста, – попросил он, и созданная им ледяная стена оттолкнула меня назад, хотя мне хотелось прикончить его прямо сейчас.

Но какая-то частичка меня вдруг заметила, что я знаю голос этого воина.

Я точно знала этот голос.

Но это невозможно. Он мертв. Или я сошла с ума?

– Аркус? – выдохнула я, из последних сил пытаюсь сдержаться.

– Так приятно, что ты все еще помнишь меня, – ответил он, но шутка не удалась, потому что голос его дрогнул от волнения.

Вздрагнув всем телом, я отдернула руку, остановив поток пламени. Он сделал те же движения одновременно со мной. Мы оба шагнули назад. Я легко остановила огонь, но тьма мне не поддавалась. Она все еще кружила над его сердцем. Он застонал от боли и прижал ладонь к груди. Я закричала от напряжения, пытаюсь удержать бушевавшую внутри меня ярость. *Я найду свет.* Сосредоточив всю свою энергию на этих извивающихся темных струях, я с огромным усилием мысленно схватила их и оттолкнула. Раздался громкий хлопок, и мир снова заиграл красками.

– Неужели это ты? – прошептала я, отчаянно пытаюсь разглядеть его лицо под шлемом. Я ощупывала его взглядом с головы до ног. Широкие плечи – шире, чем мне казалось, но так может казаться из-за доспехов. И этот шлем, чертов шлем, скрывавший его лицо! Надежда внутри меня боролась со страхом – страхом, что я ошиблась.

Он опустил руку.

– Я говорил, что ты станешь опасной, как только научишься контролировать дар. Хотя я слышал, что в этих местах многие пока недолюбливают тебя.

Пьянящая радость охватила меня, сразу сгорев в ярости, когда я подумала о том, что чуть было не произошло.

– Я могла убить тебя! – закричала я в радостном возбуждении и бросилась в его объятия. Он сжал меня так крепко, что мне стало трудно дышать, но мне было все равно.

Голос прозвучал с балкона. Это был ведущий, его пурпурная мантия ярко выделялась на фоне бесцветного льда.

– Чемпионы! Арена не место для свиданий.

Толпа разразилась смехом и криками согласия.

– Эти люди пришли смотреть на кровь! Может, нам послать на ринг еще бойцов, чтобы разобраться с этой парочкой?

– Аркус, – прошептала я, взглянув ему прямо в глаза. – Двери не откроются, пока один из нас не умрет. Я не могу убить тебя. Ты должен убить меня.

Его глаза расширились и затем закрылись.

– Ты совсем спятила, Руби?

– Нет, послушай, – умоляла я. – Брат Тисл был прав насчет трона, но он ошибся насчет меня. Я не дитя света. Я...

– Еще одна вспыльчивая Огнекровная.

Он усмехнулся, чтобы смягчить резкость своих слов и снова обнял меня.

– Успокойся, Руби. Я знаю, что ты не смогла уничтожить трон. Но я собрал силы, и они здесь. Мне нужно было выиграть время, чтобы они вошли в город, не привлекая подозрений. И, честно говоря, я не был уверен, что ты все ещё на нашей стороне. До меня дошли слухи о тебе и короле... – Он еще раз оглядел меня с головы до ног и продолжил. – Во всяком случае, я не хотел причинить тебе боль. Прости, что меня так долго не было...

– Меня не это волнует! – я не могла поверить, что он говорит так спокойно, будто все в порядке. – Послушай. Проклятие в троне...

Пока я говорила, двери распахнулись, и на арену выскочили бойцы. Они надвигались со всех сторон, ошетилившись копьями, мечами, булавами, а некоторые уже успели окутать себя льдом.

Аркус толкнул меня к себе за спину, словно хотел защитить меня от приближающегося хаоса. Он глубоко вздохнул и, положив обе руки на шлем, снял его с головы и бросил на землю. Его движения были осторожны, медленны, но наполнены смыслом. Он поднял руки ладонями вверх. От него исходила та царственная сила, которой подчиняешься без возражений. Бойцы замедлили движение и остановились, окружив нас.

В воздухе крутились пыль и холодный туман. Толпа затихла.

– Добрые люди, слушайте меня! – крикнул, перекрывая гул. – Я пришел к вам не как простой боец или воин, или чемпион, как вам сказали.

Нет, не простой чемпион, подумала я. С его ростом он мог сойти за чемпиона короля, но при этом у него была гордая осанка, говорившая о его благородном происхождении, в котором теперь можно было не сомневаться.

– Я пришел к вам, как человек, который должен сидеть на троне Форса по праву рождения!

Я слышала слова, но до меня никак не мог дойти их смысл – мой разум как будто сковало льдом. Он кем-то притворялся, говорил неправду. И он продолжал.

– Я пришел к вам как Арелиус Арканус, сын Акура, старший брат Расмуса. Меня почти сжег наемный убийца, меня бросили умирать. Но я не умер.

Я сделала шаг назад, сердце бешено билось, но разум все еще отказывался понимать происходящее.

– Я выжил, чтобы сражаться, – сказал Аркус, и в его голосе звучала такая мощь, которой я

никогда не слышала, – чтобы вернуться к людям, которых люблю. Я пришел к вам, чтобы верно служить. Я пришел к вам как полноправный Ледяной Король!

Глава 26

Время остановилось. Звуки арены затихли, превратившись в далёкий шум.

Надо мной возвышался Аркус, его лицо было открыто, и в ярком солнечном свете шрамы были отчетливо видны всем. Я как будто смотрела на незнакомца. Он обращался к толпе, но я слышала его лишь отчасти. Он что-то говорил о своем народе, о законном правителе, он призывал всех перейти на его сторону, обещал, что его правление будет справедливым, и он не забудет их преданности.

Он говорил с мастерством опытного оратора, убедительно, уверенно, расправив плечи и высоко подняв подбородок. Таинственная фигура, скрывавшаяся за капюшоном, исчезла. Исчез человек, который боялся моего огня, человек, которому я доверилась, чьи шрамы нежно гладила, чьи губы целовали меня сладко и горячо.

Передо мной стоял Король. Ледяной Король. Неистовый и беспощадный, готовый занять свое место на захваченном троне и крепко держаться за власть.

По коже у меня побежали мурашки. На этот раз не будет никакой надежды. Аркус излучал энергию и мощь, которая до поры дремала, но теперь была готова вырваться на свободу. Эта энергия всегда вибрировала в воздухе вокруг него, но раньше я этого не признавала. Расмус брал силу у трона, а у Аркуса была своя. Он будет использовать силу трона и удесятерит ее.

Затем он повернулся, посмотрев на меня сверху вниз. Холодный взгляд его голубых глаз слегка потеплел, встретившись с моими глазами.

Я потрясла головой – страшный образ непобедимого короля на троне развеялся как утренний туман. Это был Аркус. Он мог быть братом Расмуса, но он был все тем же человеком, которого знала я. Я потянула ему руку, он взял ее и притянул меня к себе, прижимая к груди и улыбаясь.

– Моя вязанка хвороста, – сказал он мягко. – Как хорошо, что ты снова в моих руках.

Но вдруг ледяной холод ударил в землю у ног Аркуса, сковал его колени, и он упал на землю.

Я повернулась и увидела короля на балконе. Подняв вверх руки, Расмус не отрывал от нас взгляда, в глубине которого пылала ярость.

– Убейте самозванца! – крик Расмуса эхом разнесся по арене. – Мой брат мертв. Это самозванец! Убейте его или превратитесь в предателей!

Многие зрители достали из-под рваной одежды мечи и дубины и поспешили с трибун на арену.

Когда Аркус встал и потянул меня обратно к себе, я вырвалась из его рук.

– Уходи!

– Руби, остановись, – сказал он. – Это мои люди, они решили сражаться на моей стороне. За нами могут последовать и другие.

Он был прав. Люди бросились вперед к солдатам короля, скрестив мечи, воздух наполнился звоном стали. Те, у кого был дар, бросали клубы холода и льда с головокружительной скоростью.

Полномасштабное восстание началось прямо у порога королевского дворца. Я повернулась к балкону, но не смогла разглядеть его в толпе людей.

– Нам нужно вытащить тебя отсюда, – сказал Аркус. – Я не уверен, что ты в безопасности даже среди моих союзников.

Он вскочил на ноги и потянул меня за руку в сторону навесов, напротив входа, где я обычно стояла в ожидании боя. Взрыв холода возник прямо у меня под ногами, я споткнулась. Аркус быстро втянул меня в укрытие.

Я повернулась, чтобы посмотреть на него.

– Король подавит ваше маленькое восстание в считанные минуты и начнет с тебя. Неужели ты не понимаешь? Это ведь никогда не входило в наши планы.

– Это всегда было частью плана – другой частью, в которой ты не должна была участвовать. В прошлом году я тайно встречался со своими сторонниками. Мы планировали вторгнуться в замок только после того, как трон будет разрушен.

– Ты знал, что этого не произошло. Тебе не следовало приходить!

Он покачал головой.

– План изменился, как только ты покинула аббатство без меня. Я не мог позволить тебе разбираться с этим в одиночку. Мы постарались прийти как можно быстрее... Хотя я точно не знал, на чьей ты теперь стороне. Я слышал, что ты стала чемпионом. И были слухи, что ты сблизилась с королем.

Наши глаза встретились. Он сказал это, словно задавая вопрос, но не был уверен, хочет ли слышать ответ.

Я положила руки ему на плечи, и он обнял меня за талию.

– Я все так же верна тебе, если ты об этом. Я с тобой.

Пока я говорила, волосы у меня на затылке зашевелились. Невидимые кончики пальцев прикоснулись к ключице, вызвав покалывание в коже. Появилась движущаяся аморфная тень, которая заслонила солнце. Горло сжалось. Завитки тьмы впились в меня, стирая все беспокойство и заботы, заменяя их пьянящим чувством безграничной энергии. Мир опять потерял цвет. Аркус стал светло-серым, с черными контурами, и я четко увидела его, как темнеет его сердце.

– Убей его, – голос был знакомым, звонким.

Он причинял мне страдания. Я не могла ему противостоять. Я сделаю все, чтобы доставить ему удовольствие.

Нет. Резкий крик взорвался в моем сознании. Мир вновь обрел цвет, но лишь отчасти – реальность казалась выцветшей. Остатки темных теней все еще бродили по краю сознания.

– Руби? – сказал Аркус, сильно нахмурившись.

Чувство кровожадности росло, разжигая мою кровь. Я призвала Минакса и теперь не знала, как заставить его убраться прочь. Он жаждал смерти Аркуса. Мои пальцы покалывало, мне хотелось протянуть руку и послать черную струю смерти в его сердце. С каждой секундой я все больше теряла контроль.

– Отпусти меня! – прорычала я, толкая его в грудь. – Минакс становится частью меня. Я не могу сейчас объяснить. Я должна уничтожить трон, прежде чем я причиню тебе боль!

Как только он ослабил хватку от неожиданности, я повернулась и побежала на арену. Туннель, ведущий к замку, был на противоположной стороне. Так или иначе, мне придется пробиваться сквозь толпу.

– Руби! – крикнул Аркус яростно, с оттенком страха.

Но в моей голове была только одна мысль – *уничтожить трон!* Марелла сказала, что сегодня моя сила больше, чем в любой другой день. И теперь, когда король отвлекся, это мой единственный шанс. И даже если шанс невелик, мне все равно надо попытаться.

Я пробиралась сквозь орущую толпу, вокруг мелькали мечи и летали вихри льда. Я уклонялась и прыгала, стараясь избежать столкновения со стражниками и со сторонниками Аркуса: безупречные синие туники поверх доспехов против простых людей в рваном рубище. Я прокладывала себе путь, иногда прибегая к силе тепла или пламени, чтобы защититься от осколков льда, летящих в лицо. Через несколько минут я приблизилась к нише, где с бешеной яростью сражались Брака и ее чемпионы.

– В бой за Аркуса! – крикнула я Браке.

Ее ледяные косы подпрыгивали, когда она блокировала удары меча и сама шла в атаку. Увидев ее пустой взгляд, я поняла, что она знает Аркуса под другим именем.

– В бой за Арелиуса Аркануса!

– Я не могу, Огнекровная, – сказала она, парируя удары трех мужчин сразу. – Мы – чемпионы короля!

– Но кто истинный король? – мой вопрос повис в воздухе, и я бросилась в туннель. Сейчас не было времени убеждать ее.

Я пронеслась по туннелю во внутренний двор, где уже шло полномасштабное сражение. Бой на арене был игрой по сравнению с битвой, развернувшейся в замке. Звенела сталь, кричали люди. Лучники стреляли стрелами с возвышенности. Морозные волки прыгали, ощерившись и дико вращая глазами, защищая своих хозяев. Кровь залила брусчатку, запах металла смешался с запахом пота и страха.

Когда я добралась до входа в замок, стражники как раз закрывали массивные двери. В безумной спешке я сосредоточилась на их доспехах и мечах, направив жар на металл. Двое стражников бросили оружие и закричали. Один из них с воплем рванул в мою сторону. Я отскочила и послала огонь в воздух, чтобы создать облака из тумана для прикрытия, а затем проскользнула внутрь. Двери продолжали закрываться. Как только они полностью закрылись, я вставила на место тяжелый запор, чтобы их нельзя было открыть.

В коридорах было пусто. Большинство стражников замка бились снаружи. Я была уверена, что двери тронного зала все равно будут под охраной, поэтому я направилась к секретному проходу в столовой.

Добравшись до столовой, я подбежала к стене, где была потайная дверь, и провела по ней рукой в поисках механизма. Но не смогла найти его.

– Руби! – голос был приглушенный, но знакомый.

Раздался щелчок, затем дверь приоткрылась. Это была Марелла – через небольшую щель виднелись ее фиалковый глаз и изящный изгиб румяной скулы.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала я.

– Я же тебе говорила, что мой отец служил советником у трех королей. Я знаю все тайные помещения, все заброшенные лестницы и туннели в этом замке. Я надеялась, что король показал тебе этот туннель.

– Проходи, – она открыла дверь и отошла в сторону.

Вдруг вспомнив, что она рассказала мне про Кейна, про солдат, совершивших набег на аббатство, про то, что Аркус мертв, я схватила ее за плечо и сильно тряхнула.

– Почему ты солгала мне?

– Ш-ш-ш, – прошептала она. – Ты же не хочешь, чтобы сюда прибежали стражники? Мы можем поговорить в туннеле.

– Я с тобой никуда не пойду. Я не доверяю тебе, Марелла. Почему ты сказала мне, что Аркус мертв?

Она вздохнула.

– Ты хотела сдаться, хотела проиграть бой. Я не могла этого допустить, Руби. Мне нужно было, чтобы ты сражалась.

– Достаточно было сказать, что Кейн был в аббатстве с капитаном. Тебе не стоило говорить, что мой друг мертв. Я могла убить его! Когда я думаю о том, что чуть не произошло из-за тебя...

Она понимающе улыбнулась.

– Неужели он просто друг, Руби? Я видела твой взгляд, когда ты думала, что он мертв.

Я шагнула к ней, и она отступила, выставив ладони вперед.

– Да, я согласна, что я зашла дальше, чем нужно, но я хотела, чтобы ты рассердилась. Я хотела, чтобы твои мысли погрузились во мрак, чтобы твои чувства скрыла тьма. Только так Минакс сможет слиться с тобой и только так можно уничтожить трон. Ты ведь все еще хочешь его уничтожить, я права?

– Конечно, хочу, – сказала я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не трясти ее за то, что она сделала. – Но это не значит, что я прощаю тебя.

– Прости, Руби, – произнесла она, наконец, покаянно. – Я не знала, что это... Аркус, так ты его называешь? Я понятия не имела, что с ним случилось после того, как тебя забрали из аббатства. Честно говоря, я даже не была уверена, что он король. У меня были только подозрения. Давай пойдем уже. Мы теряем время.

Она повернулась спиной и пошла, а я последовала за ней. Трон был важнее, чем мой гнев из-за ее предательства. Нравится она мне или нет, мне были нужны ее знания.

– Ты действительно думаешь, что я смогу это сделать? – спросила я, когда мы то шли, то бежали по узкому пространству. – Всякий раз, когда я была в тронном зале, мне ни разу не удалось создать хоть капельку тепла. Я надеюсь только на то, что сила трона ослабнет, если не будет короля.

Она остановилась, повернулась и, взяв меня за руки, обнадеживающе сжала запястья.

– Ты можешь это сделать, Руби, – сказала она, и ее уверенность передалась мне. – Пусть Минакс сольется с тобой. Как только вы станете одним целым, ты поделишь его силу. Это единственный способ уничтожить трон и дать нам хоть какую-то надежду на победу. Надежду для... – она замолчала.

– Расмуса? – тихо спросила я.

Она быстро взглянула на меня.

– Видно же, что ты печешься о нем.

Ее ноздри затрепетали.

– Возможно, мне не следовало. Еще до того, как он занял трон, он был капризным, непредсказуемым и сложным. Но я все равно заботилась о нем, сколько себя помню, – она сжала губы. – Став королем, он изменился – я его не узнавала. Его жестокость стала чудовищной, его непредсказуемость сменилась дикими вспышками гнева, а его мрачное настроение...

Она покачала головой.

– Я потеряла его. Если ты уничтожишь трон, есть шанс, что я верну его, настоящего, и, возможно, я смогу помочь ему вернуть то, за что стоит любить.

Меня ошеломило ее признание, ее любовь к Расмусу и то, что она доверилась мне.

Мы дошли до выхода из туннеля – контур трона неясно вырисовывался в темноте.

– Ты должна это сделать, Руби, – прошептала она. – Есть вещи, о которых я не успела тебе рассказать, но я знаю о троне больше, чем ты можешь себе представить. Он ждал тебя все эти годы. Если ты не справишься, надеяться нам будет не на что. И меня казнят за то, что я помогала тебе.

– Верно, – согласился бархатный голос. – Но это будет не такая уж большая потеря.

Глава 27

С трона поднялась фигура. Свет, проникавший сквозь окно, отражался от ледяных стен и создавал сияющий нимб над его головой.

– Марелла, милая моя предательница, – он рукой поманил ее к себе.

– Я не предавала тебя, – сказала она, и лицо ее посерело от страха. – Я пытаюсь спасти тебя.

Он недоверчиво хмыкнул.

– Единственный человек, о спасении которого ты заботишься, – это ты сама. Ты можешь одурачить Руби, но я... я слишком хорошо тебя знаю. Подойди ближе. Я хочу увидеть эти прекрасные слезки, которые ты так легко проливаешь, когда речь идет о твоей жизни.

Марелла развернулась и бросилась к туннелю. Она коснулась каменной двери и закричала. Ее пальцы покрылись льдом, который поднимался вверх по руке. Я протянула руку, чтобы растопить лед, но на грудь навалилась знакомая тяжесть, погасив огонь.

– Ты, кажется, удивилась, увидев меня, – сказал Расмус, его скривилось в насмешке.

Приказав сердцу сбавить темп, я сделала шаг вперед.

– Разве вы не повели своих людей в бой?

Он прикрыл глаза.

– Я потом вознагражу верных и вздерну на виселице предателей. После битвы сила трона только укрепится.

В его тоне сквозила ленивая удовлетворенность, будто он поделился со мной неким тайным знанием в ответ на праздное любопытство.

– Когда люди гибнут от рук других, его мощь растет, а вместе с ним и моя сила.

Он закрыл глаза, прислонившись головой ко льду.

– А ты для чего сюда явилась, моя огненная красотка?

– За силой трона, которую вы предлагали.

Он открыл глаза, и взгляд его вспыхнул надеждой.

– Правда? Тогда пойдем.

Он шагнул вперед, схватил меня за руку и потащил к трону. Как только он прижал мою руку ко льду, я почувствовала, как темная сила проникла в мои пальцы и начала подниматься по руке, заставляя меня дрожать от холодного восторга.

– Ты принадлежишь трону, – умиротворенно сказал Расмус, обнимая меня сзади и прижимая к себе, – а трон принадлежит мне. Значит, ты – моя, Руби.

Он взял меня за подбородок и повернул лицом к себе. Станные ощущения переполняли меня – каждой мышцей я ощущала силу трона, но сама едва могла качнуть головой.

Его губы прикоснулись к моему виску, где билась тоненькая жилка, посылая такие же тонкие струйки огня в мои вены.

– Пусти его в свое сердце, – прошептал он, и от этих слов у меня мороз пошел по коже.

– Отпустите Мареллу, – сказала я. – У вас нет причин для ссоры.

Прищурившись, он взглянул на Мареллу, которая пыталась вырваться из ледяных оков. На ее волосах уже звенели сосульки.

– Она не рассказала тебе? – спросил он. – Наша леди Марелла вступила в тайный сговор против меня с моим же капитаном. Капитан сильно проигрался, и ему нужны были деньги, чтобы расплатиться по долгам. И Марелла заплатила ему за то, чтобы он отвез тебя в тюрьму Блэк Крик, а не сюда. Она спрятала тебя от меня.

Пораженная, я взглянула прямо ему в глаза.

– Значит, он предал вас. Поэтому вы и отдали его мне на арене.

– И нисколько не жалею об этом.

– А вы хоть кого-нибудь жалели в своей жизни?

Он приподнял светлую бровь и скривил губы.

– Она предала меня. В моем ближайшем окружении полно изменников.

Он провел пальцем по моему подбородку. И я вдруг снова почувствовала свое тепло. Я поняла, что, когда он одновременно касается меня и трона, трон возвращает мне тепло, по крайней мере, частично.

– Все они будут уничтожены. Сначала я допрошу ее, а потом ты убьешь – это увеличит твою силу.

Тени внутри трона зашевелились. Мне удалось собрать достаточно сил, чтобы послать теплый воздух к рукам Мареллы. Она скинула с себя лед и бросилась в туннель, стук ее туфель эхом отдавался в тишине.

Расмус взял меня за плечи и встряхнул.

– Напрасно ты ее пожалела.

Его губы накрыли мои. По телу прошла волна восхитительного наслаждения, уничтожившая все беспокойства и страхи, исчезли вопросы о том, что я должна делать и чего не должна. Остались только тьма и блаженство. Тень выскользнула из трона и поднялась, возвышаясь над нами.

– Хочешь меня? – спросил Расмус, оторвавшись от моих губ, его руки обнимали меня за талию, бедра тесно прижались к моим.

Я почти захлебнулась в экстазе, часть меня хотела сказать «да». Я хотела тьмы. Я хотела силы. Я хотела счастья. *Ты дашь мне все это, и поэтому да, я хочу тебя.*

Но в самой глубине моего сознания вдруг что-то мелькнуло, какие-то воспоминания о теплоте. Большинство людей, которых я любила, исчезли, но оставался кто-то еще – тот, кто нуждался во мне, кто волновал меня больше, чем тьма и сила. Я вспомнила глаза, в которых было так много оттенков синего: их холодный взгляд мог через мгновение потеплеть. Я сказала себе, что мне надо забыть его, но он вернулся, и он нуждался во мне. Теперь я не могла отвернуться от Аркуса.

Губы Расмуса еще сильнее прижались к моим, объединяя меня с его тьмой и тьмой трона, тепло быстро возвращалось в мою грудь. Я направила его в руку, которая лежала на троне, огонь струился из сердца и по рукам попадал на кристаллы льда. Поверхность трона начала таять, образуя во льду вмятины. Капли воды стекали к моим ногам. Расмус глубоко вдохнул и оттолкнул меня. Внезапно что-то уязвимое мелькнуло у него в глазах, но затем выражение его лица снова ожесточилось.

– Зачем же ты все-таки пришла сюда?

Он обвел рукой тронный зал, запечатав дверь сверкающим слоем льда, и затем протянул руку ко мне. Инстинктивно я сделала шаг назад, к двери.

– Ты когда-нибудь любила, Руби?

Этот вопрос застал меня врасплох, но мне нужно было говорить с ним, тянуть время, пока я не придумаю выход.

– Я любила свою маму. И... бабушку.

– А сейчас? Кого ты любишь сейчас?

Я смутилась.

– Я люблю... свой народ.

– Свой народ – ты даже не знаешь свой народ. Зачем тебе это?

– У меня миллион причин, но ты никогда не поймешь.

– Значит, ты чувствуешь свою принадлежность к ним? – предположил он. – Я вырос среди своего народа, но никогда не чувствовал родства с этими людьми. Мой дар был слишком слаб по сравнению с даром моего брата, и отец ненавидел меня за это. Ему нравилось наполнять меня льдом до краев – чтобы вызвать мучительную боль, но не убить. Так он надеялся закалить меня, усилить мой дар.

Я тяжело вздохнула.

– Это ужасно.

– Я стал изгоем – меня никто не понимал и никто не принимал. Когда я занял трон, советники думали, что вдоволь потешатся надо мной и превратят мое правление в фарс, ворую из королевской казны, унижая меня. Но трон понял мои страхи и помог мне убить одного из них – на глазах у остальных. И тогда они прониклись уважением ко мне и моей силе. Тьма принесла мне радость и забрала мою боль, так же, как поглощает твоё тепло. Она питается яркими чувствами: страсть, ненависть, насилие.

Прижав руку к животу, я пыталась справиться с тошнотой. Моя собственная ненависть и насилие подпитывали трон, который я хотела уничтожить.

– Но душа моя все равно оставалась оледеневшей, – продолжил он. – С этим трону не удалось справиться. Когда я увидел тебя на арене, когда я смотрел, как ты сжигала сердца своих врагов – за считанные секунды, я подумал: *«Вот она. Она – огонь. Она – тепло. Она предназначена для меня»*. Я узнал о твоей боли, твоей скорби, поэтому я знал, что надо наполнить твоё сердце тьмой и сделать тебя сильнее.

Трон по-прежнему притягивал меня, и, несмотря ни на что, его мягкие слова тоже.

– Я и так сильна, – сказала я, – просто по-другому.

Я вздохнула, вспомнив, что я дочь целительницы.

– Возможно, у тебя есть шанс. Он всегда хотел, чтобы я исцелила тебя.

Его глаза сузились.

– Кто?

Я сделала беспомощный жест.

– Аркус. Он хотел, чтобы я уничтожила проклятие и исцелила тебя. Я не знаю, как мы можем это сделать, но мы можем попробовать.

Он подошел ко мне, медленно, осторожно, будто приближался к дикой собаке. Голос его дрогнул, глаза засияли, как полированный оникс.

– Как, ты говоришь, его зовут, Руби... Я почувствовал, что ты оттолкнула тьму от себя, от меня, чтобы защитить моего брата, когда должна была убить его.

В его глазах быстро, как молния, мелькнула боль, сделав их еще темнее.

– Почему ты не убила его?

– Я никогда не хотела убивать. Никого.

– Ты убивала раньше. Почему не *его*, Руби?

Мне казалось, что меня загнали в ловушку.

– Он мой друг.

Расмус сжал мой подбородок большим и указательным пальцами так сильно, что остался синяк.

– Почему ты не смогла убить его?

– Я бы никогда не навредила Аркусу, – сказала я, оттолкнув его изо всех сил, и все мысли о его исцелении испарились. – Я лучше умру!

Все помещение заполнила вязкая пульсирующая тишина, и когда он заговорил, в голосе его звучала закаленная сталь.

– Если ты отказываешься от трона, ты отказываешься от меня. Ты не такая сильная, как мне нужно. А я ненавижу слабость.

Он щелкнул передо мной пальцами, и лед сковал меня до пояса. Я попробовала нагреть кожу, чтобы растопить лед, но он лишь становился толще и полз все выше.

– Прощай, Руби, – сказал Расмус. – Твоя смерть тоже увеличит силу трона. Так что жертва не напрасна.

Глава 28

Двери задрожали от яростных ударов, и сковавший их лед пошел трещинами. Наконец, лед раскололся, двери приоткрылись, и в образовавшуюся щель, тяжело дыша, протиснулся Аркус с непокрытой головой, в руке – обагренный кровью меч.

Расмус развернулся и хладнокровно направил в грудь Аркуса ледяную стрелу. Удар был такой силы, что Аркуса отшвырнуло к каменной стене. Ещё одна ледяная стрела обвилась вокруг запястья, сдавливая его до тех пор, пока не раскрылась ладонь. Меч со звоном упал на пол и покрылся толстым слоем льда.

– Отпусти ее, – сказал Аркус.

Голос его был спокоен, но глаза горели яростью. Оттолкнувшись от стены, он сделал шаг вперед.

– И мы можем поговорить как братья.

– Разве она не хороша, когда вся окутана льдом? – сказал Расмус, забавляясь. – Возможно, я поставлю ее как статую во внутреннем двореке. Огонь, застывший во льду. Изящная метафора, тебе не кажется?

– Трон управляет тобою, – произнес Аркус низким ровным голосом, медленно продвигаясь вперед.

Расмус рассмеялся.

– Трон – мой союзник.

Аркус остановился в нескольких метрах от него, внимательно осматривая меня, возможно, в поисках крови или признаков боли. Не обнаружив ничего опасного, он с облегчением перевел дух.

– Я не враг тебе, Рас. Вместе мы сможем найти способ, как освободить тебя от проклятия.

Расмус оскалился в дикой ухмылке.

– Форс и Эврус тоже братья. Эврус в дар сделал трон сильнее.

– Он отравил его из ревности, – сказал Аркус.

– Ты испугался собственного трона. Поэтому мы так долго не видели тебя?

– Ты подослал ко мне наемного убийцу! Прости, но мне не хотелось возвращаться.

Расмус покачал головой.

– Нет, не я. Я был слишком мал.

Аркус несколько раз моргнул.

– Ты говоришь, что не посылал убийцу. Но как я могу тебе верить?

– Верь, во что хочешь. Ты мне не нужен.

Расмус повернулся ко мне и с лихорадочным возбуждением произнес.

– И она мне не нужна.

Лед пополз вверх по моему телу, добрался до подбородка и сковал холодом губы, перекрыв доступ к воздуху. От страха я забилась как рыба во льду. Через несколько секунд мое горячее дыхание растопило лед вокруг рта. Я судорожно дышала, наблюдая за братьями.

– Отпусти ее, Рас, – сказал Аркус, и в его голосе зазвучала сталь.

У него был властный вид старшего брата и короля.

– Мы можем решить все миром, но если ты убьешь ее, ты – покойник.

– Мне нужно всего лишь поднять палец, и я остановлю ее сердце, – мягко сказал Расмус. –

Всего лишь один вздох. Да просто мысль. Ты и не поймешь, что я сделал это, пока не станет слишком поздно. Просто еще одна лживая Огнекровная, которая никому не нужна.

Я сосредоточилась на сердце, желая собрать и выбросить наружу как можно больше жара, чтобы растопить сковавший меня лед. Но тепла не было совсем – мне не удалось найти даже тонюсенького огненного завитка.

– Мне она нужна, – несмотря на жесткий, даже грозный тон, в голосе Аркуса звучали плохо скрываемые нотки отчаяния.

– Ты тоже был нужен мне, – сказал Расмус. – Когда-то.

– Ты говорил, что тебе не нужен трон. Вместе мы сможем уничтожить его. Ты сможешь править рядом со мной, сидя по правую руку от меня.

– Я правлю *сейчас*, – сказал Расмус, повышая голос.

Аркус вздохнул.

– Я признаю, я был горд. И в гордыне я отказывался верить в проклятие. Я видел, что отец становился жестоким параноиком, но я винил в этом войну, тяжесть власти. Когда я занял трон, я просто не верил, что меня что-то меняет, калечит...

– Совершенствует, – выдохнул Расмус. – Укрепляет. Если бы ты только принял это, исчезли бы все ограничения, и ты стал бы таким могущественным, что и представить невозможно.

Аркус покачал головой.

– Ты потерял себя. Дело в нем... – он указал на трон, – он съел тебя изнутри.

– Мой трон питается душами предателей и Огнекровных.

Он махнул рукой в мою сторону, и лед начал сжимать меня, пока я не закричала. Глаза Аркуса расширились, а лицо побледнело.

– Оставь трон себе, – вздохнул Аркус. – А я заберу ее, уеду далеко-далеко, за океан. Откажусь от титула и прав на трон. Сделаю все, чтобы ты попросишь. Только позволь мне забрать ее.

Нет. Я попыталась покачать головой, но лед крепко сковал мне шею. Мне хотелось заорать на Аркуса, выкрикнуть изо всех сил, что он не может так поступить. Я точно знала, что он тверд духом и предан своему народу. Если он откажется от этого, он погибнет.

– Ты можешь вернуться, – сказал Расмус. – У тебя слишком много сторонников, которые могут восстать против меня. Убить меня.

– Я никогда не хотел убивать тебя. Я только хотел, чтобы наше королевство стало таким, как раньше. Чтобы ты прекратил войны, начал снова помогать людям. Но пусть все идет, как идет.

Расмус покачал головой.

– Я тебе не верю.

Молчание.

– Тогда убей меня, если нужно. Но отпусти ее. Я позволю тебе убить меня, когда увижу, что она благополучно покинула город.

Нет, нет, нет.

Я буйствовала внутри своего ледяного саркофага. Открыв рот, я попыталась крикнуть, но из замерзшего горла вырвался лишь тихий писк. От напряжения мои легкие лопались, а разум пытался заставить конечности двигаться, чтобы сбросить ледяные оковы. Но это напоминало попытки выбраться из-под горного завала – все было напрасно.

– Ты умрешь... – он посмотрел на меня сверху вниз, а затем снова на брата, – за *нее*?

– Да. Умру, – твердо сказал Аркус. – Договорились?

Нет, я не могла допустить этого.

В воздухе повисли сомнения, осязаемые, как густой туман. На стенах играли тени. С трона донесся шепот, свистящее, едва уловимое шипенье.

Расмус улыбнулся, выражение его лица было настолько холодным, что улыбка выглядела как оскал трупа.

– Теперь мне еще больше хочется убить ее.

Он повернулся ко мне, встретившись со мной взглядом.

– Ты – ничто.

Лед, сковавший меня снаружи, начал острыми краями вгрызаться в тело. В горле застыл крик от боли в груди – боли, которая была сильнее ударов меча, потому что холод сковывал мне сердце, проникая в меня, двигаясь, неумолимо, безжалостно, неотвратимо.

Когда мои глаза уже закрылись от боли, я заметила, как Аркус двинулся на Расмуса. Тусклый ужас пронзил мой разум – Аркусу не одержать победы в этой битве. Пока за спиной у Расмуса трон, он слишком силен. *Сюда, пусть все скорее закончится. Пожалуйста.* Я пойду в загробный мир, к моей маме. Мне будет тепло. Я буду свободна.

Но внезапно ко мне в голову пришла одна мысль – я вспомнила слова Мареллы. Единственный способ уничтожить трон – объединиться с ним, позволить Минаксу слиться со мной. Форс создал трон, чтобы оттолкнуть и ослабить Огнекровных. Прямо сейчас я вся была – огонь. Но если я впущу тьму, которая уже свободно двигалась по связанному с троном льду, я смогу обойти защиту трона и уничтожить его изнутри.

Тьма, приди, подумала я.

Уши мои заполнились шипением, темные щупальца присосались к кончикам пальцев, проникая внутрь, поднимаясь вверх по рукам, к лицу. Я почувствовала давление. Уши заложило, я захлебнулась воздухом, но лед, сковавший тело, не позволил мне даже вздрогнуть от странного, наполняющего меня ощущения. Затем все чувства успокоились, ослабли, тело привыкало к новому обитателю. Торжествуя, я поняла, что мой жар снова при мне и что в груди клокочет пламя, растекаясь чудесной горячей волной по рукам и ногам. Все тревоги покинули меня, мысли стали более простыми, первичными, наполняя меня острой всепоглощающей радостью.

– Ты и я – одно целое, – произнес звенящий голос, только теперь он исходил изнутри. – Освободи меня, и тогда мы вместе начнем искать моего брата, заточенного в огненном троне! Вместе мы сможем исполнить то, для чего наш отец создал нас. Будь готова к этому дню, Дочь Тьмы! Он скоро настанет.

Все цвета в комнате исчезли: ледяная синь превратилась в серость, через окно проникали прозрачно белые лучи солнца. Я взглянула на кончики своих пальцев и увидела, как клубятся над ними завитки дыма.

Аркус и Расмус боролись в нескольких метрах от меня и, хотя руки Аркуса напрягались от усилий, сдерживая атаки брата, его колени подогнулись, когда руки Расмуса сдавили ему горло. Я наблюдала за ними с отвлеченным интересом, пытаюсь вспомнить, чего я так сильно хотела всего лишь несколько минут назад. Я попыталась двинуться, но обнаружила, что все еще закована льдом.

Сломай лед, подумала я, и лед разлетелся полурастаявшими, сверкающими, как бриллианты, осколками, заполнившими воздух и заскользившими по полу.

Всего лишь несколько мгновений назад я была частью короля, моя тьма была внутри него? Он был моим союзником.

– Мой король, – сказала я, голос мой звенел тысячью колоколов, настойчиво, звонко. Я послала вихрь горячего воздуха в сторону Аркуса, и он отлетел на несколько метров, гремя доспехами по каменному полу.

Медленно я направилась к Расмусу, который пристально смотрел на меня, и глаза его уже стали терять черноту, постепенно превращаясь в темно-синие. Он судорожно вздохнул.

– Ты слилась с Минаксом.

– Мы едины, – ответила я своим странным новым голосом.

Он медленно вытянул руку, положив ее мне на затылок, и притянул меня к себе, губы наши встретились, и он потрясенно охнул.

– У тебя кожа горит, – сказал он.

Но его губы вновь прикоснулись к моим, и я прижалась к нему, отвечая на поцелуй.

– Руби! – в шоке от предательства выкрикнул Аркус.

– Она выбрала, брат, – ответил Расмус, убирая прядь волос с моей щеки. – Она выбрала силу.

– Сила – *это я*, – поправила я, указывая на трон.

Сейчас ни одна тень не искажала его поверхность. Минакс оставил трон и был во мне и *был* мной, и я была им и была так сильна, что я никогда не отказалась бы от этой невероятной силы. Но часть Минакса все еще была связана с Расмусом. Он все еще скрывал в себе часть моей темной силы, а я не хотела с ним делиться. Я хотела получить все.

– Оставь короля, – сказала я Минаксу, и тени, скрутившись в жгут, перешли из него в меня. Расмус согнулся пополам, положив руки на колени, чтобы не упасть.

– Не забирай все себе, милая, – дрожащим голосом произнес он. – Мы должны разделить это.

Я заколебалась. Мне не хотелось уступать ни капли этого ощущения. Тогда Минакс заговорил со мной.

– Ты освободила меня. Тебе не придется долго делить с ним нашу силу. Отдай ему немного, чтобы он смог убить брата, а мы будем питаться их горем и ненавистью и покинем это место сильными.

Я кивнула, затем коснулась щеки Расмуса и снова наполнила его тьмой.

– Спасибо, – сказал он с улыбкой.

– Убей его, – приказала я.

Расмус откинул руки назад и хлопнул ими, поразив Аркуса мощным взрывом холода. Аркус повернулся, чтобы принять удар на плечо, и поднял руку, чтобы нанести удар.

– Мне надо еще, – прошептал Расмус, и я снова коснулась его, делясь темной энергией.

Когда часть тьмы покинула меня, мир приобрел цвет, и я снова посмотрела на Аркуса другими глазами.

– Ты причиняешь ему боль, – бесстрастно произнесла я.

Минакс сказал, что это сделает меня сильнее, но я чувствовала смутный дискомфорт, от которого не могла избавиться.

– Да, – проскрежетал сквозь зубы Расмус, – хоть бы он умер быстрее. Мускулы его бугрились, когда он острым льдом наносил удар за ударом. Когда острые осколки вонзались в нежную кожу на шее Аркуса, комната наполнилась криком и отражающимся от стен эхом. Одной рукой он вытирал кровь, а другой продолжал сражаться.

Я продолжала наблюдать, пока на руке Аркуса не возник глубокий порез. Он закричал от боли и согнулся пополам, и удары посыпались на его спину.

– Что-то не так, – сказала я, положив руку на запястье Расмуса и потянув его вниз. Его лед вихрем закрутился по полу и растаял. – Я не хочу, чтобы он умирал.

Расмус встретился со мной взглядом, его глаза снова почернели.

– Не позволяй себе слабости – ведь ты уже все решила. Мы так близки.

– Руби, – сказал Аркус, весь окровавленный, задыхаясь от усталости. – Помоги мне.

– Нет, – сказал Расмус. – Он должен умереть, чтобы мы могли забрать его силу, и вместе мы будем непобедимы. Сделай это, Руби. Покажи, какая ты сильная.

Предвкушение наполнило меня до краев. Отвлечшись на секунду, я подняла руку и направила

огненный столб в Аркуса. Он встретил его льдом. Как только эти два столба разрушительной силы слились, вспыхнуло бело-голубое пламя, бьющее до потолка словно гейзер.

– Ледяное пламя, – выдохнул Расмус, смеясь от восхищения. – Пламя, которое может сжечь что угодно. Было сказано, что только божество может его создать, но вот ты здесь и ты создаешь вещи, подвластные только богам. Я знал, что ты – особенная.

Он повернулся, чтобы позлорадствовать.

– Даже ты не можешь сравниться с ней, брат!

Он добавил своего льда к бело-голубому гейзеру, и все три струи, слившись, образовали ослепительно-белое колесо с синей сердцевинкой. Он использовал силу своего дара, чтобы наклонить искривший столб пламени, и теперь его синий центр неумолимо приближался к Аркусу.

– Как только пламя его настигнет, – сказал Расмус, усмехаясь, – от него останется лишь мокрое место.

Внезапно какое-то внутреннее чувство тревоги вцепилось когтями в мое сердце, раздирая болью грудь. Это был Аркус.

Аркус.

Сотни картин пронеслись у меня в сознании. Аркус уносит меня из тюрьмы, Аркус спасает меня от собственного огня, бросая в ручей, Аркус учит меня сражаться. Я вспомнила, как в первый раз заглянула ему в глаза, первый раз, когда он улыбнулся мне, как я удивилась, когда поняла, что он гораздо лучше, чем мне казалось. И он менялся ради меня, или, по крайней мере, пытался. Он унял свое нетерпение после первой тренировочной схватки. Он показал мне в кузнице, как сталь закаляют пламенем. Он невольно делился со мной своими впечатлениями, любовью к легендам, заботой о людях, которые страдали. Он отталкивал меня так много раз, но теперь я знала, что так он пытался защититься от чувств, которые были слишком сильны, чтобы отрицать их или контролировать. Я чувствовала то же самое, пытаюсь обуздать свои чувства к нему, но все равно хотела его внимания, его доверия и даже его прикосновений.

Я вспомнила, как он поцеловал меня и как говорил, что хочет защитить меня и не хочет отпускать. Он снова и снова показывал, как сильно он беспокоится обо мне, желая или не желая того, и я начала видеть всю глубину его чувств, которые так сильно отличались от моих первоначальных представлений. Он принимал все близко к сердцу, и я тоже. Он стал жизненно необходим для моего существования.

Он хотел умереть за меня. И я бы сделала то же самое для него. Я чувствовала, что внутри еще оставалась маленькая частичка меня самой, не тронутая тьмой, и что ни за что на свете я не причиню ему вреда.

Благодаря этой волне чувств мне удалось обрести контроль и немного прийти в себя. Я нащупала чувство надежды, что-то теплое и яркое, за что я держалась, когда все стало мрачным. Я накрылась этим чувством, как покрывалом, и медленно пошла к Аркусу, чтобы направить ледяное пламя на Расмуса. Колесо с синей сердцевинкой начало разворачиваться в его сторону.

– Что ты делаешь? – спросил Расмус, широко раскрыв глаза.

– Уничтожаю твой трон.

С каждой секундой я чувствовала, как мой разум набирает силу, сбрасывая влияние Минакса. Я это сделаю. Я уничтожу проклятие.

– Нет!

Расмус послал на меня лед, чтобы отбросить назад. Я швырнула в него пылающий шар, который пронес его по комнате, ударив головой о стену. Расмус упал.

Я снова повернулась к трону и постаралась собрать как можно больше тепла. Но трон не давал мне это сделать – ведь он был предназначен Форсом для ослабления и уничтожения Огнекровых.

– Ты можешь это сделать, Руби, – сказал Аркус. – Не сдерживай себя. Отпусти!

На миг меня охватило страшное сомнение – я вспомнила все свои неудачи: деревню, маму, первые попытки использовать огонь. Я вспомнила, как всего лишь несколько минут назад позволила Минаксу взять контроль над собой, как он убедил меня убить Аркуса.

Но я сильнее этого. Я не позволю ему управлять мной. Даже когда я почувствовала присутствие теней в своем сознании, я все равно их контролировала. Мои дары, будь то огонь или тьма, уже не были дикими. Они были – мои и подчинялись мне.

– Аркус, – выдохнула я, – накройся льдом.

Я услышала треск льда и краем глаза увидела, что Аркус сначала укрыл толстым слоем льда своего брата, который лежал на полу, а затем накрывшись льдом сам.

И, наконец, я отпустила себя.

Сердце мое билось в два раза быстрее, внутри меня пылало нескончаемое пламя закатов. Оранжевый цвет опалил мне глаза, и я погрузилась в мучительные волны белого огня. Он был в сотни раз жарче того, от которого Аркус спас меня, когда я сжигала свою одежду в аббатстве. Это было похоже на падение в бурлящую лаву.

Я сосредоточилась на черном очертании трона. Он по-прежнему пытался отнять у меня тепло, настойчиво вытягивая его, как будто желая вырвать мое сердце прямо из груди. Но я была не просто Огнекровной. Возможно, именно такая судьба и была мне уготована, но мне удалось взять под контроль Минакса внутри меня. Я смогла это сделать.

Притягивая каждую мысль о тепле и огне в сознании и в сердце, я медленно наращивала внутри себя давление, пока оно не стало мучительно невыносимым. И тогда я выбросила его наружу, чтобы взорвать трон. Взрывной волной меня отбросило назад, ударив о ледяную колонну. Слепленная, я увидела, что трон расплавился лишь наполовину, и я еще раз повторила все действия. Дай теплу накопиться, учила меня бабушка. Взнуздай его, учил меня брат Тисл. Отпусти его, учил меня Аркус. Снова и снова я собирала тепло, преодолевала сопротивление, копила силу и отпускала ее с пьянящей уверенностью, которой я никогда не чувствовала раньше.

У меня по лицу градом катился пот, руки тряслись, я кричала, стараясь выплеснуть как можно больше тепла. Наконец, остаток ледяного трона раздулся, как переполненная бочка, и взорвался, взлетев вверх облаком крошечных капель, которые шипели, парили и наполняли воздух струйками света.

Минакс взвился внутри меня и лихорадочно завибрировал при виде пустого места, где стоял трон – его дом на протяжении тысячи лет. Я почувствовала его замешательство, его краткое чувство утраты, которое затем сменилось восторгом, когда он осознал, что теперь он может свободно жить внутри меня. Он стал устраиваться поудобнее, заполняя собой все мое сознание.

Послышался звук, напоминающий звон разбитого стекла. Это Аркус пробивался сквозь ледяную защиту, который спасла его от моего огня. Он подошел ко мне, и сквозь пелену я услышала, как он назвал мое имя, и почувствовала его руки на своих плечах. Но сознание мое уплывало – так смыкает волной песчинки в море.

Я слышала голос, который торжественно гудел тысячью колоколов, и каждое слово отдавалось в моей голове мучительной болью.

– Мой истинный сосуд, ты освободила меня. Мы всегда будем вместе.

Когда тьма начала расти во мне, я поняла, что раньше она применяла лишь часть своей силы. Она позволила мне уничтожить трон, потому что хотела этого. Я была частью плана. И теперь она росла внутри меня, поглощая меня саму.

Мне нужна была помощь человека, чья сила превосходила мою, – девушки с золотистыми волосами и янтарными глазами, которая помогла Аркусу выжить, которую видела я, заблудившись в лесу в снежно-белой метели. Если это действительно была пророчица – провидица, которая исцелила Циррус, – мне нужна была ее помощь.

– Сейдж, – произнесла я, обращаясь к ней той частью своей души, которая знала больше, чем разум, – помоги мне.

И голос из моих видений прошептал мне на ухо.

– Чтобы наполниться светом, тебе нужно просто сделать выбор. Выбирай прощение. Выбирай любовь.

Ее слова наполнили меня силой для борьбы с тенью. Я заставила себя сосредоточиться на светлых вещах: любви, надежде и исцелении, новых начинаниях и прощении. Я заставила себя мечтать о жизни, которую я хотела прожить, а не вспоминать боль и чувство вины из прошлого. Я представила маму – она улыбалась и гордилась мной, и рядом с ней бабушку – они протягивают ко мне руки, чтобы тепло обнять. Любовь была силой – очищающей, как огонь. И я раскрыла ей объятия.

Меня наполнил ослепляющий золотистый свет. И тут же раздался нечеловеческий крик, полный муки – агонии, и затем тьма, наполнявшая меня изнутри, вырвалась наружу и за клубилась черным дымом в воздухе. Я чуть не упала, но Аркус удержал меня, прижав к своей груди.

Минакс черной тенью навис над нами. Он попытался вновь проникнуть в меня, но я заполнила свое сознание мыслями о любви, стараясь, чтобы свет оставался устойчивым и ярким.

Тень чудовища мерцала, становилась то мутной, то прозрачной, изо всех сил пытаясь сохранить свою форму. Вибрируя, Минакс отступил – он хотел вернуться ко мне, но знал, что это невозможно.

Краем глаза я заметила какое-то движение. Расмус вырвался из льда и полз к нам по полу. Он дрожал, лицо его приобрело болезненный серый оттенок, а голубые глаза были наполнены болью.

– Вернись ко мне, Минакс, – хрипло сказал он.

Он казался таким слабым, что я не испытывала страха перед этим когда-то могущественным королем.

– Не давай ему слиться с тобой, – сказала я. – Я знаю, насколько он силен. Если тыпустишь его, он уничтожит тебя до конца. Ты погибнешь.

Он покачал головой.

– Я все равно умираю, – он поднял руки. – Приди, Минакс, мой единственный друг. Вернись ко мне.

Замешкавшись лишь на мгновение, тень чудовища двинулась к Расмусу.

Аркус прыгнул к нему.

– Рас, нет!

Аркус кинулся к брату, но тьма уже проникла в него, снова превратив его голубые глаза в черные. Расмус вздохнул с облегчением, губы скривились в дрожащей улыбке.

– Ничто не имеет значения, кроме силы, – прошептал он.

Затем он нахмурился и откинул голову в агонии. На его светлой коже четко выступали вены, меняя цвет с синего на черный – по ним текла тьма – крошечные притоки и потоки побольше соединялись, вздуваясь. Расмус закричал и начал царапать себя руками в попытке избавиться от наваждения, глядя в потолок, словно искал надежду на спасение. Его тело сотрясали страшные судороги, и он упал на пол, когда Минакс снова взмыл в воздух, паря над нами. Он выглядел сильнее, потерял прозрачность, стал осязаемым. Он двинулся к Аркусу, но я бросилась к нему, раскинув руки, закрывая его собой.

– Сейдж, защити нас, – едва слышно прошептала я.

Минакс затрясся, как будто от смеха.

– Мне не нужен этот король – он боролся с моим влиянием, когда занял трон. Но я пока что сыт его братом. Какое-то время я смогу продержаться, пока не найду следующего хозяина. Но истинный мой сосуд – это ты, Дочь тьмы. Когда тебя наполнит отчаяние, когда уйдут все, кого ты любишь, мы снова станем едины. Помни обо мне.

Что-то обожгло кожу возле моего левого уха, а затем я почувствовала, что Минакс исчез.

Мир перевернулся и стал возвращаться в нормальное состояние. Стоя на каменном полу на четвереньках, я с трудом вздохнула. Я хотела заговорить, но в горле пересохло и першило.

Открыв глаза, я увидела две одинаковые льдинки, переливавшиеся множеством голубых оттенков от теплой сини летнего озера до прохладной лазури зимнего утра.

– Это ты, Руби? – Аркус тихо, на выдохе, произнес мое имя.

– Да, Минакс ушел, – ответила я. – Пока ушел.

– Слава Темпусу, ты в порядке!

Он обнял меня. Я уткнулась головой в его плечо. Через несколько минут он повернулся посмотреть на то, что осталось от Расмуса.

– Он был моим братом.

– Я знаю. Мне очень жаль.

В течение нескольких месяцев я мечтала убить Расмуса. Но Аркус хотел, чтобы я исцелила его, а у меня не получилось. Я обняла Аркуса так крепко, как могла, пока он дрожал, и его холодные слезы капали мне на ключицу. Я просто гладила его по волосам. Меня поразило, что Аркус может так страдать из-за гибели брата, несмотря на его предательство. Когда он успокоился, я прижалась губами к его щеке.

Солнце уже опустилось за гору. В тронный зал заглядывали его последние лучи, в слабом свете которых танцевали пылинки. Удлинялись тени, но теперь это были просто тени. В комнате что-то неуловимо изменилось. Исчез злой дух трона.

– Мне надо идти, есть множество дел, которые не ждут, – сказал Аркус, тяжело вздохнув. – Мое войско выиграло битву, но есть и те, кто будет... недоволен тем, что здесь произошло. Они скажут, что я убил брата, чтобы захватить власть.

Я не стала говорить, что на арене я на мгновение тоже подумала, что Аркус пришел, чтобы захватить власть.

– Но ты его не убивал.

– Они могут этому не поверить, – сказал он. – Мне нужно убедить тех, кто был предан моему брату, что теперь они должны верно служить мне. Это будет непросто.

– Мне бы очень хотелось помочь, но, как ты сказал раньше, меня не особо любят в этих местах.

Он криво улыбнулся и коснулся моей щеки.

– Любят... Правда, лишь некоторые.

Что-то мучительно-радостное и светлое вспыхнуло во мне. Чувства переполняли меня, я взяла его руку и прижалась к ней щекой.

Глава 29

В туннеле возник горящий факел. В дверях появилась Марелла.

– Где Рас? – спросила она, но по страдальческому выражению ее лица было ясно, что ответ она уже знает.

Аркус жестом показал на безжизненное тело брата. Марелла прижала руку к сердцу, когда увидела его. Ресницы ее задрожали и закрылись.

Неважно, что Расмус угрожал ей, я помнила, что она знала его всю свою жизнь.

– Мне жаль, – мягко сказала я ей.

– Ты уничтожила трон, как и должна была, – натянуто произнесла Марелла.

Она несколько раз судорожно вздохнула, стараясь успокоиться, затем расстроено махнула рукой в сторону двери.

– Прекрати прятаться, отец. Ты же не хочешь, чтобы новый король считал тебя трусом.

Лорд Устатиус вошел в комнату, поклонившись Аркусу, он выглядел слегка растерянным.

Держа в руке факел, Марелла подошла к стене, осветив место, где трон простоял целую вечность. Сейчас там было пусто – остался только темный контур. Без его грозного присутствия зал стал похож на пещеру. Я старалась не смотреть на тело Расмуса, глядя на Мареллу.

– Марелла, Расмус сказал, что ты заплатила капитану, чтобы он отвез меня в тюрьму Блэк Крик. Это правда?

Она заколебалась и широко развела руки.

– Прости меня, Руби. Это все, что я могла для тебя сделать тогда. Я не могла остановить набеги, но я хотя бы сумела убедить капитана Дрейка держать всех обнаруженных им Огнекровных подальше от короля.

– Что ты говоришь? – заволновался ее отец, щеки его, казалось, запали еще больше, чем при нашей последней встрече, а руки, которые он держал по бокам, тряслись. – Ты только что призналась в государственной измене.

Марелла косо взглянула на него.

– Не думаю, что этот король будет возражать против того, что я пыталась спасти Руби от ненависти другого короля. Не так ли, король Арелиус Арканус? Или мне называть тебя Аркусом?

Аркус опустил свою руку мне на плечо жестом собственника.

– Ты всегда называла меня Арканусом, и я не жду, что ты будешь звать меня по-другому. Я не буду винить тебя за то, что ты пыталась защитить Огнекровных. Но зачем ты это делала?

– Меня всегда сильно интересовали пророчества Дру, а также история нашего народа и история Огнекровных. В одной из книг говорилось, что проклятый трон будет уничтожен Огнекровным с сильнейшим даром. Хотя, честно говоря, никто не верил, что этот трон проклят, кроме брата Тисла. И меня. Я чувствовала, что все зло в нем, когда была еще ребенком.

– Тогда где же все остальные? – спросила я сбившимся голосом. – Где Огнекровные, которых ты спасала?

Ее глаза потемнели.

– Боюсь, что, к тому времени, когда капитан согласился работать на меня, большинство из них уже исчезли, бежали или погибли. Ты была единственной, кого он нашел. Я благодарила Форса за это чудо.

– Он убил мою мать, Марелла.

Она отвернулась.

– Я не думала, что он будет так жесток. Мне очень жаль, Руби. – Она снова взглянула на меня, и в ее взгляде сквозило раскаяние, почти мольба. – Но, по крайней мере, я спасла тебя. И когда тебя привезли сюда, я убедила Расмуса позволить тебе участвовать в битве. Ты победила всех соперников, и я поняла, что в древних книгах говорится именно о тебе – той, что сможет управлять тьмой, но не пасть ее жертвой.

Улыбка осветила ее лицо, сделав ее еще красивее.

– И теперь мы как сестры, правда? Я никогда не забуду, как ты уничтожила трон, и ты никогда не должна забывать, как я помогала тебе.

Шок и усталость окончательно добили меня. Я едва могла понять, о чем говорит Марелла, и тем более не знала, как к этому относиться. Острая боль пронзила живот, и я, застонав, прижала к нему руку, голова закружилась, глаза закрылись. Я слышала, как Аркус попросил Мареллу привести целителя, звук ее удалявшихся шагов, затем и ее отец вышел из комнаты, его распекающий голос эхом разнесся в коридоре.

Мой взгляд упал на пустое место, где стоял трон. Там, торжествуя, кружил Минакс. Он сообщил мне, что вернется за мной, когда я совсем отчаюсь. Когда все, кого я люблю, уйдут.

Неужели ему все мало? Моя мама, мой дом, месяцы моей жизни. Остался только Аркус. Как я ни пыталась отстраниться от него, он нужен мне. Я и думать не могла о том, что потеряю еще и его.

– Что это? – спросил Аркус, нежно коснувшись пальцами кожи у меня за ухом. – Похоже на... сердечко. Маленькое черное сердце.

– Наверное, ожог.

Но я знала, что никакой это не ожог – это Минакс оставил свою метку. Боль снова скрутила мне живот. Я не могла думать об этом прямо сейчас. Все, чего мне сейчас хотелось, – насладиться теплом и забыться в ласковых объятиях.

Аркус вздохнул, коснувшись моей щеки, и быстро одернул пальцы.

– Руби, ты вся горишь. Даже для Огнекровного ты слишком горяча. Тебе надо срочно окунуться в воду.

Я кивнула и приподнялась, чтобы встать. Но мир юлой закружился у меня перед глазами, и этот вихрь подхватил меня и унес в черное небо.

Я застонала и оттолкнула руку, протиравшую прохладной тканью мой лоб. Я ненавидела холод. Я хотела гореть. Я вся была огонь.

Вздых.

– Упрямица. Боюсь, и смерть не исправит тебя.

Пробираясь сквозь туман, окутавший мой разум, я, наконец, смогла открыть глаза. В поле зрения появились морщинистое лицо с крючковатым носом. Оно осветилось почти беззубой улыбкой. В солнечном свете сияла лысина с несколькими прядями седых волос по бокам. Блаженным выражением лица он напоминал посланника богов. Ведь я знала, что брат Гамут мертв...

– Это загробный мир? – спросила я ужасно хриплым голосом.

– Если бы ты была мертва, разве у тебя на лбу лежала бы тряпка, смоченная холодной водой, которую ты так ненавидишь?

Чувства горячим потоком нахлынули на меня. В горле пересохло. Тело горело. В глаза как будто кинули песком.

– Как сказать, – прохрипела я. – Боги могли бы наказать меня.

Он усмехнулся.

– Вполне возможно.

Мои глаза наполнились слезами. Я была жива. Брат Гамут был жив. Если капитан солгал о брате Гамуте, то, может, он солгал и о других. Кряхтя, я приподнялась и обняла его костлявое тело.

– Вы не представляете, как я рада видеть вас в безопасности.

Он рассмеялся и втянул воздух.

– У тебя очень горячая кожа, Руби.

Я отпустила его и снова откинулась на мягкий матрас, схватившись руками за свою кружащуюся голову. Оглядевшись, я поняла, что нахожусь в незнакомой комнате. Вокруг кровати колыхалась прозрачная ткань балдахина, а открытое окно прикрывали тяжелые шторы.

– Где я?

– В старой комнате королевы, – он улыбнулся щербатым ртом и махнул рукой на дверь у стены. – А это дверь в комнату Аркуса. Повезло вам, что я так рад видеть вас обоих, а то ведь мог и усомниться в разумности его выбора.

Не успела я ответить на его поддразнивание, как меня накрыло волной тошноты.

– Меня сейчас стошнит.

– У тебя в желудке ничего не осталось, кроме воды. Твой организм принимал только воду. Ты пережила шок, твое тело только-только начало исцеляться. Я сижу с тобой с момента своего приезда, беседую в надежде, что ты полностью очнешься. И я рад, что ты, наконец, пришла в себя.

– Сколько времени прошло?

– Перед тем, как войти в город, Аркус послал за нами. Мы прибыли на следующий день после того, как ты... заболела. Я не отходил от твоей постели три дня.

– А до этого вы были в аббатстве? В безопасности?

Брат Гамут нахмурился.

– Большинство из нас остались целы и невредимы. После того, как пришли солдаты...

Он встретился со мной взглядом и вздохнул.

– Мы думали, что брату Лэку неизвестно о выходе через катакомбы. Но мы ошиблись. Как только солдаты узнали о тебе, они начали допрашивать нас. Но Аркус вернулся быстро. Они с братом Тислом вступили в бой с солдатами. Те, кто был помоложе и в силах, тоже пошли сражаться.

– Вы победили?

– Мы убежали. Потом ушел Аркус, чтобы привести своих сторонников в замок. Остальные прятались в пещерах на склоне горы, пока не получили от Аркуса весть, что можно вернуться в аббатство. Но он хотел, чтобы брат Тисл был здесь, когда все закончится, чтобы помочь ему советом. А я предложил свою помощь в исцелении всех, кто был ранен в бою.

– Брат Гамут, почему вы отводите взгляд? Вы что-то скрываете?

Он покачал головой и начал говорить медленнее, с трудом.

– Мы потеряли нескольких наших братьев и сестер в бою.

Он назвал мне имена погибших друзей, в том числе веселого брата Пила. Я крепко сжимала его руку, пока он говорил, и по моим щекам текли слезы.

– Остальные в относительном порядке, – заверил он меня. – У сестры Клоув сломана рука, но уже заживает. Сейчас мы все ей помогаем.

– Я тоже буду помогать, – сказала я, садясь и глубоко вздыхая. – Как только мне станет лучше, я вернусь вместе с вами. Аббатство – теперь и мой дом.

– Я рад, что ты называешь аббатство своим домом. Мне самому пришлось выпить много чашек собственного чая, чтобы не переживать за тебя так сильно.

– Теперь уже все в порядке. Но, пожалуйста, расскажите мне все подробно. Мне нужно знать, что я пропустила.

Он снова похлопал меня по руке и, сморщившись, быстро отдернул ее.

– Только если позволишь протирать тебе лицо и шею. Даже Огнекровные не должны так гореть.

Он говорил, продолжая промокать мне лоб, щеки и шею прохладной тканью. Я часто прерывала его, и он отвечал на мои вопросы, иногда призывая меня помолчать, чтобы он мог закончить мысль.

Я пыталась, но терпение мне не присуще.

Пока я была без сознания, сражаясь с лихорадкой, Аркус убедил большую часть дворян, что он является законным королем. Ему не пришлось предъявлять доказательств, что над государством нависло проклятие. Люди и сами уже давно чувствовали это сердцем. Но Аркусу все же пришлось предпринять некоторые действия, поскольку народ слишком уж давно жил одной войной. Он приказал вернуть войска из соседних стран и направил послов, чтобы начать долгий процесс восстановления отношений с королевскими особами. Потребуется время, сказал брат Гамут, чтобы люди простили. Ледяной Король воплотил в себе все темные стороны Минакса. Новому королю придется пройти долгий путь, чтобы вернуть доверие.

– Но с ним все в порядке? – спросила я с тревогой. – Как он справляется с горем после смерти брата? Если бы вы только видели его, брат Гамут. Он выглядел... сломленным.

– Я знаю, дитя. Я вижу его печаль. Он сам не свой.

Мы помолчали, и тут дверь открылась, и вошел Аркус, глядя на брата Гамута. Он был без капюшона, и я хорошо видела его глаза. Сегодня они были цвета замерзшего озера, припорошенного снегом. Он был мрачен, щеки ввалились, будто он давно не спал. За несколько дней он словно постарел на несколько лет.

– Я немного побуду с ней, брат, – тяжело произнес Аркус, закрывая за собой дверь. – Коронация еще не скоро.

Но как только он увидел меня, глаза его широко раскрылись.

– Она пришла в себя!

– Теперь ты можешь говорить прямо со мной, – заметила я.

– Руби, – вздохнул он, осторожно надвигаясь своим огромным телом на меня, будто думал, что я улечу, как испуганная птица.

Меня и тронуло, и удивило, что после всего того, что мне пришлось пережить, он все еще считал меня хрупкой.

Он положил мою ладонь на свою холодную руку. Я вздрогнула, но не от холода, а от ощущения его прикосновения, и по коже у меня побежали мурашки.

– Как ты себя чувствуешь? – мягко спросил он.

Я попыталась вытащить руку, уверенная, в том что она слишком горяча для него. Он сжал ее сильнее.

– Как пережаренный кролик, – ответила я.

Его глаза залучились радостным изумлением, и он сразу стал выглядеть моложе.

– Ты вся горишь. Приглуши свой огонь.

– Ах, это требует самоконтроля. А мы оба знаем...

– Что его у тебя слишком мало, – закончил он с усмешкой, которая не способствовала снижению температуры.

Несмотря на легкость его тона, выглядел он все равно плохо: челюсти сжаты, плечи напряжены.

– С тобой все в порядке? – спросила я.

– Брат Тисл кудахчет надо мной, как курица-наседка. Если он не остановится, мне придётся запереть его в курятнике.

– Он любит тебя.

– И я его тоже люблю.

Его лицо стало серьезным, и я подумала, что он хочет сказать что-то еще. Потом его глаза метнулись к брату Гамуту, который сидел на стуле, счастливо усмехаясь, и, видимо, он передумал говорить.

– Мне очень жаль, Аркус, – сказала я, сжимая пальцами одеяло. – Я не должна была идти в тронный зал без тебя. Если бы я подождала, может быть...

Он покачал головой, опустив брови.

– Это не твоя вина, – он помолчал. – Вчера была небольшая служба. Мы похоронили его в церемониальной одежде с некоторыми вещами, которые он любил в детстве.

Я кивнула. Вероятно, Аркус хотел помнить его именно таким – мальчиком, каким он был когда-то.

– Мы все спаслись благодаря тебе.

– Тогда почему я чувствую себя так, будто потерпела неудачу? – спросила я, глядя в сторону. – Минакс теперь гуляет на свободе и не привязан к трону. Кто знает, какой хаос он может сотворить теперь, когда я освободила его?

Брат Гамут, видимо, чувствуя напряженность, повисшую в воздухе, прочистил горло и встал.

– Мне нужно подобрать травы, чтобы приготовить тебе мой особый чай. Тебе ведь он нравился, правда?

– Очень, – искренне ответила я. – Вы и не представляете, как я по нему скучала.

Монах быстро поклонился Аркусу и вышел из комнаты. Когда дверь за ним захлопнулась, Аркус сел в кресло, все еще держа мою руку в своих.

– Ты не потерпела неудачу, – сказал он. – Ты избавила замок от проклятия.

– Но трон давал силу Ледяному Королю, – я встретила с ним взглядом. – Без него ты будешь слабее.

Нахмурившись, он обдумал мои слова.

– Трон давал силу королям, но они не всегда правильно использовали ее. Долгое время тьма росла и с правления моего отца начала проявлять себя в полной мере. Мой собственный отец был... ужасно жесток к брату.

– Расмус рассказал мне.

Я накрыла его руку своей и слегка пожала ее.

Он посмотрел на наши руки.

– Поэтому я намерен использовать не только грубую силу, но и силу слова и убеждения.

Я усмехнулась.

– Да, ты любишь поговорить.

Он улыбнулся одной стороной рта, и его шрамы сморщились. Мне вдруг захотелось провести по ним пальцами.

– Раньше мне удавалось уговорить некоторых.

Несколько минут мы сидели молча.

– Почему ты не сказал мне, кто ты на самом деле? – спросила я.

Его губы скривились. Он встретился со мной напряженным взглядом.

– Это было тайной. Если бы кто-нибудь узнал об этом, это значило бы смерть для монахов. Я использовал аббатство в качестве убежища, уединенного и безопасного, пока собирал сторонников и силы. Если бы Расмус узнал, он бы в ярости уничтожил орден. Я не мог рисковать. Я знал, что могу доверять тебе, Руби, и я действительно тебе доверился... Но это было и для твоей безопасности – если бы тебя схватили, ты не смогла бы рассказать то, чего не знала.

– Я понимаю, – сказала я. – Я тоже переживаю за монахов.

Он откинулся назад, погладил мои волосы, затем рукой приподнял подбородок, и наши глаза снова встретились.

– Руби, я хочу, чтобы ты знала, что я передумал. Я хотел сказать брату Тислу, что нам нужно найти другой путь. Но потом... – Его рука сжалась. – Когда я вернулся в аббатство и обнаружил, что тебя схватили, я был в отчаянии. Я бросился в погоню, но тебя уже увели слишком далеко. Как только ты попала в замок, мне нужны были мощные силы, чтобы вступить в бой с солдатами Расмуса.

– И ты сделал это. Ты победил.

– Картина была нерадостной, пока чемпионы не объявили, что они на моей стороне.

Моя симпатия к Браке выросла в десятки раз.

– Хорошо.

– Под моим правлением они навсегда освобождены от рабства, Руби. Сейчас они свободные люди.

Меня накрыла волна радости и гордости за нового короля. Аркус улыбнулся в ответ, и мое сердце затрепетало от его чудесной улыбки.

– Я знал, что тебе это понравится, – сказал он, и его ладони снова накрыли мои руки.

Я набралась храбрости и рассказала Аркусу, как Минакс назвал меня своим «истинным сосудом». Он крепко сжимал мои руки, пока я говорила

– Мы не позволим ему забрать тебя, – сказал он хриплым от волнения голосом. – Я не позволю, Руби. Клянусь.

Я ответила легким пожатием – он хотел успокоить меня. Но как мы сможем сражаться с чем-то столь эфемерным, как тьма?

– Ты выглядишь усталой, – сказал он мягче. – Тебе надо отдохнуть.

С неохотой я выпустила его руку.

– Тебе надо готовиться к коронации. Как бы я хотела тоже пойти.

Он покачал головой, и взгляд его снова посуровел.

– Ты слишком слаба. Когда твой жар спадет, можешь делать все, что пожелаешь. Но до тех пор никаких посетителей и, пожалуйста, не покидай эту комнату.

Я вспомнила, как однажды сказала ему, что он никогда не будет меня контролировать, иначе ему не поздоровится. Но он совсем не был похож на своего брата, который распоряжался людьми ради удовольствия. Аркус повелевал, чтобы защитить. А поскольку я была уставшая и измученная, я легко подчинилась.

– Ты выглядишь очень по-королевски, когда отдаешь приказы, – сказала я, не в силах сдержать улыбку. – Мне так и хочется вступить с тобой в перепалку, просто так.

Его взгляд подернуло льдом.

– Хочешь, чтобы тебя обвинили в государственной измене? Жаждешь вернуться в камеру, Леди Головешка?

Я передразнила его суровый взгляд.

– Это не повод для шуток.

Он усмехнулся и положил руку на грудь.

– Ты прямо испепелила меня взглядом. Как бы мне хотелось, когда я сержусь, быть хотя бы наполовину быть таким же устрашающим, моя маленькая огненная геенна.

– Ты можешь быть устрашающим, когда захочешь.

Его усмешка смягчилась.

– Надеюсь, не для тебя.

Мой пульс среагировал на нежность в его глазах.

– Все так случилось только потому, что я просто представила, что ты пожертвуешь собой ради меня. Как ты мог?

Я опустила взгляд, но затем снова взглянула на него и, борясь с застенчивостью, произнесла.

– Я умру, если я больше не увижу твоего прекрасного лица.

Внезапно он прижал меня к себе, грудь его быстро вздымалась от волнения. А потом он осторожно положил меня на подушки. Его когда-то холодные голубые глаза теперь кипели, встретившись с моими.

– Спасибо, моя Огненная леди, – сказал он срывающимся голосом. – Каждый вечер я буду вспоминать твои слова в постели, чтобы успокоиться.

Я представила себе его голую грудь, прикрытую одеялом, и меня накрыла горячая волна. Он поцеловал меня в лоб и начал подниматься.

– Аркус, – сказала я, все еще удерживая его в объятиях. – Говорят, что дела между огнем и льдом никогда не заканчиваются хорошо.

Я замолчала, но он все равно понял, что я хотела спросить. Неужели наша история закончится так же трагично, как и у Ледяного Короля, который женился на Огнекровной Королеве?

Он молчал, и мое сердце сбилось с ритма. Но затем он сел рядом со мной на кровати, и вид у него был скорее задумчивый, чем обеспокоенный.

– Мне кажется, мы не так долго были вместе, чтобы ответить на этот вопрос. Но я уверен, что трон тоже приложил руку к смерти Огнекровной Королевы. Я не боюсь твоего тепла, а ты не боишься моего холода. И кроме того...

Он наклонился, я придвинулась ближе к нему и подняла подбородок. Он опустил голову и впился в мои губы горячим поцелуем, который грел сильнее, чем мой огонь.

Было не больно, и хотя и горячо, но мне это нравилось. Кровь быстрее побежала по венам, температура подскочила, и во рту пересохло. Все тело затрепетало от поцелуя.

Он был нежным, но в то же время безудержным, словно говоря мне что-то, отдавая частичку себя. Это было новое неизведанное чувство, и я казалась себе другой – настоящей и драгоценной. Я прижалась к нему сильнее, целуя его и касаясь руками его лица и волос, глядя его прекрасные шрамы. Всей душой я стремилась убедить его, что нуждаюсь в нем и больше не боюсь касаться его.

Когда у нас обоих уже перехватило дыхание, он отстранился и улыбнулся. Я улыбнулась в ответ. И тогда он нежно прижал свои губы к моим, а кончиками пальцев погладил мой подбородок.

– Когда дело касается тебя, – прошептал он, – мне хочется быть сожженным.

Благодарности

Если бы благодарность можно было выразить теплом, то от этих страниц остался бы только пепел. Эта книга обрела жизнь благодаря многим счастливым случайностям и длинному списку людей, благодаря которым эти случайности случились. Вот лишь их малая часть.

Прежде всего, спасибо всем сотрудникам агентства «Нью Лиф Литерари». Особая благодарность моему отважному агенту Сьюзи Таунсенд, которая всегда знает, что нужно сказать, чтобы снять напряжение и наполнить меня энергией. Я знаю, как много ты сделала, чтобы отстоять «Ледяную кровь», и не забуду этого. Нежно обнимаю членов моей первоначальной команды, Джеки Линдерт и Джайду Темперли, которые нашли мою книгу и принесли ее Сьюзи. В тот день мне крупно повезло. Огромная благодарность Кэтлин Ортиз за виртуозное знание прав на издание произведений за рубежом, а также Саре Стрикер, Даниэлю Бартел, Пуйе Шахбазян, Джоанне Вольпе и Хилари Печон за то, что они такие замечательные.

Я бесконечно благодарна Дейрдре Джоунс из «Литтл Браун» за то, что она верила в «Ледяную кровь», и за то, что стала лучшим редактором, на которого я могла положиться. Работа с тобой – чрезвычайно позитивный опыт! Огромное спасибо арт-директору Саше Иллингворт, выпускающему редактору Энни Макдоннелл, редактору Кристин Ма, производственному директору Вирджинии Лотер, Эмили Польстер и Аллегре Грин за продвижение, публицисту Кристин Пискиотта, главному редактору Альвине Линг и издателю Меган Тингли. Вы надежны, как скалы!

Спасибо команде «Ледяной крови» из «Ходдер энд Стотон», особенно Эмили Китчин, Флер Кларк и Ребекке (Бекки) Манди! Благодарю вас за неистощимый энтузиазм, потрясающие идеи для продвижения книги – все, что вы делали, было фантастически прекрасно! Всем по капкейку!

Но настоящее путешествие к публикации началось только после присоединения к ассоциациям писателей RWA и TRW, где благодарности заслуживает так много людей, что я не в состоянии назвать всех. Просто знайте – я очень вам признательна! Огромное спасибо Морган Родес за то, что она, свернув первые пять страниц моего романа в трубочку, постучала мне по голове, приговаривая «Заканчивай!». Миллион раз обнимаю Еву Сильвер, которая не скупилась на замечания по первым главам, мягко направляла, наставляла и давала хорошие советы. Спасибо Келли Армстронг за прекрасную критику первых глав. Спасибо Молли О'Киф – она была первым опубликованным автором, который сказал мне, что я могу писать и что я должна продолжать. Крепко обнимаю мою дорогую подругу Ники По Прето за критику, сочувствие и бесконечный оптимизм.

Женский «спецназ» – моя надежная опора – что бы я без вас делала? Гуида, Кристал, Сара, Брук и Анабел, встреча с вами была предопределена звездами. Вы – мои друзья навсегда, мои избранные сестры, я не могу выразить словами, как я вас люблю.

Продолжу список людей, без которых я не могу жить: спасибо моим надежным помощникам – группе «Питч Уорс-2014», особенно Маре Рутерфорд, Никки Роберти, Кристин Б. Райт, Мэри Энн Марлоу, Саммер Спенс, Рону Уолтерсу и Келли Сискинд за прекрасные рекомендации, постоянное сопереживание и бесконечное чувство юмора. Обнимаю и целую Келли Калабрис, Дженнифер Хокинс, Маргариту Монтимор и Келли Гарретт за дружбу и веселье. Бренда Дрейк, спасибо за время и любовь, вложенные в конкурс «Питч Уорс», который изменил жизнь многих и многих начинающих авторов! Большое спасибо Саре Николас за то, что выбрала и учила меня, и Шэннон Кули за отличные комментарии и поддержку.

И спасибо «Тайной комнате с агентами», особенно Алексе Донн. Если бы не ваши «хлебные крошки», я бы до сих пор бродила в лесу «исправлений». Теплые объятия всем в группе «Swanky 17's» за ваши знания, одобрение и поддержку.

Огромное спасибо первым читателям «Ледяной крови», включая Райан Илер, Ребекку Бартлетт, Эмили ДиКарло и Изабель Хансон. Крепко обнимаю моих коллег в ESL, особенно Мэри, Лоре и Британни – с вами было интересно. Особая благодарность Тони Несполону, непревзойденному учителю английского, благодаря которому чтение и литературное творчество были столь увлекательны. Спасибо членам «Читательского клуба на галерке» Робин, Скай, Ренай и Колин – именно там и родились мои мечты о том, чтобы стать писателем.

Обожаю и благодарю свою маму Нэнси! Ты самая лучшая мама на свете – мне очень с тобой повезло! Все наша жизнь пропитана твоей любовью к чтению. Твоя безусловная любовь и поддержка очень много значат для меня. И спасибо Дэну за поддержку и чувство гордости!

Обожаю и благодарю своего папу Мэтта! Я до сих пор слышу, как ты читаешь мне «Али-Бабу и сорок разбойников» на крыльце у озера. Я помню, как ты говорил, что твоя бабушка была непревзойденной рассказчицей, а значит, это у нас семейное.

Обожаю и благодарю своих братьев Эрика и Марка – вы лучшие в мире братья! И замечательных Такакиса и Стивенсонов: Фреда, Донну, Джилл, Тодда, Зои, Квинтона и Хизер.

И наконец, спасибо Даррену, Никласу, Александру и Лукасу за то счастье, которые вы дарите мне каждый день. Люблю вас бесконечно!